

ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

4 (28)' 2018

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Алёна ЯВОРСКАЯ

Общественный совет:
Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев),
Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск),
Андрей Костинский (Харьков), Татьяна Липтуга (Одесса),
Марина Матвеева (Симферополь), Александр Петрушкин (Кыштым),
Юрий Работин (Одесса), Олеся Рудягина (Кишинёв),
Евгений Степанов (Москва), Анна Стреминская (Одесса).

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

Е-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2018

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса: Александр Хинт. Лирика твёрдого тела. <i>Стихотворения</i>	4
Одесса – Германия: Лев Либолев. Деревьями напичкано окно. <i>Стихотворения</i>	8
Одесса: Сергей Главацкий. Апноэ нам плацебо. <i>Стихотворения</i>	14
Черноморск: Александр Семькин. Диктат сезонного режима. <i>Стихотворения</i>	19

ПРОЗА

Одесса – Иерусалим: Евгений Кузьмин. Воспоминания об Архилохе. <i>Рассказ</i>	25
--	----

ПОЭЗИЯ

Киев: Ирина Иванченко. Вдруг замечаешь: зима. <i>Стихотворения</i>	34
Евпатория: Николай Столицын. И вечность – нипочём. <i>Стихотворения</i>	39
Москва: Евгения Джен Баранова. Тихий поезд под невидимым дождём. <i>Стихотворения</i>	45
Одесса – Иерусалим: Пётр Межурицкий. Поэты, что добились своего. <i>Стихотворения</i>	49

ПРОЗА

Одесса: Алексей Рубан. Мессия. <i>Рассказы</i>	53
Одесса: Анастасия Крушинская. Ангелы и люди. <i>Рассказы</i>	66

ПОЭЗИЯ

Коктебель: Владимир Алейников. Моцарт слуху так привычен. <i>Стихотворения</i>	78
Москва: Елизавета Храмова. Снег ложится, как вата. <i>Стихотворения</i>	84
Липецк: Андрей Новиков. Рыболов и птицелов. <i>Стихотворения</i>	88
Тамбов: Майка Лунёвская. По кругу танец. <i>Стихотворения</i>	93
Одесса: Жанна Жарова. Медузы венецианское стекло. <i>Стихотворения</i>	97

ДРАМАТУРГИЯ

Тула: Рагим Мусаев. Идущая к морю. <i>Сказка для театра кукол по мотивам преданий народов севера</i>	103
---	-----

ПРОЗА

Баку – Новый Уренгой. Эльдар Ахадов. Рассказы и сказки	113
Москва: Дмитрий Курилов. Ночные визиты. <i>Рассказы</i>	119

«ФОНОГРАФ»

Резина: Сергей Чернолев. Земная соль. <i>Пародии</i>	125
Одесса: Семён Росовский. Летнее солнцестояние. <i>Поэма</i>	132

ПРОЗА

Одесса: Вероника Коваль. Мемуары пальто из муара. <i>Рассказ</i>	137
Санкт-Петербург: Александра Петроградская. Дерево. <i>Рассказ</i>	143
Одесса: Анна Михалевская. Нити. <i>Рассказ</i>	148
Одесса: Геннадий Дмитриев. Нимфа. <i>Рассказ</i>	152

«ОКОЕМ»

«45-й калибр»: пять копеек «Южного Сияния». О конкурсе	158
Екатеринбург: Наталья Разувакина. <i>Стихотворения</i>	158
Москва: Ия Сонина. <i>Стихотворения</i>	160
Иркутск: Михаил Базилевский. <i>Стихотворения</i>	163
Ровно: Виктория Кольцевая. <i>Стихотворения</i>	165
Киев: Ирина Карпинос. <i>Стихотворения</i>	168

ПРОЗА

Москва: Леонид Волков. Протестую красотой. Автобиографическая проза	170
Севастополь: Елена Коро. Хоротипы Тавриды. Очерк	183

«ЛИТМУЗЕЙ»

Москва: Станислав Айдинян. «Малый жанр» Агаси Айвазяна	188
---	-----

«СЕТЧАТКА»

Минск: Вадим Салеев. Художественная критика как феномен культуры	197
---	-----

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

Яблоня в цвету. О книге Юлии Белохвостовой «Яблоко от яблони»	205
Возвращение настоящего человека. О книге Эльдара Ахадова «Добрые люди»	207
Инсайдаут софиста Сократа. О книге Константина Кедрова «В середине радуги»	208
Мистический роман Александры Петроградской. О книге «Великий Атала»	209
Нестандартный Пушкин. О книге Юрия Нечипоренко «Пльиви, силач! Молодые годы Александра Пушкина»	211
Поэт-трибун. Последнее стихотворение Льва Болдова	212

«ШКАФ»

Одесса: Вероника Коваль. Ночью мир – навыворот. О книге Галины Соколовой и Эллы Мазько «Страшная ночь, или Визит зелёной феи»	216
Белгород: Лана Яснова. Послесловие, или Размышляя о книге Марины Анашкевич «Тайнопись»	217

АЛЕКСАНДР ХИНТ

ЛИРИКА ТВЁРДОГО ТЕЛА

1.

сцена всегда означает сон
но пересаливает лицом
если игра начинается в зале
на тротуаре, в конце села
в горе, нирване, на дне котла
пусть мизансцену не доиграли
но сохранили ещё тела
не убоимся зла и печали

2.

тело идущего по прямой
думает, верно, что он герой
в мире сценического напряжения
но у него ампула «дурак»
ибо герой – агрессивный знак
флаг ему! и диалектика флага
что на Луне он – «огромный шаг»
реет над лунною головой
будто фаланга огромного фака

3.

тело уходит из-под кнута
шлёт изуверу движение рта
межвидовую гарантию мести
на переправе, в любви, за столом
даль резонирует «Авессалом!»
что означает – нигде в поднебесье
мышь не упустит родного кота
тело не в шерсти, но дело чести

4.

тело, идущее на поклон
напоминает железный лом
но не улов пионера с корытом
а в незнакомом лесу, вавоём
где и болото – лесной водоём

спину нельзя оставлять открытой
только вторым выходить на лёд
и у костра его храп рио-ритный
ночью стеречь, ковыляя днём

5.

тело в засаде глядит на вас
тоже, увы, различает вальс
в годы достатка или лихолетья
хореография этих смотрин
танец прищела, и раз-два-три
танго-мортале не нужен третий
вниз, чуть левее молочный кувшин
семь-восемь-девять, поправка на ветер

6.

тело, танцующее полёт
не сомневается, что живёт
и не радеет о точности истин
промысел, если и многолик
танец на небе – набор улик
что посильнее Агаты Кристи
лебедь анданте садится на лёд
для регистрации в «Интуристе»
администратор меняет парик

7.

тело, сжимающее гарпун
с юности помнит один тайфун
что в теплоходе раскалывал стены
и содержимое этих кают
как облака, уносил на юг
три полнолуния аборигены
в море ловили чужой уют
шляпку и платье, и китель военный
их и теперь надевает Зар Гьюн
вождь в иерархии Белой Гиены

8.

тело привычно идёт на вы
чтобы пополнить запас халвы
знает, Коперник ему не ровня
хоть и не знает, кто он таков
бодро сминая тела врагов
от иноверцев до иногородних
но уважает работу волхвов
в смысле коня и его головы
в плане того, что потомки нароют

9.

тело, идущее с той войны
 аккумулируя свет луны
 на авансцене светлей фантома
 где-то, в оазисе между войн
 в доме с единственной и не вдовой
 там получается по-другому?
 не завоеешь такой страны
 чтобы дойти к подходящему дому
 мёртвым, на ощупь, с одной ногой

a.

тело, бегущее от любви
 слышит попутное «се ля ви»
 но принимает эстетику бега
 и исцеления от щедрот
 каждая встреча как электрод
 выход в открытый азот, а не в Мекку
 аннигиляция половин
 улица ночью: гуляет народ
 но, огибая фонарь и аптеку

b.

тело в крошечной зиме палат
 не ожидает земных усад
 но не уходит пока по-английски
 есть урожай или недород
 каждому овощу свой огород
 степени риска – свои приски
 смерть говорит, я зайду через год
 осенью отремонтируют ад
 надо проверить текущие списки

c.

тело идущего по воде
 не узнаёт из движений те
 что оставляли морозное эхо
 если идти вдоль пылающих льдин
 хоть и не сдавливали груди
 и помогали стелиться по снегу
 но бесполезные на кресте
 как продолжение человека

d.

тело на бойню ведёт слона
 знает, у стаи течёт слюна
 аве, явление жертвенной плоти
 но до утра испаряется плоть

в эту прореху глядит Господь
он говорит, мы на вредной работе
сдабривать время и время молоть
дихотомия слона решена
статуя эквивалентна свободе

е.

тело фитиль или тело мрак
тело на тело нательный знак
теловедуший телесной работы
тело капкан или тела апрель
Инь или Янь или Ариэль
хлеб наш насущный, вино для субботы
тела обитель и тела грех
тело воитель и тело блеф
для телогреек и тело-всех
рубище или мерцающий фрак
телорояль, обжигающий ноты

ф.

тело в кабине меняет курс
и десантирует Forty First
в Биологическую туманность
где ни тумана, ни ДНК
межгалактическая рука
поймана на позитронных карманах
робот берётся за клемму «плюс»
чтобы не плакать; планета Хаос
на визуале осталась строка
из Парменида и стих Корана
или мерещится, что осталась

0.

сцена пуста, как вишнёвый сад
у сотворенья синдром колеса
не узнающий свою бесконечность
медленно жест уплывает во тьме
тело вопроса летит на ответ
в лампу волшебного света, где свечи
сын человеческий во имя отца
сына и неба звезды человеческой

ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ДЕРЕВЬЯМИ НАПИЧКАНО ОКНО

МОЛЧАНИЕ

Где не важно, в станице, в столице,
только палец к губам – ни гу-гу,
возле мусорной кучи пылится
христианская нежность к врагу.
Только к мёртвому, после оплачем
и своих, и чужих заодно.
И молчанием этим оплачен
долгий спуск на вселенское дно.
Огородами, товарняками,
всё молчим – не попасть бы впросак...
Как в дыму, в человеческом гаме,
наедает бока вагонзак.
И уже ни иконок, ни шконок,
только кровь да Ипатьевский дом...
Только поле, зарубленный конник,
только белое на золотом.
Всё молчком в блиндаже в полнаката,
утопая и в танке горя...
И уже забываются как-то
и друзья, и родня в лагерях.
Пара профилей, крестик нательный,
христианство печатью на лбу.
Соловки да петровская Стрельна,
вера в бога, и вера в судьбу.
Чем ты маешься, Родина, что там?
Как, полегче без нас? Тяжелей?
Ты жалела врагов по нечётным,
нас по чётным теперь пожалей.
Молчаливых в станице, в столице,
расхрабрившихся до шепотка,
узнающих историю в лицах
на истёртых твоих пятаках.

БЕС

Мне скучно, бес – у классика прочту.
Мне скучно тоже – мартовская скука.
Наверное, за скучную мечту
живьём аборигены съели Кука,
как пел Высоцкий, вовсе не шутя –
о скуке знал совсем не понаслышке.
Опасная изнанка бытия –
дела, что вырождаются в делишки.
Обломовщина, тенор с хрипотцой,
слияния с поверхностью дивана.
Высоцкий, Наутилус или Цой,
и мартовская скучная нирвана.
Мой бес, ведь я не Фауст во плоти,
мой месяц, я совсем не иллюзорен.
Вплети в моё сознание, вплети
манящий аромат кофейных зёрен.
А скуку прочь, не то меня съедят,
как в песне – Кука, дни-аборигены.
Курю и пью, плевать, что это яд,
но очень вкусный, просто офигенный.
Диван, хандра, унылый дождь с небес,
и месяц март – пора переживаний.
Я снова говорю – мне скучно, бес,
как Фауст, возлежащий на диване.

КУБИК ЛЬДА

Запрись в дому. Сиди и наблюдай,
как тает лёд в бокале. Кубик льда
разбавит этот вечер до недели.
И можно водку пить не выходя.
Да, можно не пьянея пить, хотя
такие вечера поднадоели.
Когда, не помышляя ни о ком,
довольствуешься мягким уголком
и, выключив мобильный, комп и телек,
мечтаешь о плечах и о руках.
А кто зайдёт – включаешь дурака,
но есть в запасе парочка идей
о том, как бросить эту ерунду.
Твердить себе – себя не подведу,
не лучшее из множества занятий.
Ты целую неделю подшофе,
отныне чай – ромашка и шалфей,
лекарства непригодные для знати.
Сидение ночами у окна,
отказ от глупой мысли – как она?
Она в порядке, в том-то всё и дело.
А у тебя неделя, как в аду,
гляди в стекла узорную слюду,
пока не до конца заиндевелю.

Там лампы источают жёлтый свет,
там в белой суете моих сует
тишайший снег отряхивают с веток
акации, каштаны, тополя.
И я, всё просадивший до рубля,
сизжу и льщу себе то так, то этак.
Я трезвый, словно ангел во плоти,
ещё бы пару крыльев – и лети,
а как она – того мне знать не надо...
Наверно, лёд в бокале виноват,
что улица уводит прямо в ад,
а грешному грешно скучать по аду.

ПРОГРЕСС

Сонный город, похожий на Рим,
разомлевший, как цезарь на троне,
ты поведай мне, что мы творим,
я не понял, ведь я посторонний
в этом уличном шествии тог
и лавровых венцов и сандалий.
Легионы подводят итог
потому, что рубить подустали
несогласных с любимым вождём,
что на площади, что в казематах...
Ну, скажи мне, чего же мы ждём –
женской ласки, солдатского мата?
Видишь, мост уравнил берега,
гладиаторы вновь на аренах,
Старый друг убивает врага,
старый враг умирает смиренно.
Всё, как в Риме, но мы не смогли б
развлекаться в забавах кровавых.
Кровь смывается с каменных глыб
под привычное цезарю – Аве!
Нет, не Рим, но похож, хоть убей,
те же кожа и медные бляхи.
У торговцев глаза голубей,
чем у тех, кто живут по Галахе.
И штандарт с византийским орлом
обещает свободу и право...
А на город идёт напролом
одичалых соседей орава.
Вроде, Рим, осознавший прогресс,
раздающий авансы солдатам.
И Христос, если б снова воскрес,
пять минут бы прожил нераспятым.

ХАЙ-ТЕК

Теперь и я не буду о плохом,
но ей, влюблённой в Пушкина и Блока,
легко промолвить – янки гоухом –
вот так влияет телеподоплёка
на чьи-то неокрепшие умы –
мадам, я вас продам за фунт изюма.
Пусть это в баксах кругленькая сумма,
но мы смогём, на то они и мы.
Чтоб вашу кровь считали голубой,
вы столько лет оставили в архивах,
где книжный червь стонал, тряся губой,
от вашего напора и наива.
Теперь вам все великие родня,
Европа – враг, Америка – тем боле,
не в силах опуститься до меня,
болтать со мной о пиве и футболе,
вы прячетесь в пыли библиотек,
читая там Есенина и Фета
и наскоро накладывая вето
на «измы» и какой-то там хай-тек.
Итак – всё по старинке, метод проб,
ошибок и отказа от теорий.
На практике – нездешний гардероб,
айфон, компьютер, выезды на море –
испанская Ривьера и Тюркай,
из дюти фри – гостинцы всем домашним.
А мы, встречая вас, руками машем,
от нашего весёлого мирка –
привет, смолянка, что там за бугром?
Какие нынче новости в Париже?
У нас бузят вожди, побей их гром,
и лысый наш, и этот *ихний* рыжий.
Газетный бум и телеболтовня –
сплошные шоу, баттлы и дебаты.
Кто друг, кто враг, и где там брат на брата –
понять нельзя, поэтому меняй
свой взгляд на вещи – мы теперь на ты.
Мы наш, мы новый, классика не в моде.
И Питер полон мрачной темноты,
а мы в столицу входим без эмоций,
историю ломая и круша.
Ты с нами, нет? Ну, дай скорее руку.
Другую мы пустили бы по кругу,
но ты, дворянка, слишком хороша.
Мундир из кожи, краповый лампас
и маузер для дамы волоокой...
Чтоб даже бог от этих глаз не спас,
бездонных и с нездешней поволокой.

Деревьями напичкано окно,
 шумит листва, окрашенная хной,
 похожая на космы старой девы.
 Под вечер кофе с куревом в цене,
 родительское фото на стене
 мучительным вопросом – где вы, где вы,
 хорошие мои, а как же я?
 А в телеке шипит ворожея,
 предсказывая будущее людям.
 Соскучился по старым временам,
 в которых было так прекрасно нам,
 но мы там никогда уже не будем.
 Ну что за бред – программа передач,
 о будущем в который раз судачь –
 его не переменишь – аксиома.
 Напротив шум и красная листва
 и дом углом. Хоть в шесть утра вставай –
 там будет только этот угол дома.
 Вон жёсть карниза в сонных голубях,
 жена и муж, друг друга не любя,
 готовятся доесть невкусный ужин.
 Уже темнеет, скука и тоска
 противнее последнего куска,
 хотя и он им, в общем-то, не нужен.
 Конец сеанса... Пульт не отыскал
 и не переключается канал –
 одно и то же – листьев цвет бордовый.
 Окно в окно – цена не высока,
 и там, и тут висят на косяках
 давнишние счастливые подковы.
 От дома остаётся силуэт,
 родителям на фото много лет,
 по нам двоим скамья скучает в сквере.
 Там, тратя всё, накопленное впрок,
 гуляет под дождём промокший бог,
 в которого по-прежнему не верю.
 Темно... В окне маячат фонари,
 вот зеркало... Так хоть и не смотри.
 Порадовав себя горячим чаем,
 на пальцы обожженные подуй,
 благословляя эту темноту,
 в которой мы по юности скучаем.

Горбушка от зайчика съедена, хлеб нарезной,
 домой принесённый, зияет прокушенным боком.
 Мне кажется – зайчик всегда наблюдает за мной,
 скрываясь в моём подсознании, тёмном, глубоком,
 как будто в норе – он её обустроил тогда,
 когда и под стол, и пешком, и любые капризы...
 А сколько мне было... Не помню совсем. Ерунда,
 не важно. Не помню. Но с возрастом я не мирился,

хотел повзрослеть поскорее, мальчишка, глупыш.
 И в булочной, высыпав горсть медажков запотелых,
 я чувствовал гордость. Её не заметишь – проспшишь
 взросление тощего и неокрепшего тела.
 А признаком роста являлся ошипанный край –
 моя привилегия, хлебная прерогатива,
 законное право – и это совсем не игра –
 горбушка моя – но мальчишка смешной и строптивый
 не вырос во мне, остаётся ещё, затаясь
 в моём подсознании, там же, где зайчик ушастый.
 И я ощущаю с обоими тайную связь,
 себе говоря – ты по булочным больше не паштай,
 степенно входи, покупай золотистый батон –
 и сразу домой, не кусая и не отрывая
 одну из поджаристых, нежно хрустящих сторон.
 А всё не выходит. Привычка моя родовая,
 оттуда, из детства, поэтому жить веселей,
 и сердце моё до сих пор не находит покоя.
 С прокушенным боком буханка лежит на столе –
 горбушка от зайчика... Господи, счастье какое.

САВАН

В себе копаясь, что я стою,
 в других – а им зачем оно...
 Непросто выразить простое,
 не всякому разрешено,
 словами души будоража,
 по слогу сложное разьять.
 Подняться на вершину кряжа,
 потом с неё сойти опять.
 Гулять в степи, бескрайней, голой,
 в копытном топоте земли
 узнать нашествие монгола,
 ногами рушить ковыли.
 Дойти до моря, искупаться,
 увидеть яблоневого сада,
 где звук сопилки закавказской
 и птицы в воздухе висят.
 Так просто всё, так ясно, Боже,
 по-человечески легко.
 Посмотришь – и прольётся позже
 стиха парное молоко.
 И говор чистый, песни, сказы,
 луга, леса и озера...
 И понимаемое сразу
 прими и впредь не отрицай.
 Прими, как воду, хлеб, как благо.
 Скажи – я здесь, я есть, я твой...
 И в эту землю тихо лягу
 под прелый саван листвоной.

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

АПНОЭ НАМ ПЛАЦЕБО

ШЕСТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Мать – предательница, мачеха – убийца.
Заждётся в кармане чёрной меткой паспорт.
Потому-то нам, бездомным, и не спится,
Что назло обеим мы решили выжить,
Что ушли в себя, в такие бездны, на спор,
Что душа в погранпостах, как в язвах, иже

С ними даже те, кому война – невеста,
У кого давно на совести, на чести
Днём с напалмом не найти живого места.
Мать – предательница, мачеха – убийца.
Так бывает, что из двух прекрасных бестий
Выбирают ту, что угодит в больницу,

И во всех дверях всегда стоит вендетта
Памятником, истуканом, сталагмитом,
И, увы, теперь мы знаем всё об этом... –
Что ждёт нашу мать, от пят и до макушки:
Без финала Страшный суд и без лимита
Казнь, ведь нет страшней греха, чем грех кукушки.

И апноэ
Нам – плацебо,
Бездыханно небо,
И по воздуху летит
Белое каноэ
За безлюдной, за луною,
Словно синий кит.

ДОЖДЬ

Кроме смерти нет чудес.
Ангел ангелу не нужен.
Сколько в прахе тех жемчужин,
Если прах один везде?

Отражение моё, –
В коме вечность или дремлет, –
Ненавижу эту Землю,
Этот город и район.

Мне узнать тебя позволь,
Мне необходимо Чудо.
Кроме этих вечных суток
Не бывает ничего.

Я – смотреть в твои глаза...
Я – держать тебя за руку...
Вакуум быстрее звука.
Энтропия – дождь – вокзал.

Что ещё тебе сказать,
Если сердце каменеет? –
Мертвецам всего больнее
Лицезреть твои глаза.

Как успеть тебя спасти
В жизни будущей от тины?
Растопить иль в топку кинуть
Сердце – КПД один.

Я – дарить тебе любовь...
Я – так смело для тебя жить...
Ангел счёт ведёт пропажам...
Дождь – вокзал – дорога – Бог.

Что ещё мне говорить? –
Мне необходимо Чудо.
Забери меня отсюда,
Очень надо, забери!

Я запомню этот день:
Эта чёртова Одесса,
Эта нежность неземная,
Эта невозможность леса...

Я счастливее, я ведь знаю:
Кроме смерти нет чудес.

1.

Любовная лодка разбилась о быт,
Ничто не забыто, никто не забыт.
Любовная лодка разбилась об лёд,
И больше в деревне никто не живёт.

Ты всё, что успел, потерял. Вперед –
 Потери, потери и честь не в чести.
 зуб за зуб, прощай, будь ты трижды един,
 Любовная лодка разбилась о тын.

Аминь, богу – кесарево, к праху – прах.
 Я сам себе дедушка, кудри в отца.
 Взаимная лодка разбилась о страх.
 Беги отовсюду, трусливый пацак.

Любовная лодка разбилась о воздух.

2.

Цирк уехал, клоуны остались:
 – Денег нет, но вы держитесь.
 – Не вопрос, ведь мы тут окопались,
 Как в тигровой шкуре Свитязь.

Трутень трудодень свил из молекул,
 Сотворил труд труп из человека.
 Сказано же – каждому по харе.
 Сделано же – одному по паре.

Ницше, Штайнер, Эпикур, Сенека...
 Hande hoch all, brauche very.
 Проживи ещё хоть четверть века, –
 А Москва слезам не верит.

Цирк уехал, клоунам – хана.

Земля ежом свернулась,
 Озимая планета,
 Чудес болото снулых
 Растёт по экспоненте.
 Ежовы рукавицы,
 Похожие на склепы,
 И все отроковицы
 Идут водой сквозь небыль.
 Не год прошёл – эпоха,
 А я остался *прежним* –
 От выдоха до вдоха –
 Бесснежно-белоснежным.
 И родину проведаль,
 И возмужал, конечно, –
 Победа за победой –
 А я остался *прежним*.
 И серебрятся пашни,
 И колосится вето,
 А я, как есть – *вчерашний*,
 Как песня *Чокто*, спетый.

А я остался прежним –
Печальным и тернистым,
Бездонным интровертом,
Безбожным альтруистом,
Остался *человеком*...
Я верю – *аз возделю*,
Мой внутренний Лас-Вегас
Заслуженно расстрелян.

Я верю, верю, ибо
Когда б в такой печали
Оставшимся людьми бы
Скопытиться не дали,
Не скурвиться бы людям,
Не захлебнуться б скверной –
Перун, Юпитер, Вишну –
Как альфа и омега –
Пускай всех нас разбудят.

Бог весть, тогда, наверно,
У каждого бы вышло
Остаться человеком.

Прогоркла летопись, рука
Уже не помнит букв, вражина...
И ты уже не видишь, как
Ржавеет времени машина.

И притупляется, как тень
Перед восходом солнца, память,
И, оплывая в пустоте,
Качает труп свой меж гробами.

Закидывая сеть до дна
В кротовью нору ножевую,
Она – с мужчиной смущена
Петлять меж снами наживую.

И с каждым днём всё глубже сон,
И с каждой ночью он всё слаще,
И летаргический Кесон
Кладет тебя в свинцовый ящик.

Ты в нём лежишь, не чуя сна,
Но чуя, как кричит страданье,
И, перебральная, Она
В тебе живёт, как Мироздание.

Расы человеческой Бетховен
Спит на гильотине вечным сном,
В чреве трепыхается биткоин,
Уроборос инея – в груди.

Голограмм и симулякров пленум
Облаком безумства стынет в нём.
Их, единственных во всей Вселенной
Тварей неразумных – разбуди.

Чтобы лепрозорий был порожним
Ото всех, назвавшихся людьми,
Ты во имя истин, данных Богом,
Этих, неразумных, – вразуми!

Чтоб им космос – только сквозь таможеню,
Чтобы не вдыхал заразу мир,
С них, оглохших и Синдром Ван Гога
Исповедующих – саваны сними!

Эта ложь – из каждого портала,
Из-под каждой ризы, паспарту –
Едкой чёрной плесени фракталы
И букеты плесени в мозгу,

В тканях, буйным цветом поражённых,
Томные извилины в цветку.
Господи, прости умалишённых,
Потому что я простить их не могу...

АЛЕКСАНДР СЕМЫКИН

ДИКТАТ СЕЗОННОГО РЕЖИМА

ЯНВАРЬ

Нырря без раздумий в новый год,
рискуешь захлебнуться январём...
Ты весел, пьян, собой доволен, горд –
сияешь юбилейнейшим рублём,

И ждёшь от жизни столько всего,
что кажется проклятье января
не более чем плеском серых волн
о твой непотопляемый варяг.

Но тает месяц. Сель. Водоворот.
И хрен успеешь даже крикнуть «Чёрт!» –
в тебя январь сквозь губы, зубы, рот
последним понедельником течёт.

ЗИМНИЙ ПЛЯЖ

Зимний пляж: озябший, твёрдый, голый,
торт слоёный – лёд, коржи с песком.
В чайчем зрачке гнездится голод
пополам с нахоленной тоской.

В еле уловимый скорбный контур
пряча тонких губ изгиб стальной,
море отвернулось к горизонту
и накрылось белой простынёй.

По тропе изломанных ракушек,
как ни грустно, к лету не пройти.
Циферблат у времени откушен,
и заел заснеженный мотив...

А У ВЕСНЫ...

А у весны зелёный почерк.
Гляди, как льёт ажурно вязь
Из авторучек клейких почек
Девчонка-школьница, смеясь.

А у весны курносый профиль,
И непокорный завиток,
Ручьём сбегаящий на брови
С волнистой чёлки золотой.

А у весны глаза так сини,
Что даже мельком этот взгляд
Выводит зимние токсины,
Снижая стрессы до нуля.

А у весны весна в кармане
Потёртых джинсов «хиппи-стиль»
И «Sunshine Reggae» Боба Марли,
И Стинг на плеере грустит.

МАРТ УЛЫБАЕТСЯ

Это не сон кувывается в облаке,
Это не солнце расплавало стёкла нам,
Есть у весны наступающей в облике
Много задорного, доброго, тёплого.

Птицам надежда разбросана крошками,
Мол, потерпите, ребятки, чуть-чуть ещё.
Март улыбается, щурится кошками,
Строчит ноктюрн для оравы мяучащей.

Тянутся, видишь, смешно и доверчиво
К небу – подснежники, ирисы, примулы.
Даже колючий цветок Человечество
Голову к синей реке запрокинуло.

Чтобы напиться капелью и грозами,
Чтобы распасться на млечные атомы,
Дяденьки-тётеньки, бывшие взрослые,
Новорождёнными скачут щенятами!

Мы у весны завсегдагаи те ещё:
Счастлив сегодня, а завтра забудешь всё,
Жалко, что впрок этим сказочным зрелищем
Не напасёшься и не налюбишься.

ВИТАМИНЫ

Как обычно, по весне
(всё накопленное – мимо)
ощущается ясней
недостача витаминов.

Витаминов:
а) Любви;
б) Слюнявых поцелуев;
в) Коленок (голый вид
я особенно ценю их);

г) Весеннего тепла;
 д) Проклюнувшихся почек;
 и т.п. всех прочих благ,
 о которых тряса очень
 нескончаемой зимой –
 там, где ноющей занозой
 день за днём бродил за мной
 призрак авитаминоза.

Дождь весенний за окном.
 А в сенях цветёт полено...
 Витамины пью сверх норм,
 и особенно – коленок!

Жарко, жарко, очень жарко. Я б расплавился, но жалко –
 будет приторно и липко. Мне бы спрятаться улиткой
 в стылый домик ледяной.

Солнце жарит шкварки нервно, зной, как пот, роняя с неба,
 всё на нас летит, конечно, превращая в ад крошечный
 сей мирок, и так дрянной.

В горле жжётся, как крапивой. Эх, холоденького пива
 дайте, дайте срочно выпить, а не то завою выпью!
 Мнится в инее бокал...

Где ж возьмёшь, вокруг жара лишь, дождь и тот с утра зажал.
 Тучки скрылись восвояси, небосклон тоскливо ясен –
 он грустит по облакам.

Что творишь ты с нами, лето? Всё мы видели, но это
 чересчур уже, пожалуй: к дням с расцветкой «побежалость»
 сложно как-то привыкать.

Вот бы к Снежной Королеве на часок сходить налево –
 прокричать ей в гулком замке: «Выходи, встречай, хозяйка!
 Что, узнала? Я твой Кай!»

ЖАРКИМИ ЖАБРАМИ

Жаркими жабрами, жгучими фибрами
 Плавит из моря и неба слюду
 Рыжеволосое чудо-амфибия,
 Страшно пугливое: пшмыг – только дунь –
 Прячется за занавескою облака,
 По-стариковски капризно ворча.
 Тень удлиняется – время взахлёб лакать
 Синий морской остывающий чай.
 Плюхает, плещется, делано хмурится,
 Фыркает – в ноздри попала вода,
 Чудо-амфибия, мокрая курица,
 Словно графиня лицом у пруда –

Так же изменчиво: с бухты-барухты ли,
 Всем салютуя зелёным лучом,
 Тонет, как будто пружинно барахтаясь
 Спать в табакерку отправился чёрт.

КАМУШЕК В ЛЕТО

Я у лета зажат в душной цепкой горсти.
 Здесь уютно, приятно и пряно,
 Здесь не жизнь, а сплошной закольцованный стих –
 Ни стыкующих швов, ни изъянов.

Тридцать первое, замер стеной календарь –
 Год, число, нескончаемый август...
 Прожую дежавю: снова тянет летать,
 Ощущая осеннего сна вкус.

Но не выбраться из-за стекла ли, тепла
 Межсезонного стеклопакета.
 И парит надо мной белочаячий плач
 По безвременно канувшим в лето.

МОРГНУТЬ НЕ УСПЕВАЕШЬ

Моргнуть не успеваешь – снова осень.
 Невидимую ниточку прядя,
 Крадётся паучишка-сенокосец
 Плести узор раскосого дождя
 По окоёму окаянной рамы.
 Зачем мне слёзы на лице окна?
 Но паучок старается упрямо,
 И дождь ни обогнуть, ни обогнать.

ЦАРЕВНА-ОСЕНЬ

Октябрь на цыпочках прокрался
 И неожиданно набросил
 Парчу кустодиевских красок
 На волосы царевны-осень.

Деревья выстроились в свите,
 Вот-вот и марш помпезный грянет.
 Средь золотом прошитых нитей
 Священнодействовал багрянец.

Всё замерло на низком старте,
 Она же шла легко и мило
 В её величественной стати
 Царить над городом, над миром.

ДАНО

Как возмутительно давно
не пил я осени до дна...
И вот, в итоге, мне дано;
хотя верней сказать – дана
возможность эта: сам не рад,
ведь яд осенний так горчит,
темнеет кроличья нора,
блестят на столике ключи,
но их, увы, уже не взять –
я ростом безнадежно мал.
Как жаль, что в зеркало нельзя
нырнуть, а там – всю зиму.
Но как открыть мне эту дверь?
Непробиваемый титан...
И тает время на ответ,
и плачут часики: тик-так.
И я желтею, словно куст,
не поливаемый никем,
и склад НЗ надежды пуст,
и еле слышно вдалеке
звучит, заезженно высок,
мотив элегии Массне.
И что-то холодит высок...

Но это, к счастью, первый снег.

ДИКТАТ СЕЗОННОГО РЕЖИМА

Он мог висеть, за жизнь цепляясь
Дурацкой ржавой пятернёй,
Но ветер шевелил цепями,
Шептал: со мной летим, со мной.

Такая в этом грусть сквозила,
Такой пронзительный подтекст –
Вам отрываться приходилось
С насиженных до боли мест?

Диктат сезонного режима,
Погасшая судьба комет.
Давай же, друг, яви решимость –
Срывайся под ноги ко мне!

ПОЛ-ЛИНИИ

И всё-таки, и всё-таки
Меня здесь больше нет,
Растаял за просёлками
Инверсионный след.

Зевнёт любитель редкостей:
– Да, ярок был болид,
Но шрам на небе загустел
И даже не болит.

Но где-то же, но где-то же
За полшага от вас
Замаскирован ретушью
Мой профиль и анфас.

Где горизонт в пол-линии
Касается воды,
Цветут две белых лилии...
И всё-таки я был.

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРХИЛОХЕ

рассказ

*Я стал строками книг.
М. Волошин*

1. СМЕРТЬ

Бесконечно тёмные переулки. Но ещё не ночь. Я отчётливо осознаю, день не ушёл целиком, но сумрачная погода, морось и подавленность создают особый зрительный эффект. Влажные улицы, – вода с грязью скользит, ползёт по бульжникам мостовой. Воздух вяло плачет. Напряжённо серые обшарпанные старые дома. Острые шпили вонзаются в низкое сумрачное небо. Я в своей реальности пробираюсь сквозь данную мрачную иллюзию, невероятно торопясь и спотыкаясь, – скорей бы уже всё увидеть, уйти и забыть. Страшный опыт лучше бесконечного ожидания опыта. Рутинная сосредоточенность не даёт поскользнуться на гладких бульжниках. Лишь раз споткнулся о брошенную корзину с яблоками. Никто и не заметил... А вот и цель, – замызанное строение века восемнадцатого, облупившаяся дверь, а на ней бронзовые львы с кольцами. Я пытаюсь открыть дверь, но металлический лев оскалился и прорычал: «Чтоб тебя разнесло! Попадёшь под стекло! Попадёшь под стекло!». Я испугался, скорее от неожиданности, но почему-то не осмелился удивиться, – неприятное чувство в животе, щемит сердце, но внезапно дверь открывается и высунувшееся серое лицо с мешками под глазами встречает меня словами: «Ну наконец! Сколько можно тебя ждать!». Ах, как я был с ним согласен! Скорей бы уже катастрофа, гибель... что-нибудь!

Я просачиваюсь внутрь и скоро оказываюсь в комнате, вид которой не предвещает ничего хорошего. Облезлая штукатурка, старая потрепанная дверь. Запах дома престарелых или антикварной лавки. Ещё что-то сладковатое, немного липкое, чрезвычайно неприятное. И люди-тени шуршат одеждами и языками так, что сложно разобрать что-то, кроме всеящей в воздухе скорби. Но, обвыкшись, я научился воспринимать сигналы, все эти вздохи, приглушённый плач, равнодушие. Кто-то тихо всхлипывает в углу. Некоторые явились, чтобы их заметили и теперь выпячивают свои бессмысленные тела, лишние здесь и сейчас. Где-то даже слышится смешок, прикрывающийся напускным соболезнованием. А вот бойко, экзальтированно декларирует молодой голос: «Я верю, она воскреснет!». Я быстро начинаю ощущать, как торжественность и трагичность момента просачивается во все поры. Хочется отбиться, бежать, рассмеяться... но я бы, конечно, не смог этого сделать, даже если бы и попытался.

Мягущееся по углам внимание не сразу обратилось к главному, к, так сказать, «виновнику торжества». В самом деле, зачем я здесь? Я этого не понимал. И никаких идей о причинах моего здесь появления. Между тем, я, стараясь не толкаться грубо, просочился сквозь толпу к центру. Там на возвышении (я не разглядел из чего и как оно сделано, меня это тогда, очевидно, не особо занимало) стоит красный гроб. С трудом преодолевая жалость и отвращение, я заглядываю в него, почему-то в глубине души веря, что там лежит древнеегипетская мумия... Но нет. Там пылится толстая и печальная книга. Полуистлевшая, измученная долгим и непростым существованием. Однако же, впрочем, как живая. Думаю, и в таком потрёпанном виде она была бы вполне способна многому научить, прояснить какие-то важные вещи. На корешке сбоку я пытаюсь прочесть название, но мне это не удаётся. Слишком уж неудачно её расположение в гробу. А я подумал: «Было ли при жизни её положение удачнее?». И оборачиваюсь, и невпопад говорю случайному человеку: «У неё остались какие-то родственники, дети?». Ответом мне изумлённое лицо. Я же догадываюсь, – пугает не кажущаяся абсурдность вопроса, ведь вовсе и нет здесь никакой абсурдности. Удивляет личное участие в судьбе покойной.

2. ПОЛЕ БИТВЫ – ХОЛОДИЛЬНИК

Пробуждение наступило не сразу. Выходной. Само осознание возможности вольной жизни мгновенно возвращает. И даже отчасти проснувшись, я долго держал тело в кровати, не решаясь на возвращение души в брентную оболочку. Всё не осмеливался подняться, сбросить дрему, – я охранял сознание от реальности, опасаясь забыть столь отчётливый и ясный сон, глубоко запавший мне в душу. Каждое событие, какое удалось припомнить, было представлено бодрствующему разуму в чёткой хронологической последовательности.

Лишь завершив эту утреннюю процедуру, зарядку для пробуждения, я обратил внимание на звуки возни, доносившиеся из кухни, – удивительно, ведь я живу один! Крыса? Птица? Тот самый Raven? Я быстро встал, оделся и осторожно двинулся на звук, – кухня! Это как раз по пути. Я опасливо выглянул в дверной проём... Источник шума – крошечный человечек, ростом около тридцати сантиметров, облачённый в простыню... хитон?! Древний грек?! Что этот коротышка о себе возомнил?! Какая наглость! Пусть историки репают, кто здесь древний грек.

Между тем, странное существо, упёршись ногами в пол, покраснев, пыталось открыть холодильник. Человекам ещё никогда, пожалуй, не давались открытия с таким большим трудом. Мне же казалось, что с подобными габаритами задача не столь уж и сложна... но почему-то не получалось. Лошадиных сил у человечка не хватало. Сама ситуация была глубоко противоестественна, следовало бы задуматься о преимуществе интеллектуального познания над эмпирическим. Но «явление муз не терпит суеты». Непосредственные реакции опережали разум. «Лепрекон! – возникло внезапное и крайне сильное предположение. – Замаскированный лепрекон!». Да на таком можно неплохо заработать! А в голове уже красовались заманчивые суммы и даруемые ими всевозможные приятности. И как кстати! Я уже давно и безуспешно пытался решить финансовые проблемы, не отягощая себя трудами. И не то, чтобы я верил своим глазам... Нет. Просто другого шанса у меня не было. В конце концов, философские спекуляции – это чепуха, главное – умение решительно действовать.

Я бросился сквозь дверной проём и, не побоявшись инфекций, носителем которых вполне могло быть маленькое существо, крепко схватил человечка двумя руками, а тот, вздрогнув от неожиданности, скорчил одновременно испуганную и брезгливую гримасу, и быстро проговорил очевидную банальность: «Да что ж это такое?! Отпустите меня, пожалуйста!». Удивившись словесному отпору в столь сомнительных обстоятельствах, я ослабил хватку, а человечек, извернувшись, забился в угол.

– Ни стыда, ни совести, ни гостеприимства, ни заботливого понимания по отношению. А я маленький, – пробормотал он.

– Ты лепрекон? – спросил или даже настаивал я, в мозгу уже ответив сам себе за него. Однако, ситуацию следовало сразу прояснить, проговорить, не откладывая сложные вопросы на потом. Впрочем, на честность, порядочность человечка, который вознамерился красть из моего холодильника продукты, – пусть его бы там ждало полное разочарование, – рассчитывать не приходится.

– Что это вообще такое?! – замешкавшись, внезапно удивился человечек. Я же в уме предусмотрительно предположил: «Врёт, вражина».

– Только, пожалуйста, не лги. Впрочем, ладно, может, ты и не осознаёшь себя лепреконом... Но ведь это не значит, что ты им не являешься? Кровь – не водица. Если уж родился лепреконом, то зачем же стыдиться своего происхождения?

– Боги! Никакого сострадания. И никакого гостеприимства. А ведь я не ел больше двух тысяч лет! Да, и в холодильнике холодно... Я мог простудиться...

– Ты не выглядишь старым. А потом... Ты не вырос совсем... И кражу невозможно оправдать. Почему бы тебе не сходить на биржу труда или в какое-то учреждение, занимающееся пособиями, вместо того, чтобы шарить по чужим холодильникам?

Но человечек собрался, взял себя в руки, галантно приблизился. Он указал на стул, многозначительно взглянул на меня и начал свой рассказ.

3. НЕМНОГО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Не будем ходить кругами. Сразу к делу. Я настоящий древний грек... Истинный. Последний древний грек... хотя и заметно измельчал. Обидно, что последний римлянин – вполне почетное обозначение для выдающегося человека, для всяких там Боециев-Аэциев, а вот об эллинах забыли... Любопытная деформация исторической памяти.

Я Архилох из Пароса. Слышал обо мне? Нет? Эх, ты не поэт. А ведь прежде моё имя внушало страх. Не всегда, впрочем. Жизнь сложная штука. Однажды я спасся бегством с поля боя, бросив щит... Не это ли проявление высочайшей отваги для твоих современников? Они скорее предпочтут расстаться с жизнью, чем с собственностью. А сколь мелочны и щепетильны в финансовых вопросах непримиримые и непоколебимые борцы за идею! Я же, бедный сын фракийской рабыни, легко отказался от имущества, хотя и настрадался в нищете. Как сказал, махнув рукой на мелкие придирки, один прославленный древнегреческий фаланговодец: «Мы себе у неприятеля ещё добудем». Сравнимо ли это с твоей мелочностью, с желанием защитить любой ценой холодильник от того, кто меньше и слабее тебя? И победу ты одержал ростом, а не силой духа.

Увы-увы. Тебя, конечно, интересует, как я оказался в столь бедственном положении вне времени и контекста? Расскажу. И пусть это послужит тебе уроком. История несправедлива, она расшибает вереницу судеб о систематизированные представления людей других эпох. Я же прошагал сквозь века, отвергнув закономерности, надлежащие условия... Я никогда и не принадлежал чувственному подлунному миру, всей своей сущностью я обратился к умопостигаемому, к идеям.

И сломал материальную причинность. «Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида не сошёл я». Ведь бегущий мирского, тварного, тленного как бы становится сопричастным божественному, умопостигаемому, миру идей. И хотя поэзия имеет нечто от чувственного, от мира фантазии, воображения, именно она меня вознесла на невообразимые высоты.

Ситуация моя несколько необычна. Но ты ведь понимаешь, что материальный мир довольно иллюзорен. А поэту легко затеряться в сиянии возвышенного. И это со мной случилось. Геродот так описывает это в Истории 1:12: «Об этом рассказывает также Архилох из Пароса, который жил в то время в ямбическом триметре». О чём именно рассказывает? Это был какой-то бородатый анекдот про мужа, жену и любовника... или про Кипсела, сына Этиона... Мне его сейчас уж и не вспомнить... И по такому пустячному поводу я затерялся в стихах, в этом самом триметре. Реальная, материальная жизнь не терпит пренебрежения. А я потерял с ней связь и оказался в книге. Полагаю, теперь срок заточения завершился. О причинах не ведаю. Вероятно, сегодня проявляется какая-то проблема с книжным знанием, которое больше не сопротивляется в достаточной мере атакам материального.... Ах, но как я голоден! Я не ел две тысячи лет!

4. ПРАВО НА СОМНЕНИЕ

Любезный читатель, можно ли поверить столь странному рассказу? Вот-вот. А глазам своим и того меньше. Странная иллюзия. Признавать себя сумасшедшим я не хотел, – я и есть мера нормальности для себя. Списывать у Достоевского рассказ об общении Ивана Карамазова с чёртом – тем более. Вот и пребывал в полной растерянности. Однако сколько же большой лжи заключено в столь маленьком теле! И главная – это само его существование! За что мне такое? Я не пил, не употреблял наркотиков, но кара всё равно настигла меня. И, главное, обидно. Зачем же я воздерживался? Впрочем, так ли это всё важно теперь? Если мир фантазии в данном случае для меня вполне реален, то следует достигнуть успеха, удобно устроиться именно в этом мире. Не бежать от себя. От добра добра не ищут.

«В любом случае, – рассуждал я. – К чему мне лишние хлопоты? Страшно подумать, вместо сидения в Фейсбуке придётся вести беседы с каким-то невнятным сморчком подозрительного происхождения. Ещё неизвестно, сколько денег понадобится на его содержание. А просто взять за шиворот и выбросить – жалко. Живое существо, хоть и вор».

Так люди заводят питомцев животного происхождения, а я прикормил маленького человечка, Архилоха из Пароса, великого поэта древности, или леприкона – не важно, пытаюсь приручить его, надеюсь, в будущем как-то приспособить, приурочить к чему-то полезному, сделать из него нормативного человека, воспитав честным трудом. Возможно, он отпетый мошеник и прожжённый лгун. Но обман казался мне столь же полезным, как и правда. Ведь всегда приятно себя утешить словами: «А ведь я знал, подозревал! Так всё и случилось». Не знаю, кому такое утверждение интересно, кроме меня. Но пусть-пусть он не обманет мои ожидания, оказавшись лгуном.

Я не был вполне бескорыстным. Точнее, не хотел им быть. Доброта – постыдная вещь в наше время. Для её носителей (это и в самом деле, практически вирус) существуют совсем нелестные обозначения – «простака», «простофиля», «лох», «фрайер», наконец, «дурачок». Наверное, смысл сказок про Ивана-дурака и заключается в проявлении сомнительной, не всегда поощряемой симпатии к доброте, а не, как можно

подумать, в идее, что «дуракам всегда везёт». Я вовсе не стремился к подражанию этому сказочному персонажу с довольно обидным прозвищем. Нет, слава идиота меня не прельщала, да пусть бы меня воспел хоть сам Достоевский! И потому я рассуждал довольно просто, даже до глупого, до абсолютного идиотизма. Если Архилох – замаскированный леприкон, он рано или поздно попадётся со своими золотыми. Невозможно бесконечно скрывать истину. А я, уличив его, потребую свою долю. Кроме того, пока я буду брать у Архилоха бесплатные уроки. Диплома он не выдаст, но обеспечить реальные знания он вполне способен. Так я тогда верил. Архилох может преподавать мне древнегреческий, литературу... военное дело, наконец... Он, кажется, говорил, что на поле боя бросался какими-то щитами. С такими навыками многого в жизни не добьёшься, денег особо не заработаешь. А вот самоуважение, самооценка от всего этого могут повыситься. Даже в пьяной компании цитата на красивом древнегреческом способна сразить всех наповал. А выдумывать всякие каламбурчики, «возвышаясь над столом, как чистый лорд» – миссия похвальная и почётная.

О планах, конечно, я не сообщил Архилоху-лепрекону, изображая необычайное великодушие, радушие и благодушие, удушая его гостеприимством современного человека... а ведь непросто выпячивать то, чего не существует в природе.

5. ЖИЗНЬ УЧИТ

Планы редко реализуются так, как хочется, как изначально грезится. Человек всегда оказывается ожидаемо праздным, ленивым, склонным делать замечания. Так вот и Архилох. Он всё больше ел, валялся на постеленном ему коврикe или играл в компьютерные игры. На мои замечания часто вспыхивал: «Да, ты просто расист! Ты ненавидишь древних греков!». А ещё Архилох совсем не читал. Мне казалось, странным, что литератор совершенно оставил книги. Неужели там, в Древней Греции, все только трепались?

– Позволь, но ты же сочинитель? Как ты можешь игнорировать тексты?

– Я не читатель, а писатель. Ты понимаешь разницу? Писать и читать – абсолютно разные навыки. И ты полагаешь, человек, который без конца паялится в книгу, знает что-то о жизни? О чём он может рассказать? О текстах?

– Хм. Не мне судить, конечно. Я ненавидел школу, а она отвечала мне взаимностью. Однако... Мне казалось, набор жизненных ситуаций не так уж и велик. Наше существование – было бы довольно скучной штукой, если бы мы не переживали боль и страдания столь эмоционально. В конце концов, и стихи бывают лишь трёх видов, я полагаю. И в основе, если убрать эмоции, красоты мало. Первый вид поэзии – о желании хорошо питаться (гражданская лирика), второй – о желании размножиться (любовная лирика) и третий – о дислокации на местности, для решения первой и второй задач (описание природы).

– Ключевое здесь – «мне кажется», «я полагаю». Кто ты такой, чтобы иметь мнение? Вот я – поэт. Это да. Если бы я захотел, то написал бы такую поэму, что все бы удивились, восхитились бы до невозможного. Было бы только желание. Да не хочется мараться.

– Позволь, но о каком опыте ты повествуешь? Ты целые дни проводишь за компьютерными играми.

– Это и есть суть современного мира. Компьютерные игры, социальные сети. За ними и проводят часы в твоё... уже и наше время. Они стали главной реальностью, главным источником знаний и эмоций. Постигание современного мира, современного человека тождественно внимательной и вдумчивой игре в компьютерные игры. Человек, если верить Протагору, – мера всех вещей. И мир вокруг нас меняется вместе с нами. Шекспир ещё мог сказать, что весь мир – театр, а люди в нём – вахтёры. Но сегодня всё по-другому. Мы скользим сквозь ставший для нас пустым мир, как коричневое вещество по трубам.

– Если ты такой умный, то где твой диплом?

– Меня ведь издали... А это всё равно, что получить Сталинскую премию во времена Сталина. Да, всё же раньше было как-то правильнее. Теперь же всюду развелись графоманы. Цель книг, игра, социальных сетей одна – отвлечение человека от реальной цели. В былые времена книги так отвлекали, что порой сводили с ума. Дон Кихот, вот, обезумел. Книга о нём – это об архаичном предшественнике виртуального мира. И немного с тех пор изменилось. Вот ты отвлекаешь меня пустыми разговорами от главной, базовой реальности наших дней, то есть от компьютерных игр.

Это та двусмысленная ситуация, когда обмен репликами прекращает быть таковым. Здесь нужно ругаться, умножая бессмысленные оскорбления. Многим это нравится. Для таких в попытках унижения ближнего весь смысл общения. Но многих просто утомляет. Тут огромные возможности для демонстрации личной наглости и беспринципности, для показа глубины познаний в обценной лексике. Но не более.

В конце концов, человек дискредитирует себя как человека в этом споре. Он кричит другим: «Я наглый и беспринципный негодяй, а мой родной язык – язык социальных и интеллектуальных низов». Активность в таком споре доказывает свою несостоятельность. И я предпочёл перевести разговор на другую тему, но связанную с предшествующей. Литература и правда:

– Хорошо, пусть так. Зевс с тобой. Но письменное слово... Знаешь, что мне пришло в голову. Часто меткое слово писателя так явно и четко выражает чаянья, что авторский вымысел кажется реальнее самой реальности. Давным-давно американский сочинитель Говард Лавкрафт описал в своих произведениях древнюю магическую книгу «Некрономикон». Образ стал плотью. Возникла новая действительность. Лавкрафт потом и сам заявлял, что книга – вымысел. Но он ошибался. Он выразил то, что было нужно, что потенциально наличествовало и ждало проявления. В существование книги поверили. Появилось множество «подделок». Хотя это и не фальшивки вовсе. Это лишь воплощения, проявления, актуализация того, что существовало потенциально. Подумалось, что ведь у Генрика Ибсена в «Пер Гюнте» упоминается некая книга «О национальном характере тролля». Не живём ли мы в эпоху актуализации этой книги... Интернет наполняется троллями, имеющими похожие характеры, практически неразличимые повадки. Словно они выкроены по лекалам некоей воображаемой книги.

– Да, но вот ты и сам сказал, что реальность меняется. Великие люди или боги творят новые обстоятельства. А нам следует им соответствовать.

– Ты много сидишь в интернете, однако. Неплохо освоился в нашем светлом будущем, дорогой гость из тёмного прошлого. Тебе, как древнему греку, наши технологии должны быть непривычны?

– Успеха добивается тот, кто чувствует время, кто позволяет его потоку подхватить себя. Нет никакого резона в вечном соперничестве с натурой, а, значит, и с богами, управляющими хилой материей. «Живи в согласии с богами», – говорил Марк Аврелий. В Библии тоже, обрати внимание, любимы Богом не сопливые праведники в современном стиле, а дерзкие герои, чувствующие требования момента. Требование времени и воспринималось как воля Бога.

– Но некоторые книги вечны. Вот и тебя помнят...

Но Архилох лишь фыркнул, уткнувшись в очередную «стрелялку».

6. ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ СЛОВ

Я раздобыл книгу Иоганна Таулера «Благоговейные размышления...» в переводе Ивана Ястребцова. Библиографическая редкость, мистика. Мечта искателя истины в прошлую историческую эпоху, когда ещё не провели интернет. Я с интересом читывался, но ясные, простые мысли скользили сквозь моё сознание, не задерживаясь в памяти. Хотелось спорить. Но книга ничего и не навязывала. И не получалось ухватиться за свободный поток слов. По какой-то невероятной случайности Архилох увидел у меня книгу. Сдержаться он не мог, ввиду своей склонности к театральным выходкам, граничащим с эпатажем, с любовью поучать ближнего и дальнего:

– Старинные книги... Они обладают особым очарованием. Особым, да. Очень. Специфическим. Пожалуй, именно средневековые книги... мистические трактаты... их трудно усваивать, несмотря на принципиальную неприхотливость, простоту мысли. Многое... слишком многое ускользает, а прочитанное теряется. Сперва я искал причину в себе. Мне казалось, для восприятия духовного требуется особый уровень восприятия. Это как старый вопрос, может ли интеллект человека постичь Активный интеллект, возносясь на принципиально иные уровни бытия и сознания, что одно. Мне тогда представлялось, требуется определённый духовный уровень, чтобы ухватить и сохранить в мозгу (или в сердце?), в принципе, понятные и простые мысли. И я терпеливо читал, делал выписки. А идеи старых мистических трактатов текли бесконечным потоком, – увидел, понял и тут же забыл, – что здесь важно, а что нет? Всё так банально, ясно и непостижимо. Нет-нет, я не отказался от своего первоначального объяснения. Оно нуждается лишь в некотором дополнении, в незначительной корректировке. Мистические книги – это море, вода без конца и края, которая всюду выглядит в целом похоже, узнаваемо, привычно. Если заглянуть под поверхность – там глубины. Но нужное человеку, уловимое – тоже простое, однообразное и единообразное. А всюду эта вода, – не утони! Следует хорошо уметь в ней плавать. Учиться. Или поймать что-то важное для себя и держаться его. Такие книги невозможно воспринимать как литературу. Тут нет места и систематизации. Пусть всё пройдет сквозь душу и уйдёт... но останется ли... Важное потеряется в тёмных уголках души. Если что-то нужно душе, то душа возьмёт, усвоит, оставит.

– Но откуда тебе это близко? Ты ведь из других миров? – я внезапно задумался, Архилох ли он?

– Не следует ругать жизнь в книгах ненастоящей. Она бывает яркой, полноценной, насыщенной. Уж поверь.

– Отречение от тварного тебе хорошо давалось? Такая невозможность грешить!

– В этом залог моих настоящих проблем. Когда достигаешь освобождения от чувственного, той бездны, где должна состояться встреча с Богом, легко и оступиться. Бог даёт многое, великую власть над элементами. Но для человека ли это? Вкусно поел, откликнулся на светское веселье и пустота заполнилась чем-то другим. Хлам в душе бывает полезен. Может, пространства для встречи с Богом и меньше, но и не возникает пустоты, которую внезапно заполняет совсем уж пустое. Именно такое. Оно всегда ближе, оно всегда доступно. Низменное. Его много и оно легко заполняет пустоту.

– С кем это ты там прохлаждался на страницах книг? Признавайся, у тебя что-то было с «женой, облачённой в солнце»?

– Душа остаётся душой и легко заполняется хламом, даже если и стремление ко греху не удаётся реализовать.

На протяжении всей беседы моё удивление возвышенными мистическими интересами маленького человека нарастало, как грибки после дождя и солнца на ноге пляжника. Архилох же, книжный древний грек, не настоящий. Истинный, я полагал тогда, должен любить материю, жизнь, источать оптимизм. А тут... тьфу. Мракобес. Я постарался поскорее уйти в свои дела от внезапных откровений книжного персонажа.

7. ПОСЛЕ СМЕРТИ

– Не сродни ли смерти пребывание в книге? Ты был чем-то вроде гербария. Высушенный лист, придавленный страницами. Ничего кроме слов.

– Книги – хранилища. Что есть человек без воспоминаний? Без памяти (пусть ложной) нет самосознания, без самосознания нет человека. А я разместился в самом сердце всего этого, среди слов о прошлом, настоящем, будущем, формирующем коллективный разум... являющимся его отражением. Я стал зерцалом мира, самым человечнейшим из людей.

– В пионерском лагере мы вызывали как-то дух Тараса Бульбы. Лицо вымышленное. Впрочем, сам выбор забавен. Не понимаю, чем был обусловлен столь странный выбор литературного персонажа. В богатой галерее литературных героев выбрали именно его. Вот не представляю, о чём мы с ним могли бы говорить. Даже как убийца... нет в нём изящества Дракулы, которого хоть и не проходили в школе, но всё же, всё же... Подумалось, что в школьной программе не было других украинских боевых героев. Не нянчиться же с пастушком, над которым издевались в школе. Это из Ивана Франко. А другое... Ничего не напоминает милитаристического, как нравится детям. Как Гайдар. Он описывал убийства со знанием дела. Это ведь так здорово, оставить парту, а всех вокруг изрубить пашкой?

– Я был на войне. Я человек мирный. Не увлекаюсь военной романтикой. На настоящей войне нет романтики.

– Хорошо. Вернёмся к нашему лагерю. Многим тогда казалось, что дух Тараса Бульбы пришёл...

– Почему нет? Вот и я здесь. Хотя многие говорят мне: «Ты не Пушкин». В контексте советского спиритизма это звучит правильно.

– Во всём этом, однако, легко заподозрить подвох, несерьёзность.

– Я очень серьёзен. Всегда серьёзен. Но я понимаю, можно на это смотреть как на проекцию разговоров о науке, противостоящей лженауке.

– Разумеется. Именно. Вызывание духов мёртвых – вздор. А уж дух литературного персонажа – это вообще слишком. Если те не существуют, то этот и подавно.

– Ну почему? Как минимум, в сознании существуют и те, и другие. Мы говорим. Вот они в наших словах. Что не так? Существует ли мёртвый во плоти? Это нет, разумеется. Но спириты ведь и не заывают живого человека к обеду. Они общаются с духовной сущностью, о природе которой можно лишь гадать.

– Гадать? Ты погряз в отвратительных суевериях.

– Для начала, Тарас Бульба явился?

– Издеваешься? Я уже сказал. Многие утверждают, что явился. Впрочем, смешно.

– Так ты принимаешь свидетельства товарищей или свои личные теоретические построения на пустом месте. Ведь в основе твоих утверждений лишь утверждения как «должно быть». Но ничего о фактах.

– Это фантазии. Человек может убедить себя в чём угодно.

– Но именно это и будет реальностью для данного человека. Сама попытка ограничить культуру,

загнать её в рамки, определённые каким-то чиновником или внутренним консерватизмом – гибель для человеческого духа. Интеллектуалу пристало смело глядеть в лицо неизвестности, укрощая её осознанием. Какие открытия может сделать человек, заранее очертивший, что есть истина, а что «лженаука»? Но о неизвестном нельзя сказать, что оно ложно.

И тут вдруг Архилох повёл рассказ обо всём, о Пушкине:

– Жил-был Пушкин. Умер и умер. И вот, пожалуйста, рукотворный памятник. А ведь у поэта была душа. И всем на неё плевать... Кроме спиритов, конечно. Душа Александра Сергеевича завоевала необычайный успех именно в этой среде. Советские спириты... вот истинные почитатели Пушкина после смерти! Разве есть ещё хоть одна душа, удостоившаяся стольких вызываний! Но, однако, увы. Многие делятся впечатлениями от загробных бесед Пушкина, но никто не опубликовал текстов. И всё уходит, теряется. Советская интеллектуальная жизнь не обогатилась ни советскими «Халдейскими оракулами», ни какой-то там «Литературой из оракулов». Зато монументальных идолов построили, нашла в каждом захолустье какие-то деревья, в тени которых отдыхал сам Александр Сергеевич. А поэт сам мечтал о другом: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Не рукотворный! Понимаешь ли?

– Ты тронул грязными руками «наше всё», грек нерусский. Как тебе не стыдно?

– Да, ладно. Ну почему все верят в исключительность Пушкина! Я лично убеждён, что вся русская литература вышла из «Носа» Гоголя.

8. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКОВ

И всё же его обращения к истории открывали мне глаза на былые времена. Не на факты, конечно. Это характерная ошибка, которую я подмечал всюду многократно – обращение к современникам, как последней инстанции, как источнику неоспоримых сведений о каком-то времени. Но нелепо спрашивать у заурядного сельского сапожника о происходившем в королевском дворце только из-за хронологического совпадения. Это, разумеется, верно и наоборот. Для выяснения голых фактов лучше обратиться к историку, чем к среднему современнику событий.

Байки Архилоха порой были слишком фантастичны, а его память весьма прихотлива, избирательна. Почти все его рассказы не повествовали о виденном им лично. Многое вычитано, многое услышано. И даже придумано. Но не это привлекало моё внимание. Любопытен был самый выбор историй, акценты. Их содержание могло отражать расхожие представления древних греков. Как-то мы заговорили о Библии и о «Вавилонском столпотворении», смешении языков, о первоначальном языке. Не помню, что послужило поводом. Кажется, безуспешно пытавшийся проникнуть в дом иеговист. Так ли иначе, Архилох поведал мне любопытную историю:

Развитие национальных мифов – верный путь к деградации. Действительность подменяется чванством, закрывающим саму возможность адекватно реагировать на вызовы реальности. Внутри культуры важны относительные чужаки, которые могут осмелиться на проверку национальных вымыслов. Приведу конкретный пример, реальную, хорошо известную историю. Древние египтяне свято верили, что их язык является древнейшим на земле. Этот факт никогда не подвергался сомнению и никто не испытывал необходимости его проверке. Однако в стране воцарился Псамметих, фараон эфиопского происхождения. И в его душу, очевидно, закралось сомнение. Царь решил проверить истинность господствующего в обществе убеждения. Итак, Псамметих повелел отобрать двух младенцев у родителей-египтян самого простого звания, людей патриотичных, набожных и непритязательных, то есть у исконных, коренных представителей народа. Детей следовало воспитать вдали от людей, в уединённом месте, под наблюдением строгого старого пастуха царских стад. Сказано, сделано. Время шло, а фараон терпеливо ждал результата. Дети долго молчали, потом, когда подошёл срок, издавали нечленораздельные звуки. Так им исполнилось два годика. Однажды пастух, войдя в дом, с удивлением обнаружил, что дети бросились к нему навстречу, протягивая ручки, и говоря...

Тут раздался стук в дверь. Так не вовремя. Зашла соседка по довольно незначительному поводу. Я же постарался свести общение с ней к минимуму, вожделея окончания рассказа. Моя невнимательность к словам женщины, тот, факт, что я не улавливал её утверждения, предшествовавшие вопросам, вконец убедили её уйти, дав мне, впрочем, обещание-надежду зайти попозже: «Я понимаю, у тебя проблемы на работе. Я слышала». Ничего такого. Ерунда. Но я счёл за лучшее согласиться. Это ставило точку в разговоре, обеспечивало предлог нетерпеливо, но и старательно любезно распрощаться с соседкой. Заперев дверь, я сразу бросился к Архилоху:

– Так чем всё завершилось?

– Что завершилось? – не желая, тратить время на чепуху, выдавил из себя Архилох. Он не мог оторваться от какой-то компьютерной «стрелялки».

– Ну, история про древнеегипетский язык. Что дети сказали пастуху?

– Да что они могли сказать? Выругались матом. В их положении ничего другого на ум и не приходит. Бедные детки! А, кроме того, маты – это и есть изначальный язык, который близок к языкам животных. Человечество выработало речь нового типа, небывалую в природе. В наших языках слова соответствуют каким-то определенным предметам или строго очерчиваемым логически понятиям. Конечно, полная рационализация языка невозможна. Но стремление к ней играет в нашей речи ключевую роль. Маты же – просто эмоциональные возгласы, не наделенные никаким рациональным смыслом, не обозначающие ничего конкретного. Это сущее выражение чувств, как лай, как мяуканье, как рычание.

9. КОДИРОВКИ

В какой-то момент я не сдержался и поставил на свой компьютер пароль. И под разными предлогами отказывался сообщать его Архилоху-лепрекону. Тот, однако, обзавёлся своим ноутбуком. Ума не приложу, где он его достал. Неужто вытащил из какой-то древнегреческой книги? Ведь я никогда не видел его за работой. Впрочем, и на преступления у него не должно было оставаться времени. Он всё время погружен в игры. Нетактичных вопросов я задавать не стал... Лишь подумал: «Компьютеры – лучшая профилактика преступлений». А со стороны кухни всё неслись и неслись звуки взрывов, стандартные возгласы – Архилох вполне адаптировался к нашему миру, ухватив, возможно, главное в нём.

– Что наша жизнь? Игра! – не переставал твердить маленький человечек.

– Позволь, но ведь это именно я тебя обеспечиваю всем необходимым. Что бы ты делал без моей помощи? А деньги мне не даются даром.

– Не будь занудой. Так и должно быть устроено идеальное общество. Ты знаешь это, наверное, из Платона, который перенял идею у мудрых египетских жрецов. Должен быть класс интеллектуальной или религиозной элиты, за ним следуют воины, а потом работники разных отраслей, эти самые «зарабатыватели». Последние обязаны обеспечивать вторых и первых. Только так всё работает. Ну не может же мыслитель ковыряться в земле. Подобное тянется к подобному. Близкие к земле и всему, что она родит, к ней и устремляются. А подобные богам небесным, взирают на небеса, не унижая своего достоинства вещами низменными. Кроме того, подумай, если бы военный класс и манипуляторы утратили бы власть над людьми, решающими реальные проблемы, люди бы чрезвычайно расплодились, культуры и науки подошли бы к своему логическому завершению, являющемуся их полным совершенством. Всё, конец истории, конец человечества, конец света. Отсюда все эти мифы о возгордившемся человечестве, неудачно соперничающим с богами или Богом. Небывалые успехи в строительстве – возводятся Вавилонская башня. И катастрофа. Божья кара. А Прометей сгубило чрезвычайно человеколюбие. Как и людей, помощь Прометей. Успехи подлунных обитателей навели на землю Пандору. Ах, ну можно вспомнить и круглых людей Платона, раз уж мы о нём сегодня заговорили. Но таких историй множество. Но я хорошо сплю, не помышляя о лаврах Джеймса Фрэзера.

– Тебе с твоим самомнением лечиться надо...

– И где прикажешь лечиться? Я крайне низкого мнения о вашей медицине. Она труслива и иррациональна. Действенные в прошлом кровопускания не применяются. Вместо этого всякий вздор. Прививки – вкальвают болезни. А оздоровления! Люди едут за тридевять земель на отравляющем воздухе транспорте, тратят огромные деньги, чтобы сломать себе ногу на какой-то горе... ну, или утонуть в море. Вот раньше люди оздоравливались в могилах, по месту жительства. Так оживили мёртвого человека, бросив на кости пророка Елисея, согласно четвёртой Книге Царств, 13:21. А Исайя сообщает о сидении в гробах ради оздоровления, в главе 65, стих 4. Работает, действует. И никакого ущерба экологии, никаких финансовых трат. А если не помогло и умер, то сразу оказываешься в гробу. Никаких затруднений для родственников.

Вселенная, впрочем, не прощает подобных насмешек. И Архилох вскоре в этом убедился.

10. АРЕСТ

Однажды, вернувшись с работы, открыв дверь в квартиру, я услышал ужасный шум совсем не компьютерного происхождения, – какая-то возня, голоса многих людей. Меня это удивило. С кем мог веселиться Архилох? Много лет он вёл публичную жизнь исключительно литературного персонажа, лишённого

простых земных радостей. Архилох утратил навыки общения и целыми днями пропадал в социальных сетях, перемежая это игрой в разные «стрелялки». На секунду я растерялся, – не вызвать ли полицию? Но потом решил не тратить время на тщетные убеждения приехать по неясному поводу, когда реальных жертв ещё нет... хоть и временно, хотя всё может быстро измениться... Из мёртвого состояния обращаться уже будет невозможно... хотя, однако, и не особо нужно. Первое обстоятельно огорчало, второе радовало.

Я проследовал на звук... Опять кухня! Отличный выбор, что и говорить. Я проследовал туда. На кухне группа важных маленьких человечков в белых халатах крепко держала Архилоха, скрутив ему руки.

– Мне вас всех не прокормить, – без обиняков я сразу высказал наиболее жизненно важную вещь. – Даже если вы все Аристотели да Платоны.

– Что вы? Мы сами о себе позаботимся. Мы вовсе не философы какие-то, – произнёс, покраснев, самый важный карлик. – Разрешите представиться, доктор Румпельштильцхен.

– Спасибо, я здоров, – не на шутку испугался я.

– Зато скрывавшийся у вас тип не вполне. Я бы даже сказал, он весьма опасен. Собственно, здоровье – личное дело каждого. Если бы речь шла об инфекции – это его выбор. Пусть себе умирает. Но социальное поведение – это серьёзно. Вот чем должны заниматься сегодня врачи! – и добавил. – За вашим знакомым не водилось каких-нибудь странностей? Не пытался ли он заражать кого-то зловредными идеями?

Я вспомнил перманентную игру Архилоха на компьютере... однако, странность ли это? И праздность. Что может быть нормальнее, естественнее для человека... человек ли он? Но и книжным персонажам ничто человеческое не чуждо?

– Нет, не замечал. Он вёл довольно нормальную по крайней мере для человека жизнь, ел, спал, отправлял воздух.

– А, между тем, у вас в квартире водилась довольно опасная личность. Он возомнил себя гением без страха и упрёка. Он поучает всех подряд. При наличии у него денег и власти, такое можно было бы стерпеть. Но в данном случае... Ах, как это убого и печально. Вялотекущая пизофрения, я считаю. А кем он себя назвал на этот раз? Шекспиром, Пушкиным, автоматом из новеллы Гофмана «Автомат»?

– Архилохом. Но разве вы не допускаете, что сочинитель может что-то сочинить и о себе?

– О! Как и во все прошлые разы! Он может. И у него получается! – внезапно доктор похвалил талант «Архилоха», и добавил. – Но вы не беспокойтесь, пожалуйста, мы его госпитализируем. И спасибо, что сохранили нам ценного пациента. За эту заслугу мы немного покажем вам наш мир. Лишь одна просьба – никогда никому о нём не рассказывайте.

– А кем он себя называл в прошлом?

– Как кем? Архилохом. Всегда и только Архилохом! Ох, уж эти сумасшедшие. Они одержимы одной лишь идеей!

– Но почему вы считаете его сумасшедшим?

– А вы считаете его существование логичным?

Я хотел сделать замечание относительно оправданности веры в Румпельштильцхен, который ещё и свободно всем сообщает своё имя, но сдержался, лишь кивнув в знак неопределённого согласия с общим направлением мысли. А ещё меня беспокоил этот советский диагноз. «Вялотекущая пизофрения». Несуществующая болезнь. С другой стороны, кто я такой, чтобы оспаривать заключение профессионального врача? В конце концов, представления о норме и об отклонениях у маленьких человечков могут отличаться от наших. Ведь невозможно игнорировать отвратительную, жуткую наглость Псевдо-Архилоха. И даже, если она формально нормальна для человеческого сообщества, более тонкие, более прогрессивные существа могли осознать её порочность.

11. ЧЁРНАЯ КУРИЦА

Всё это не прошло бесследно. Совесть не даёт покоя. Я убеждал себя, что Архилох не всегда вёл себя корректно. Но как я его мог выдать докторам? И пусть он был болен, хотя я и не был в этом убежден, но можно ли лечить кого-то принудительно? Архилох ведь не принёс никому вреда в реальном мире. Он разил словом. В древности своими стихами, потом злобными постами и репостами. Если он кого-то и убил в реальности, то это было чрезвычайно давно, до заключения в книге Геродота, в другой жизни, другом существовании. Теперь же он сражался лишь в компьютерных играх... ну и на просторах интернета с виртуальными оппонентами. А я дал докторам его увести... Куда? Кто знает? Я стал верующим. Я уверовал в романтическое двоемирие и вздрагиваю при виде каждой чёрной курицы? Какие яйца она ещё снесёт грядущему?

ИРИНА ИВАНЧЕНКО

ВДРУГ ЗАМЕЧАЕШЬ: ЗИМА

СИНАЙ

Светает. Конвой у ворот, и рабы, и собаки.
Вот-вот над горою покажется первая просинь.
Здесь чёрные козы пасутся у мусорных баков
и гонит ораву туристов курчавый Иосиф.

Здесь камни в корзинах, а манну ещё не собрали,
и козы пасутся, не зная, что скоро – на бойню,
что совесть и зависть родней, чем Иосиф и братья,
а в каждом из нас умещаются раб и конвойный.

Здесь катится по небу солнце верблюжьей колючкой,
гонимое ветром, ранимое встречным утёсом.
Рабы сердобольней конвойных, а значит живучей,
и рабскую участь до времени терпит Иосиф.

У стен монастырских чумазы дети играют
в менял и торговцев и камни сбывают приезжим.
Конвой отпирает ворота ключами от рая,
и солнце цветёт, как терновник, растёт, как надежда.

Здесь путников помнит щебёнка дороги, за нею
гора каменеет от страха в присутствии Бога.
В начале – слова о любви. Толкованья позднее –
серебряный шелест оливы в долине пологой.

Туристов уводят в автобус. Иосиф сминает
коробку от «Самел», искрит маячок сигареты,
и красное солнце на красном подворье Синая
ночует, и холодно ветру, а камни согреты.

ЗИМА

Элле Леус

Зима, зима от марта и до марта.
Ты помнишь, как мы жили до зимы?
На площади святого Дюрренматта
горят костры по случаю чумы.

Но гражданам ничто не угрожает,
когда пожарно лает каланча.
Мой муж – палач, примерный горожанин,
а я – жена простого палача.

Снегами сонный город окопачен,
но ветер стих и вечер недалёк.
Сосед-молочник и сосед-башмачник
захаживают к нам на огонёк.

Я промолчу, а ты меня не слушай,
когда стоим, обнявшись, у дверей.
Воронья стая облешила грушу,
за нами надзирая из ветвей.

У здешних птиц – своя игра в молчанку.
Того гляди, накаркают беду.
Палач спешит на службу спозаранку,
застегивая куртку на ходу.

Звезда в окне – как бирка на подарке –
вот-вот слетит в рождественский носок.
Палач – он тот же лекарь: от подагры
избавит быстро выстрелом в висок.

Муж с петухами, ёжась от дремоты,
встаёт и уменьшается в плечах.
Всё чаще вызывают на работу
его условным стуком по ночам.

Блестит коток у лысой водокачки,
весь в ссадинах под коркой слюдяной.
Сосед-молочник и сосед-башмачник
отводят взгляд, здороваясь со мной.

Чини бельё, на ближнего не сетуй.
Неделю почтальон не кажет глаз,
но в ящике с воскресною газетой
белеет приглашение на казнь.

Бросая всё – и утварь, и посуду,
молочник эмигрирует во тьму,
как будто возвращается оттуда,
откуда не вернуться никому.

Погожий полдень у зимы в заначке,
парует снег на бане водяной.
Три дня тому пропал сосед-башмачник,
а завтра кто-то явится за мной.

Зима нескоро разрешится мартом
в окрестные болота и пески.
Муж смажет дыбу кукурузным маслом,
чтоб петли не завьили от тоски.

Зима одна, как Санта вездесущий,
на всех, кто сомневается, что жив.
День прибывает за луной растущей,
к времянке ночи путь запорошив.

Зарывшись в сон, густой и чёрно-бурый,
мы спим, не зная: зиму напролёт
Господь очеловечивает буквы
и сходство с нами слову придаёт.

ПОСТ

Ты – герой, говорит, целых сорок дней
избегаешь скоромной пищи.
А у нас, говорит, у простых людей
сквозняки по сусекам свищут.

Град добил покос, но растёт погост
и бабьё голосит истошно.
А у нас, говорит, семилетний пост
на воде с картошкой.

А на мясо, знаешь, гляди не гляди –
не кусает цена, а режется.
Мы и так его, говорит, не едим,
потому как не за что.

Как закрыли завод, так и сел народ
лузгать семки у телевизора.
Говорят, что пост – небесам оплот,
а душе ревизия.

Говорит и лыбит щербатый рот,
грех тебе, говорит, печалиться.
И в груди печёт, и подкожный лёд
истончается.

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ

Первый снег, как мех овечий,
укрывает шар земной.
Где-то плачет человек
за холодную стеной.

То ли рожницей не вышел,
то ли вышел, да не весь.
И зачем взболтал Всевышний
эту атомную смесь?

Труд поденный до упаду
и бессонница ничком.
Человеку много ль надо –
человечка под бочком.

Тонкокожи огуречки,
буря кроет, воет мгла.
Много ль надо человечкам?
Хлеба, неба и тепла.

Где-то мастер дел увечных
бьёт копытцем по щекам,
приставляя человечков
к ружьям, как вчера – к станкам.

Он шагает с нами в ногу,
но не далее двора.
Не пора ли нам в дорогу,
не пора ли, не пора...

Нет ответа из эфира,
только грады бьют вдали.
Человечек просит мира
на своём клочке земли,

где двоим не разминуться.
Человек умолк, стыдясь,
что в такую-то минуту
просит что-то для себя.

И никто ему не скажет,
неповинному в крови,
что моление о чаше –
тоже просьба о любви.

Воришка, душа, побирушка,
над самой твоей головой
кормушка, она же ловушка,
для падких на хлеб дармовой.

Цикуту глотай за цикутой,
богачка, церковнаямышь,
воруя у счастья минуты,
не ведая, что натворишь.

Не месяц – ухмылка слашавая
блестит, освещая дома.
Глядишь, как темнеет, стужается,
и вдруг замечаешь: зима.

Деревья, по Брейгелю чёрные,
стоят по колено в снегу.
Смотри, как позёмку проворную
сугроб стопорит на бегу,

как в чашке, прихваченной инеем,
к утру цепенеет вода...
Всё минет, как сумерки длинные
в голодных, бесплодных годах.

За то, что в полсилы горела,
едва ль оправдаешься ты,
раз не было слов для согрева,
участия и доброты.
Ни корма не нужно, ни зрелища,
но стой, как стоишь, на своём
за всех в эту зиму болеющих
и всех, переживших её.

Затем ли глядящие в оба
из горних, блистательных сфер
спускают на землю хворобы,
чтоб ты посмотрела наверх.
Ни корма не нужно, ни зрелища,
но будь милосерден сейчас
ко всем, ни о чём не жалеющим,
и к прочим, жалеющим нас.

НИКОЛАЙ СТОЛИЦЫН

И ВЕЧНОСТЬ – НИПОЧЁМ

ЛУННЫЙ ШАМАН

Лунный шаман удар-рит
В лунный – холодный – бубен:
Брату – пора проснуться...

Старшего будит брата,
Лушит – в холодный бубен,
Космы его – трясутся...

В путанных чёрных космах
Звёзды застряли... частью
Ссыпались вниз, погасли...

Что же, шаман – доволен,
В бледную кожу бубна
Кроличьей лушит лапкой...

«Брат, поднимайся, в бубен
Солнечный бей скорее...
Эй, просыпайся, соня!!»

Лунный шаман смеётся:
Красный – горячий – бубен
Виден у края ночи...

Все-таки – брат проснулся,
Рокотом, эх, р-р-р-разбужен...
Солнечный, старший, ну же!!

БЛЕДНЕЮЩИЕ ЗВЁЗДЫ...

Бледнеющие звёзды
Нырнули в облака...
Увы, не оправдались
Надежды рыбака.

Погасла папироса
В тяжёлом кулаке...
В привычную обитель
Вернётся налегке?

А в термосе – горячий
 Да с мятой чайк,
 И Солнце потихоньку
 Окрасило восток.

Пора бы – возвращаться
 К бесчисленным делам...
 Рыбак неторопливо
 Кивает небесам...

Они его дождутся...
 И удочки собрал,
 И в синее, родное
 Неспешно зашагал.

Подсвеченные Солнцем,
 Ложатся облака
 Ступенька за ступенькой
 Под ноги рыбака,
 Небесная обитель –
 Совсем недалеко...

КИТОВАЯ ПЕСНЯ

Белый слушает ночами,
 Долгими, без снов,
 Разрывающее сердце
 Пение китов...

Самых разных очертаний,
 Маленьких, больших,
 Только белому остаться
 Хочется – без них.

Да! киты поют о самом
 Важном – для кита...
 Ну, а белый – не ответит,
 Даль его – чиста...

Не ответит, не сольётся
 С пением чужим...
 О, под ним – морская бездна,
 Звёздная – над ним.

Что ещё? – киты умолкли...
 Пение китов
 Всё зовёт его ночами,
 Долгими, без снов,

Всё зовёт его... напрасно:
 Лучше промолчит
 Белый-белый, одинокий
 И счастливый кит.

РЫЧАЩАЯ EXISTENTIO. КИТЁНОК

К пеню отзывчива
Синего кита,
Звёздами рассыплется
Неба чернота...

У китёнка – сла-абенький,
Тонкий голосок,
Даже в половиночку
Вытянуть не мог.

Заглушили бедного
Взрослые киты:
Достигая пением
Верхней черноты.

Мощное, прекрасное
Пение китов...
А китёнок к пеню
Вовсе не готов.

Всё равно – старается,
Пробует опять,
Чтобы в общем пенни
Тоже прозвучать!!

НЕБЕСНАЯ ЧЕРЕПАХА

Небесной черепахе
И вечность – нипочём,
Пылающие звёзды
Раздвинула хвостом...

Зелёными глазами
Таращится во тьму,
Спокойно поглощая
Её, её саму...

Работает утроба,
И, а-ах, уже вослед,
Вослед за черепахой
Плывёт неяркий свет.

Они плывут неспешно,
Бесцельно, никуда...
Ударилась о панцирь
Сверхновая звезда.

Царапина ничтожна,
Задерживаться что ж?..
Задумываться нужно,
Напрасно ли плывёшь?

Вовсю смещая звёзды
 Стар-рательным хвостом,
 Плыви без всякой цели,
 И вечность – нипочём.

ДЕ ПРОФУНДИС. УТОПЛЕННИЦА

Утопленница мается на дне,
 В груди её, изъеденной мальками,
 Как будто бьётся, жаркое вполне,
 Живое... очарованная снами,

Бездонными, холодными, она,
 Конечно, просыпаться не желая,
 Неспешно поднимается – со дна,
 Навстречу небу звёздному всплывая.

Улыбка, тронув вывернутый рот,
 Лица подобье словно озарила...
 Её неукоснительно влечёт
 Незримая, чудовищная сила

К чему-то ослепительному... ах,
 Не лучше ль – пребывать в привычных снах?!

ДЕ ПРОФУНДИС. БОГ

Обычный Бог лежит в 6-й палате
 И пялится в постылый потолок,
 Вздыхает и томится на закате
 Уставший от себя – обычный Бог.

Смиренно принимает препараты,
 Почёсывая ноющую грудь,
 И до размеров собственной палаты
 Пытается Вселенную свер-нуть.

О, прежние бессчётные заботы...
 Насколько проще с психами – ему?
 Не сдерживая яр-ростной зевоты,
 Неспешно погружается во тьму,

Когда во всей психушке гасят свет,
 И кажется анамнезом – «Завет»...

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Повелитель Времени,
 Хмурый часовщик
 Солнце, словно маятник,
 Должен покачнуть.

Тронул бы легонечко –
Огненный бочок,
Запустил бы заново –
Звёздные часы...

Время – остановлено,
Смерти – больше нет,
Но и не рождаются –
Новые миры...

Часовщик задумчиво –
Смазал шестерни,
Пыль сдувая, звёздную,
Вытер циферблат.

Хочется – движения...
Хмурому, ему,
Чтоб омыл вселенную
Времени поток.

Тронул, тро-онул маятник,
Солнце по-кач-нул...
И услышал – звонкое,
Мерное «тик-так»,

И погладил ласково –
Звёздные часы...
Повелитель Времени,
Хмурый часовщик.

ОСЕНЬ

Разбитная молодуха
В полыхающем платке
Да под Солнцем заходящим
Запала налегке...

Ох, под пятками босыми –
Жухнет, ёжится трава,
И скужилась, сопрела,
Посерела – синева...

И хохочет молодуха –
И шагает всё быстрее...
Листья, листья, багровея,
Так и сыплются – за ней.

Вот – набросила на Солнце
Полыхающий платок:
Жара в Солнце заходящем
Поубавилось чуток?

И пошлёпала босая –
По холодной по росе,
Словно иней, самый первый,
Седина – в её косе...

Заблестела развесёлым,
Разудальным серебром...
И взгрустнула молодуха –
И расплакалась дождём.

И опять – повеселела...
В полыхающем платке
Побежала, побежа-а-а-ала
И пропала – вдалеке...

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

ТИХИЙ ПОЕЗД ПОД НЕВИДИМЫМ ДОЖДЁМ

Жизнь вытекает из маленьких городов,
как тёплый янтарь из надкушенного печенья.
Ася уехала.
Помнишь,
её свекровь
всех угощала выпечкой на Сочельник.

А без людей получше.
Не станет школ.
Ни рынка, ни кладбища –
лишь санаторий «Южный».
Здесь ты ловил кузнечиков, ливнем шёл,
тройку по физике здесь получал заслуженно.

Холмик. Аллейка. Признак земных работ.
Столько инжира было бы – зря срубили.
Жизнь вытекает из, укрывает от
светлой пылию.

Когда был маленьким,
то всё казалось длинным.
Фонарь, линейка, мусоропровод.
Теперь всё коротко: летит июль пчелиный,
колючий март царапает живот.

Сиди себя тихохонько да слушай,
как пух пылинки городу сдаёт.
Когда был маленьким,
хотелось лампу-грушу.
Теперь не хочется,
теперь не до неё.

Ни вафельку, ни жареного хлеба,
ни белого мороженого литр.
Когда был маленьким.
А разве я им не был?
А разве я с ошибкой не делил?

Ни контурная карта Ленинграда,
ни Майн, ни Рид, ни Витя Коробков
не помогают выжившим пиратам,
хозяевам цветных грузовиков.

РОСТОК

А дома не было, была
под сердцем крошечная мгла,
и в ней горошина жила –
пыльцой на пальце.

Когда же корни подросли,
то не хватило им земли.
Не бойся, тело, не боли.
Чего бояться?

Смотри, смотри-ка, корешок
на небо лазалку нашёл.
Лишь обращаться хорошо –
твоя забота.

Так и живём, так и живёт.
Как платье, носит тела свод.
А то, что горлом кровь идёт, –
всего делов-то.

МАНГУП-КАЛЕ

Где стряхивает лес учётчик-воробей,
где мечутся холмы, а под холмами – мамонт,
где уходили сны, где падалось темней,
где спорила роса с тесёмками вьетнамок,

где каменным столбом, приклеенным к спине,
проржавленный июнь пытал феодеоритов,
где люди из Москвы, невинные вполне,
дремали на груди невидимых убитых,

где тихий караван небесных верблюжат
соскальзывал во тьму и двигался в потёмках,
меня там больше нет. И некому сажать
цветные семена.

Дедушка, здравствуй.
В среду выходит книжка.
Снегу здесь столько!
точно рисунок вытерли.

Солнце приходит в мас.
Весны излишки
гнезда свивают в лицах томлёных жителей.
Взяли собаку.
Толст, голосист, старателен.
Тексты печатаю.
Это ли не удача?
Часто звоню родителям, чаще – матери.
И никогда не плачу, дедушка.
Я не плачу.
Что рассказать...
В Ростов мы недавно съездили.
Город – широкий, щедрый, поэтам любый.

Чёрный на белом, дедушка смотрит весело.
И шевелятся его молодые губы.

Вот так и проплыву тебя во сне,
как вздох над нет, как статую на дне,
как вытертую в табеле отметку.
Звенит крылом комарик-звездочёт,
густая кровь сквозь сумерки течёт
и капает с небес на табуретку.

Мы никогда не будем – «я проспал!» –
терять такси на аэровокзал
и по-французски спрашивать прохожих.
Мы никогда не будем спать вдвоём.
Глядит лицо на новый водоём,
на хлопок, на синтетику, на кожу.

Не завтракать расплавленной лапшой,
не спрашивать кота, куда он шёл,
не радоваться музыке знакомой...
Тебе не слышно, слышно только мне,
как комары целуются в окне,
как жалуется муж на насекомых.

Потому что вы не вечны.
Вечен лишь тулуп овечий.
Да маслénка, да миткаль.
Гужевые облака.

Вечен шкаф, уют, тарелка.
Чашка. Чай. На чашке – белка.
Сплетен стоптанный каблук.
Шёпот.
Шорох.
Стук да стук.

Вечен запах из подвала.
Вечен взгляд водицы талой.
Хруст капусты. Хрип коня.
Нечего и объяснять.

Можно только слушать тихо,
как в стакане спит гвоздика,
как часы бьют одного.
Низачем. Ни для кого.

Поезд дальше не поедет.
Просьба выйти из вагона.
Чай, не маленькая. Чаю!
с мёдом, с мятой, с молоком.
Черепна моя коробка.
Тяжела моя попона.
Кто там щёлкает грозою?
Кто хрустит дождевиком?

Кто мелькает в силпых тучах,
притворившись гражданином
с нижней лестничной площадки?
Или, скажешь, не похож?
Поезд дальше не поедет.
Забирай своё, рванина.
И вот этого Ивана,
И Степановну – под дождь.

И пошли они отрядом,
кто с пакетами, кто с внуком,
кто с тележкой продуктовой,
кто с ровесником вдвоём.
И осталась только пятна.
И осталась сетка с луком.
И остался тихий поезд
под невидимым дождём.

ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ

ПОЭТЫ, ЧТО ДОБИЛИСЬ СВОЕГО

ЛИРИЧЕСКИЕ СТАНСЫ

На первое и на второе
неважно, что едим порою,
поскольку всем на третье
положено бессмертие;

и в рамках мироздания
забудь про воздаяние
и прочий матерьял,
что в жизни потерял;

и не пеняй на новости –
бесчисленные совести
пасут стада убийц
без лиц и без яиц;

а, впрочем, живы танцы
и, сколько ни дрожи,
лирические стансы
бывают хороши.

Кто б ни был он,
врубил диспетчер
вечерний звон –
ещё не вечер.

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

1.

Поэзия есть путь к себе земному –
парапсихологу, лингвисту, астроному –
субъектам обаяния не без –
которым до меня, как до небес.

2.

Пусть не всегда, но всё-таки веками,
представь, стояли люди за станками,
и сам я тоже за станком стоял
минут пятнадцать и строгал металл,
при этом повторяя аксиому:
«Поэзия есть путь к себе земному»,
а рядом, быт и участь не коря,
стояли за станками токаря,
которые и есть, скорей всего,
поэты, что добились своего.

3.

Скажи, о чём, как не про Юг и Север,
Иаковом увиденный конвейер?
А Запад, что весьма к нему жестоко,
молиться будет в сторону Востока,
поскольку, что поделаешь, Восток,
подумать страшно – мудрости исток,
считай, от Курдистана до Кореи,
а есть ещё арабы и евреи
и путь среди песков и между выюг
на Север с Юга, с Севера на Юг.

4.

В слоях атмосферы достаточно плотных
находится место для птиц перелётных,
которые, может быть, вновь изберут
над ними проложенный кем-то маршрут
от Белого моря до тёмного Нила,
что в счёте конечном так грустно и мило
и даже, порой, как ни странно, игриво –
а вам бы хотелось до сердца разрыва
за цену всего лишь входного билета?
Могу успокоить: бывает и это.

ОСТРОВ

Мир полон Дании врагами,
Вероне вряд ли до балета:
английский юмор – это «Гамлет»,
а с ним «Ромео и Джульетта».

Мой папа – молодёжный активист,
его конёк – художественный свист,
пройдут года, и пойман в ту же сеть,
не хуже папы буду я свистеть,

какие бы ни выдались деньки –
о, наших пап нам верные коньки!

СТЕПАНОВ

Что за город на кону,
не Ростов ли на Дону,
где потерпит поражение
наше Белое движение,
хоть храбрец вы и титан,
господин штабс-капитан?

Не печальтесь, чья победа –
настрелялись и от седа,
ноги вынесут куда –
навсегда, так навсегда;

да и разве, в самом деле,
мы не этого хотели,
но мечтали на луну
выть в Ростове-на-Дону,
или, скажем, в том же Курске?

Понимаю, вы не в курсе,
а из воинств наших лишь
я один хотел в Париж,
чтоб с душою и талантом
в нём служить официантом,
и советских чтоб детей,
мною пугали без затей,

мол, из рода белоручек
до чего дошёл поручик,
а ведь мог бы хоть на бис
строить с нами коммунизм
на какой угодно вахте
за станком, а то и в шахте
этот антидядястёпа,
никудашний недотёпа
по фамилии Степанов
и по имени Степан
из разбитых вражьих станов
бывший белый атаман...

Предо мной, как на картинке,
что ни день, часа на три
Белой армии поминки,
хочешь – тоже посмотри.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ

Как я смотрю на всё на это,
уже отнюдь не молодой?
Моей средой была плацента –
ужиться можно со средой.

Не знаю, что меня терзает –
то объявлюсь, то затаюсь –
среда куда-то исчезает,
а я как будто остаюсь,

по крайней мере, не угроблен
ещё практически нигде,
на удивленье приспособлен
к вновь окружающей среде.

АЛЕКСЕЙ РУБАН

МЕССИЯ

рассказ

*And on four horses
Come special forces.*

Tiamat

В самый глухой ночной час Арсений думал о безумцах. В квартире стояла тишина, нарушаемая лишь посапыванием Леры, по обыкновению свернувшейся на боку в позе зародыша, с прижатой к животу подушкой. В такие моменты он завидовал жене, обладавшей способностью полностью отключиться от мира, проваливаться в чёрную пропасть, выныривая из неё лишь за несколько минут до того, как придёт время возвращаться к жизни. Организм Леры был умнее её сознания, экономия силы, которые требовались сейчас, как никогда ранее. Арсений не мог сказать о себе того же, и поэтому, лёжа без сна, он думал о сумасшедших, учёных, опускавших в кипящую воду часы вместо яйца, небритых стариках в обитых войлоком камерах со спёртым воздухом, бормотающих что-то о своей славе великих полководцев или правителей. Он вспоминал громкие имена из криминальных хроник, маньяков, встреча с которыми открывала ворота в запредельную боль, всё для того, чтобы убедить себя, что с мальчиком в соседней комнате всё в порядке. Арсений сравнивал не поддающееся сравнению, пока серый рассвет не стал просачиваться сквозь щель между шторами. Тогда он осторожно перелез через Леру, взял со стола планшет и опустился в кресло. Там он включил мини-компьютер, вошёл в сеть, просмотрел новые сообщения на страничке «Эры духа». «Может, он гений?» – внезапно мелькнуло в голове без всякой связи с содержанием комментариев читателей журнала. Арсений не был уверен, желал ли он подобной участи для своего ребёнка. Гениальность казалась Арсению бременем, возможно, даром, способным облагодетельствовать мир, но тяжестью как для самого человека, так и для его близких. Отцу мальчика в соседней комнате хотелось, чтобы тот прожил обычную жизнь, с повседневными заботами, маленькими радостями, неизбежным горем, лучшим лекарством от которого была та самая повседневность. Арсений подумал, что оставшееся время до утра он может провести, собирая в ряды разноцветные шарики на экране планшета, а потом его сознание внезапно погасло, и он увидел сон.

На гигантских размеров чёрном кресте был распят Глеб. В одной набедренной повязке, болезненно бледный и худой, с железной короной, впившейся в голову, он обвис на толстых гвоздях, слабо постанывая, и слёзы, смешивавшиеся с кровью, текли по его щекам. Крест торчал из моря переплетённых человеческих тел, простиравшегося до самого горизонта, ежесекундно пучащегося, изгибающегося волнами, моря, у которого не могло быть дна. Голые люди, вращая друг в друга плотью, непрерывно кричали, совокуплялись, пожирали себя и других, и все они тянули руки к фигурке на кресте. Живя в грязи, помня о смерти, они отчаянно хотели жить и молили о спасении. Внезапно тело Глеба изогнулось, человеческое море взметнуло цунами, и крест с оглушительным треском стал падать, заслоняя багровое небо.

– Вставай.

Арсений разлепил глаза. Лера стояла над ним, легонько тряся его за плечо.

– Что, уже пора?

– Пока придёшь в себя, уже пора будет выходить. Опять полночи не спал?

– Уснул нормально, потом проснулся, часа три ворочался, решил в кресле посидеть, думал, всё, хоть с планшетом поиграюсь, и, видишь, вырубился, – Арсений тяжело поднялся, разминая одеревеневшую шею. – Как он там?

– Говорит, спал нормально, сам посмотришь, – Лера изломала лицо скептической гримасой. – Иди приводи себя в порядок, труба зовёт.

Арсений прошёл в ванную, встал под душ. Тёплые струи ударили по телу, и стало немного легче. При дневном свете ночные страхи тускнели. Сны снами, но ведь врачи не нашли никаких отклонений. Им нужно подождать, всё наладится само собой, просто поддерживать друг друга, ни словом не касаясь того, что тревожило их всех. Покончив с утренними процедурами, Арсений вернулся в комнату, облачился в джинсы и белую футболку с изображением лотоса, подумал об офисных тружениках с их неизбежным дресс-кодом и отправился на кухню.

– Категорически всех приветствую, – изрёк он как можно более оптимистично, усаживаясь за стол.

– И вам достойно жить, – отозвалась от плиты Лера.

– Доброе утро, пап, – Глеб равномерно двигал ложкой, понемногу опустошая наполненную кашей пиалу. Глядя на сына, Арсений подумал, какой удивительно покладистый ребёнок им достался. Подавляющее большинство двенадцатилетних детей не преминули бы устроить каше бойкот, а то и потихоньку спустить её в унитаз, как это в своё время делал сам Арсений. Встретившись с отцом глазами, Глеб слегка улыбнулся. Под глазами у него темнели круги, заставляя вспомнить гримасу Леры.

– Что на повестке дня? – спросил нейтрально Арсений, решив не запускать по второму кругу вопрос, который уже задавала с утра жена. Занятия в школе окончились неделю назад, и сейчас Глеб посещал нечто под названием «пришкольный лагерь» – радость работающих родителей, не знавших чем на целый день занять каникулярных отпрысков.

– Всё по плану, – Глеб пожал худыми плечами. – Сегодня археологический музей, завтра страусиная ферма.

– Чувак, да такими темпами нас с мамой к твоему одиннадцатому классу ждёт нехилая головная боль, как и тебя, кстати. Прикинь, как сложно выбрать, куда поступить при таком-то диапазоне знаний.

Глеб снова улыбнулся, на этот раз чуть шире, улыбнулась и Лера, ставя на стол тарелку с ломтиками поджаренного хлеба. Они завтракали, обмениваясь какими-то шутками, и Арсений вдруг почувствовал, как на него опять начинает напоздать тень ночного кошмара. Одним глотком допив чай, он поднялся.

– Ребята, сорри, вынужден вас покинуть, новый номер на носу, хочу пораньше начать. Всем спасибо, всё бесчеловечно вкусно и питательно, как всегда.

Арсений стиснул плечи сына, потянулся губами к Лере, увидел её взгляд. Они поцеловались. Арсений обнял жену, на секунду крепко прижал её к себе. Он подхватил в прихожей рюкзак, сунул ноги в лёгкие летние туфли и закрыл за собой дверь. Спускаясь по лестнице, он вспоминал глаза Леры. Она знала, что он выходит на полчаса раньше, чтобы пройти пешком, попытаться немного проветрить мозги, отдавшись ритму ходьбы. «Спасибо», – прошептал Арсений и толкнул ведущую на улицу дверь.

Духота последних дней наконец-то спала. Небо обложило тучами, свежий ветер трепал листву деревьев во дворе. Беседку возле гаражей оккупировали неизменные Гарик и Розенбом, в компании спортивной сумки, из которой торчали горлышки бутылок. Две легендарные личности, ненадолго вырвавшиеся на свободу, целыми днями смаковали продукцию местного пивзавода, рассуждая о былом. Арсений знал обоих с самого детства, в тринадцать лет уже тайком бегал на устраиваемые ими в районном Доме культуры джем-сейшена, был свидетелем триумфов и падений неразлучной парочки. Одно время локальные звёзды рок-н-ролла вплотную приблизились к тому, чтобы разделить печальную участь множества своих более именитых коллег по цеху, однако на пути у зелёного змия стеной стали жёны. Валя с Иррой, сплочённые никак не радужной перспективой, объединили усилия и дружно взялись за дело. В результате долгих и изнурительных военных действий, мудрёных стратегических ходов и закулисных интриг им удалось до известной степени обуздать страсти благоверных. Ныне оба воспитывали подрастающее поколение, ежедневно ходили на работу и по праздникам принимали не больше заранее определённого количества, находясь под неусыпным контролем супруг. Лишь раз в году, летом, жёны вместе с потомством отправлялись в законный отпуск на принадлежавшую Гарику дачу, и тогда для друзей настаивала двухнедельная фиеста. Подруги жизни были хорошо осведомлены о намечающемся загуле, однако не предпринимали никаких действий, чтобы это предотвратить, понимая бессмысленность любых телодвижений в подобной ситуации. Заранее готовясь к предстоящему пирушеству, Гарик и Розенбом в течение целого года зарабатывали себе отгулы, чтобы долгими тёплыми днями, вечерами, а то и ночами предаваться воспоминаниям и потреблять. Воспоминания были неиссякаемыми, впрочем, как и пиво, источником которого являлся расположенный на соседней улице круглосуточный магазин. Продукт брожения, цистерны которого друзья выдули в молодости, действовал на них диаметрально противоположным образом. Гарик,

несмотря на приближающийся пятый десяток, оставался таким же тощим, как и в свои пятнадцать, в то время как Розенбом с каждым годом увеличивался в размерах. Арсений взглянул на синхронно припавших к бутылкам рок-солдат, и ему безумно захотелось, плюнув на всё, присоединиться к ним, позволив себе хотя бы ненадолго отключиться от царявщей души реальности.

– О, Сеня, здорово, чеши к нам, – на весь двор медведем радостно заревел Розенбом, заметив соседа по дому.

– Мужики, я на работу, у меня отгулов, как у вас, нет, – запротестовал Арсений, ноги которого каким-то магическим образом принесли хозяина к входу в беседку.

– Работа не волк, ты что, поговорки в школе не учишь? На, кайфани с утраца, – Гарик ткнул в руки Арсению тёплую бутылку с каймой пены у горлышка.

– Нет, чуваки, не просите, не могу, – чувствуя, как от внутренней борьбы на лбу выступает испарина, Арсений отвёл в сторону искушение.

– Ну, хоть посиди, послушай, о чём умные люди говорят, на работе тебе такого не расскажут, – Гарик сделал внушительный глоток, разбрызгивая по сторонам пену. Арсений подумал, что, возможно, ради этой встречи он и выходил из дома раньше обычного, и залез в беседку.

– Короче, была тогда такая передача, что-то типа «Криминальная страна», чернуха всякая, бандиты, шлюхи, тогда такое по всем каналам крутили. Это я Розеике рассказываю, как впервые услышал «Голубой огонёк», это где «моя смерть ездит в чёрной машине», – перевёл Гарик Арсению, прекрасно знавшему, о какой песне шла речь. – И, прикинь, там в одном сюжете за кадром кусок вещи крутили, вообще без всякой привязки. И тут меня как торкнуло. Заканчивается всё, никаких субтитров, как сейчас, типа, чьи песни в передаче звучали. Иду я к маме на кухню, а мама у меня музыку в школе преподавала, – снова озвучил известный Арсению факт Гарик, – напеваю, что запомнил, спрашиваю, не знаешь, чьё это может быть? Ну, она говорит, не знаю, но вообще похоже на Боба. И я, вдумайтесь, иду в комнату, разбиваю копилку, а я тогда на приставку копил, потом чуваю в магаз музыкальный, в Центральном гастрономе тогда козырный был, и продавца спрашиваю. Повезло, тип понимающий попался, всё мне обсказал, кассету нашёл, я домой по-быстрому, врубил и умер. Ну, и понеслось. Приставку я так и не купил, всё на кассеты ушло.

– Вообще кайф, – подхватил эстафету Розенбом. – А я в то время «Зэ скримерс» слушал, типа, крикуны, так название и писалось. Угар такой, что птицы на лету падали. Панк, рага, тяжеляк, всё в одном флаконе, и тексты улётные, кажется, стёб, а потом как врубишься, так мозги заворачиваются. У них там в одной песне была строчка «пусть стоя аплодируют боги». И вот я дома, под диким впечатлением, пишу свой первый текст, беру подушки, книги, пару кастрюль, две ложки и начинаю хреначить по всему этому. А сам пою по бумажке, что-то там, что у богов уже давно и геморрой, и ревматизм, запоры, само собой, но когда они видят, как панки бухают, не могут удержаться, встают и хлопают полчаса.

– Мы с Розеиком через год после этого свой первый панк-состав заделали. «Даст ин май брэйн» назывался, пыль в моём мозгу, а, да, ты ж английский знаешь, – наконец-то осознал очевидное Гарик. – Была у нас одна вещь, без названия даже, вернее, названий куча, не могли выбрать. Про то, что у чувака на одном плече белый ангел, а на другом, соответственно, чёрный. Белый ему: «Делай перерывы», а чёрный так по-нашему: «Бухай регулярно». В припеве так и шло. Качало – жуть. И приглашают нас как-то на фестиваль, опен-эйр, пятьдесят километров от города, зелёная зона, парк «Дубки». Обещают аппарат, барабаны, накормить, дорогу даже оплачивают. Мы с утра по соточке, погрузились, через полчаса приезжаем, а там детский фестиваль, клоуны всякие, качели-карусели, конкурсы. Кто-то, короче, что-то перепутал, а валить назад поздно, организаторы подходят, давайте на сцену. Выползли мы и завалили, а что делать? Две песни отлабали, потом нас стащили. Скандал был, но пару пап потом втихую подошли, благодарили, даже на пропой что-то сунули, плюс сосисок местных в кулёчке.

– О, сосиски, – эйфоричный Розенбом запрыгал на лавочке, отчего та угрожающе заскрипела. – Помнишь сосиски, Сеня?

При упоминании о сосисках Арсений понял, что пора ретироваться. Он вскочил, потряс руки обоих рассказчиков, непрерывно выдавая что-то о новом номере и горящих сроках, пообещал в самое ближайшее время присоединиться к компании, внося свою алкогольную лепту, и очень быстрым шагом покинул зал славы рок-н-ролла. Утро воспоминаний грозило перерасти в день. Осознав, что у него ещё оставалось достаточно времени до начала работы, Арсений несколько сбавил темп. Всю дорогу до редакции он вспоминал один из своих первых опытов общения с Гариком и Розенбомом. Отходивший от какого-то ОРВИ, он воспользовался отсутствием родителей и пригласил музыкальных кумиров домой. В себя после выпитой водки десятиклассник Сеня пришёл часам к четырём дня, едва успев навести в квартире марфет

до прихода отца с матерью с работы. Те ничего не заметили, хотя мать и удивилась тому, что сын съел почти все сосиски из холодильника. Через пару дней Сеня поинтересовался у старших наставников, как они незаметно употребили столько мясной продукции. «Слабоват ты ещё, чувачок, – довольно изрёк тогда Розенбом. – Ты же сам нам показывал, как клёво в шахматы играешь, а потом все фигуры убрал, типа, каменный век, вместо них сосиски разломанные поставил и стал сам с собой шпилить. Сбивал и съедал сразу». «Понятно теперь, почему меня так тошнило ночью», – подумал тогда Сеня, не зная, радоваться ли ему своим подвигам или стыдиться.

Как всегда перед выходом нового номера, в редакции царило оживление. Раз в месяц журнал «Эра духа» радовал своих читателей новостями с эзотерического фронта, репортажами с различных мероприятий, призванных способствовать духовному росту и, как следствие, разрыву цепи перерождений, деталями биографий знаменитых наставников. Склонявшемся к агностицизму Арсению, тем не менее, импонировали эти учения с их отказом от идеи персонифицированного бога, полной открытостью для всех и каждого, отсутствием претензий на обладание единственно возможной истиной. Работавшие в редакции в большинстве своём были добродушной жизнелюбивой публикой, с хорошим чувством юмора и адекватным восприятием реальности. Редкие исключения на общем фоне не раздражали, а скорее добавляли драйва. Такой, например, была штатный фотограф Леночка, питавшаяся солнечной энергией, транслировавшая/считывавшая эмоциональный фон вне зависимости от расстояния и постоянно менявшая пассий, в каждом новом кавалере видя, по меньшей мере, Калки-аватару. Арсений поздоровался с охваченными бурной деятельностью коллегами, сделал себе кофе, включил компьютер и погрузился в присланную ему на вычитку статью. Её автор только что вернулся с проходившего раз в шесть лет праздника, грандиозного действа, для участия в котором съезжались йогины со всего мира. Читая описания практик, рассматривая фотографии полуголых людей, заполнивших всё пространство между пёстрыми шатрами у берегов могучей реки, Арсений задумался. И он, и Лера воспитывались в семьях, где религия воспринималась лишь как одна из многочисленных традиций, таких, например, как вылазки на природу с вином и жареным мясом в последний месяц весны. Он не мог понять, как с Глэбом могло произойти то, что так терзало сейчас и мальчика, и его родителей. Внезапно Арсений подумал о том, чтобы после выхода номера взять отпуск, уговорить Леру сделать то же самое, сесть втроём на самолёт и хотя бы ненадолго покинуть страну, отправившись в тысячекилометровый путь. Мысль выглядела безумной, но разве не безумием было случившееся с ними? Они полетят туда, в древнюю страну, где роскошь соседствует с кричащей нищетой, где священные животные переходят автострады. Они поселятся в городе, в котором на лестницах у реки сжигают трупы, где по утрам обнажённые люди, стоя в тёплых водах, приветствуют солнце. Быть может, это излечит их, даст ответы на вопросы, позволив вернуться к привычной жизни. Арсений сделал глоток кофе, решил, что даст мысли отстояться, перед тем как делиться ею с Лерой, и вернулся к чтению.

В час дня он покинул здание редакции, пересёк улицу и зашёл в маленькое кафе, где обычно обедал. Аппетита не было. Арсений кое-как справился с овощным супом, поковырял салат и, оставив на тарелке недоеденную отбивную, ретировался. В сквере неподалёку он купил в киоске кофе в картонном стаканчике, устроился на скамейке под деревом и набрал номер Леры.

– Привет, я на обед вышел, решил узнать, как у тебя дела.

– Всё по плану, как говорит наше чадо, – голос Леры звучал на фоне шума воды и криков детей, которых она готовила к очередным соревнованиям по плаванию.

– Спасибо, что дала мне возможность пройтись с утра. Немножко разгрузил голову.

– Гарик с Розиком помогли?

– Ты что это, следишь за мной? – постарался изобразить праведное негодование Арсений.

– Конечно. А ещё я иногда имею обыкновение снимать на балконе бельё. Они так восторженно орут, что не услышать нельзя, аж завидно. Ты не думай, даром для тебя это не пройдёт, в ближайшее время придумаю, как будешь покупать.

– Всенепременно. Слушай, возможно, есть одна идея, пока, правда, в зачаточном состоянии, но я думаю, что нам делать. Мы справимся.

– Справимся, без вариантов. Всё, давай, мои там перетонут все без меня. До вечера.

– До вечера.

Арсений спрятал телефон в карман. Он никогда особо не задумывался над определением любви, не был готов примыкать ни к циникам, утверждавшим, что за этим словом стоят лишь физиология и химия, ни к доказывавшим прямо противоположное романтикам. Люди, изучившие друг друга до ма-

лейшего пигментного пятна, знавшие, в какое время каждый из них привык совершать физиологические отправления, прожившие бок о бок годы, не могли сохранять в быту восторженные чувства периода влюблённости. Быт умел съедать многое, он перекраивал взгляды, сталкивал лбами, и всё же то, что было у него с Лерой, Арсений мог назвать любовью. Они познакомились обыденно и даже несколько нелепо, в квартире Севки, друга Арсения. Севка праздновал свой день рождения, его новое увлечение, опасаясь потеряться в компании незнакомых людей, пришла с подругой. Подругу попросили помочь на кухне, где в это время мрачный Арсений резал колбасу, периодически прикладываясь к стакану с вином. За полгода до этого он расстался с однокурсницей, с которой был вместе юбилейных двадцать четыре месяца. Арсений страдал, писал диплом, а по ночам вёл в голове долгие беседы с бывшей возлюбленной, убеждая, доказывая, растравляя раны. По прошествии времени они вспоминали с Лерой их тогдашнее общение и смеялись над тем, как глупо это должно было выглядеть. Арсений старательно натягивал на себя маску мрачного отшельника, всё повидавшего и утомлённого жизнью, Лера отпускала язвительные комментарии. За столом пикировка продолжилась, потом гости разошлись. На следующий день Арсений с помощью Севки стал обладателем необходимого ему номера телефона. Дуря от непривычности ситуации, от того, что собирался сказать, он взял в руки трубку.

– Ты страшный человек, ты это знаешь? – начал с места в карьер Арсений.

– Не уверена, а почему? – ничуть не удивлённым голосом осведомилась Лера, не поинтересовавшись, кто звонит.

– Потому что ты сама не понимаешь, как хороша.

– Не понимаю, но спасибо. Так куда, в кино, в парк или у тебя есть более оригинальные сценарии?

Арсений опешил. В этом была вся Лера, с её, на чей-то взгляд, прагматизмом, порождённым достоинством и нежеланием плясать с бубном вокруг очевидного. Тогда они пошли в парк. Лера спасла Арсения от мучительных рефлексий, от неуверенности в себе и мире, и сейчас, много лет спустя, они спасали друг друга.

Арсений допил кофе и вернулся на работу. В шесть часов он выключил компьютер, попрощался с немногими оставшимися в редакции и направился к остановке. Через две минуты подкатил автобус. Арсений забрался в салон и опустил тело в объятия кресла. Глядя на проплывавший за окном индустриальный пейзаж, он, помимо своей воли, снова погрузился в воспоминания.

Всё началось одним вечером в конце марта. Закрыв за собой дверь в комнату, Лера подошла к кровати, на которой уже вытянулся Арсений, и, вместо того чтобы переползти через мужа на свою половину, присела у его ног.

– Тебе не кажется, что Глеб выглядит очень утомлённым в последнее время?

– Да, я заметил, но, наверное, ничего удивительного. Весна, авитаминоз, в школе загруз, мало ли причин.

– По-моему, он стал плохо спать по ночам.

– С чего ты взяла?

– Не знаю, – Лера задумчиво посмотрела на настенный календарь, выпускаемый в редакции «Эры духа». – Похоже. Ты ничего не слышал?

– Да нет. Ты же знаешь, я иногда просыпаюсь часа в два-три, но у него всегда тихо. Опять же, ему двенадцать лет, может, влюбился.

– Ага, ты мне ещё свои школьные годы вспомни. Слушай, серьёзно, я как-то всё не обращала внимания, а вчера вдруг так явно это увидела. Ты уставший очень был, решила не трогать тебя без повода. Сегодня позвонила его классной. Та говорит, с учёбой всё нормально, ведёт себя как всегда, но стал какой-то, как она сказала, рассредоточенный, что ли, будто одновременно думает и о задании, и о чём-то своём. Она сама собиралась с нами связаться, я её опередила.

– Не знаю, что тебе сказать, лажово как-то. Давай я с ним поговорю завтра, так, знаешь, по возможности ненавязчиво. Даже если там в девочке дело, всё равно обсудить надо, он же сам первый никогда не начнёт, будет мучиться, но молчать. А если что-то серьёзнее...

– Вот обойдёмся без серьёзнее. На самом деле, Сень, спасибо, сама тебя хотела попросить. Сам понимаешь, ваши мужские разговоры...

– Спи уже, феминистка, – Арсений притянул к себе Леру и поцеловал в висок. Через две минуты она ровно задышала, провалившись в сон. Арсений ещё какое-то время прокручивал в голове полученную информацию, спрашивая себя, был ли смысл беспокоиться, а потом уснул и он.

Следующим вечером Арсений постучал в комнату сына. Глеб сидел за столом и при свете настольной лампы что-то писал в тетради.

– Дружнице, есть пара вопросов, – позвал Арсений.

– Да, пап, – Глеб повернулся на стуле, и в этот момент Арсений осознал, насколько переменялся его ребёнок. Он ещё больше похудел, скулы на бледном лице заострились, под глазами залегли тени. Арсений не хотел верить тому, что видел, но во взгляде мальчика застыла тоска, растерянность пополам с безысходностью.

– Сына, – Арсений усилием воли заставил свой голос не дрожать, – нам с мамой показалось, что ты чем-то озабочен. Ты только пойми правильно, я тебя не пытаю, просто у меня больше опыта, в каких-то ситуациях я, пожалуй, смогу тебе что-то подсказать. Если есть вещи, которые маме, ну, знать не обязательно, как женщине, даю слово, она их не узнает. Врать я ей не буду, просто объясню, что ничего страшного не происходит, мы сами разберёмся.

– Папа, – Глеб говорил тихо-тихо, еле слышно, – я боюсь, вы мне не поверите и отправите в сумасшедший дом.

– Сынок, как ты мог такое подумать? – Арсений вдруг понял, что стоял на пороге. За порогом ждало нечто, прозившее искорёжить всю их жизнь. – Мы же любим тебя, о чём ты говоришь? Просто расскажи, веришь, люди всегда себе надумывают непонятно что, а потом поделишься, и всё оказывается понятно.

Между отцом и сыном легла тишина, а потом мальчик заговорил.

Одной ночью на исходе зимы Глебу приснился сон. Вокруг него была абсолютная космическая чернота с тусклыми крапинками звёзд где-то невероятно далеко. Он стоял на месте, хотя под ногами не было никакой опоры, а перед ним возвышался ангел. Мальчик знал, что это был ангел, но не мог описать его. «Он совсем не такой, как на иконах, и он горел», – прошептал Глеб, и на мгновение Арсений почувствовал укол первобытного ужаса. «Ты избран, – сказал ангел, и голос его не был голосом, – чтобы стать новым мессией, спасителем или губителем. Только от тебя теперь зависит, пойдёт ли человечество дальше своим путём или отправится в место, что лежит за гранью всех ваших представлений. Ты будешь носить в себе Апокалипсис, жить, наблюдать, изучать мир. Что-то покажется тебе прекрасным, что-то гнусным и отвратительным. Ты увидишь, как одни люди убивают других, как истязают ради денег и развлечения, как лгут, предают, втаптывают в грязь. Ты познаешь человеческое нутро, неисчислимые бездны мерзости. Тебе не придётся ничего искать самому, рано или поздно жизнь сама извернётся перед тобой всеми своими гранями. Если ты сумеешь дойти до конца и удержать в себе то, что будет проситься наружу, мир спасён, если же нет, ты знаешь, что случится, хотя и не можешь это представить».

Глеб рассказал, что после этих слов он упал на колени. Это не было сном, когда над тобой довлеет чужая воля, заставляя повиноваться её приказам, нет, мальчик был свободен в своих поступках. Он дрожал, внезапно ощутив космический холод, из его глаз лились слёзы. Ангел продолжал говорить, и тогда Глеб начал кричать. Он кричал, пока в горле его не взбух меховой бурдюк, и ангел изрекал слова, которые не были словами, не заботясь о том, слышат его или нет. – Почему я, почему?! – взмолился Глеб, с трудом выталкивая звуки из покалеченного горла. – Ответы есть, но ты их не поймёшь, – сказал ангел тогда, когда мальчик меньше всего этого ожидал, а потом он проснулся.

Глебу стоило огромных усилий, чтобы не показать дома и в школе, что происходило у него внутри. К вечеру картинка в голове немного потускнела, и мальчик в какой-то момент смог убедить себя, что это был лишь кошмар, однако ночью всё повторилось. Снова ангел говорил о конце света, снова Глеб кричал и просил объяснить, почему был избран именно он. «Ты сильный», – сказал ему ангел, и это было всё. Так продолжалось десять ночей, десять ночей в пустоте космоса. Затем всё прекратилось, так же внезапно, как и началось.

– Но ведь с тех пор тебе ни разу больше ничего не снилось, – шептал Арсений, чтобы не сорваться на крик, – прошёл почти месяц, ты должен успокоиться. Сыночек, это подсознание, оно и не такие штуки выкидывает без всяких причин.

– Папа, ты не веришь, потому что тебя там не было. Всё так и есть, – произнёс Глеб, и Арсений похолодел от тона, которым это было сказано.

Той ночью они не сомкнули глаз. Лера порывалась бежать к сыну, говорить с ним, но Арсений удержал её. Всё ограничилось чашкой молока с мёдом, которую Глеб выпил, виновато глядя в пол. Они перебрали множество версий, от переутомления до наркотиков и психоза. Оба сошлись на том, что им не обойтись без помощи специалиста. Уже к середине следующего дня Лера, проконсультировавшись у подруг, звонила по данному ей номеру и договаривалась о встрече.

– Даже мысли не допускай, что с тобой что-то не так, – говорила она вечером сыну, глядя его обеими руками по голове. – Папа прав, это подсознание, ты мог переутомиться, что угодно могло произойти, поэтому нужно разобраться.

– Да, мама, я понимаю, – отвечал Глеб.

Перед сном Арсений, в горячке осознания, зашёл в комнату сына и опустился перед ним на корточки.

– Послушай, дружище, неужели всё это время ты постоянно об этом думал по ночам, спал по три часа, хотя сны прекратились?

– Я писал.

– Что ты писал?

– Ангел сказал, что если я всё вынесу, я должен буду оставить потомкам послание, завет, сказал он, Новейший Завет. Он надиктовывал мне его все эти десять дней, и я запомнил каждую букву, хотя там на тысячу страниц, и никогда не смогу забыть. Папа, – лицо Глеба внезапно сморщилось, – я так не выдержу. Я ведь уже чувствовал это в себе, когда Лёша из моего класса чуть не подрался с папаном на два года старше. Папан его доставал, Лёшка не удержался и попытался ему двинуть, а тот на голову выше, он бы его закопал там, хорошо, учительница пришла. Этот папан вообще всех достал, не знаю, как его ещё не выгнали, школа-то у нас хорошая. И вот я смотрел на это, хотел что-то сделать, Лёшке помочь и вдруг почувствовал, как оно во мне поднимается, как волна. Такая ненависть, перед глазами оранжевые пятна, и ты его сдерживаешь, а оно наружу хочет. Я справился, не так сложно было, но я же понимаю, что это только начало, самое простое. Как же я буду жить дальше?

Глеб уронил голову на грудь отцу и тихонько завыл. Арсений баюкал сына, шептал ему какие-то слова и сам испытывал ненависть к тому неизвестному, что так заставляло страдать двенадцатилетнего ребёнка. Чуть позже Глеб оторвал заплаканное лицо от отцовской футболки. Мальчик встал, подошёл к книжной полке, пошарил за рядом книг и достал толстый блокнот в чёрном переплёте. Арсений раскрыл его наугад. Страницы были исписаны бисерным старушечьим почерком сына, так непохожим на их с Лерой манеру выводить буквы. «Но вы, подобно глупым бабочкам, летящим на свет, всё так же стремитесь к тому, что зовёте удовольствиями, тщетно пытаетесь обрести в них утраченную новизну. Рождаются и превращаются в прах империи, на месте долин встают горы, сменяются поколения, но нет, как не было, предела мерзости человеческой» – бросилось в глаза. Арсений встал на ноги и, пошатываясь, вышел из комнаты с блокнотом в руке.

Всё то время, пока Глеб проходил обследование, Арсения не покидала мысль о романе, прочитанном им лет в шестнадцать. В дочь известной киноактрисы, девочку возраста Глеба, вселяется нечто, именуемое себя дьяволом. Врачи бессильны поставить диагноз, одержимая говорит на незнакомых ей языках, проявляет способности к телепатии и психокинезу, однако окружающие, в том числе и священники, к которым обращается отчаявшаяся мать, упорно отказываются видеть в происходящем проявления потусторонних сил. Они ищут научные объяснения, ищут болезнь, которой на самом деле нет, есть лишь глубокий кризис веры. Арсений не мог не проводить параллелей между осаждаемой демоном Реганой и своим сыном, разве только вторгшиеся в сознание детей находились по разные стороны баррикад. «Но причём здесь вера? – спрашивал он себя, останавливаясь посреди комнаты, по которой раз за разом наматывал круги в ожидании приговора врачей. – Неужели мы хоть на секунду можем допустить, что всё это правда?». Он знал, что ответом было «нет», знал, что им оставалось только ждать.

– Поверьте, я не вижу причин для беспокойства, – сказал им, до хруста сжимавшим пальцы, лысеющий мужчина с добрым лицом, известный специалист в своей области. – Мы провели все необходимые исследования. У Глеба нет никаких органических заболеваний, поражений мозга. Это не эпилепсия, не шизофрения, не галлюцинации. Психически Глеб здоров.

– Но что же тогда происходит с ним, ведь это ненормально? – выдохнул Арсений. От облегчения, захлестнувшего его, закружилась голова, и он усилием воли заставил себя сосредоточиться на разговоре.

– Я думаю, дело в слишком бурной фантазии вашего сына. Глеб очень умный мальчик для своего возраста, весьма начитанный, к тому же, что мне приятно вам говорить, он замечательный сын. Во время наших с ним разговоров он всё время повторял, как переживает из-за того, что причиняет вам беспокойство. Он большая умница. Далеко не каждый ребёнок способен так серьёзно относиться ко всем этим вопросам, тестам. Но, видите ли, избыток фантазии плюс гипертрофированное чувство ответственности – коктейль тяжёлый. Интенсивная внутренняя жизнь может привести к самым разным последствиям. Человек перестаёт интересоваться окружающим миром, уходит в себя, у него развиваются неврозы. В данном случае, мне кажется, речь идёт как раз о неврозе.

– Но откуда все эти ангелы, конец света? – Лера смотрела прямо в глаза лысеющего врача, в течение всего разговора ни разу не поменяв положение тела, со спиной-палкой профессиональной пловчихи. – Мы оба далеки от религии, наши родители тоже.

– Трудно сказать. Мозг – штука малоизученная, он может, как говорит молодёжь, заморочиться на чём угодно. Отсылки к религии повсюду, а Апокалипсис это ведь такая раскрученная тема, согласитесь. Возьмите этот его Новейший Завет, там ведь все фразы построены по классическому образцу, так изъясняется каждый второй проповедник, в сети их, кстати, запредельное количество. Глеб мог что-то прочитать, посмотреть фильм, услышать от учителей или друзей, сейчас это не суть. Главное, что вы должны уяснить, это как вести себя в сложившейся ситуации. А вести себя нужно так, чтобы эта тема как можно меньше всплывала. Обходите её стороной, вообще не говорите об этом, дайте ему понять, что не верите ни в каких ангелов и мессий. Первое время Глеб будет возмущаться, про себя, конечно, он тащит на себе такое бремя, а самые близкие люди не хотят его понять. Он убедил себя, что несёт ответственность за мир, за вас, в конце концов, вы же не обращаете на этот подвиг никакого внимания. И вот так, постепенно, в отсутствие подпитки со стороны его фантазии станут тускнеть. Занимайтесь чем-то твоём, съездите вместе на отдых, в конце концов, живите своей привычной жизнью. Успокаивающее сейчас Глебу не помешает, я выпишу рецепт, мягкий препарат, успокоит нервы, по ночам будет хорошо спать. Ещё раз повторю, у вас замечательный мальчик, здоровый и, убеждён, талантливый. Из него может вырасти большой человек. Знаете, что он сказал мне, когда я спросил его, почему бог послал ангела, вместо того чтобы явиться самому? «На бога не может смотреть ни один человек, и я не смог бы, я же не его сын, как тот, который был до меня».

Выйдя из автобуса, Арсений зашагал по столетней давности бульжику центральной площади. Вечерело. Он шёл навстречу влюблённым парочкам с мороженым в руках, скейтерам в бейсболках и футболках без рукавов, огибал собравшихся послушать уличных музыкантов и вспоминал, как сказал сыну о необходимости какое-то время принимать на ночь успокаивающее. «Ты боишься, что я буду продолжать писать?» – спросил его тогда Глеб. – Не переживай, папа. Если мне удастся с этим справиться, у меня будет много времени, чтобы закончить». Арсений промолчал. Молчала и Лера, после разговора с врачом они похоронили тему мессианства, зарыли её так глубоко, как было возможно. Две недели Глеб пил таблетки. Он стал высыпаться, это было видно по его порозовевшим щекам, по распрямившимся плечам, и, если только желаемое не принималось за действительное, затравленность исчезла из его взгляда. Заговор молчания делал своё дело, и всё же ни Леру, ни Арсения не покидала мысль о том, что могло происходить в голове их сына. По утрам они украдкой рассматривали его, радуясь, если он выглядел отдохнувшим, с отягощённым сердцем шли на работу, унося в памяти замеченные признаки бессонницы. Арсений не знал, сколько им суждено было жить впотьмах, и собирал силы для дальнейшей борьбы с неизвестностью.

Площадь закончилась, за ней потянулись кварталы Старого города. Узкая улица, петлявшая между невысокими домами, привела его ко двору, где он бегал в детстве по потрескавшемуся асфальту, в компании друзей, поливавших друг друга из самодельных водяных пистолетов. Арсений махнул рукой Гарику и Розенбому, почётным стражам беседки, и взбежал по ступенькам. Ещё на подходах к квартире он почувствовал тот самый запах, упительный аромат куриных котлет, страстным поклонником которых являлся, передав эту любовь семье. Захлопнув за собой дверь, кое-как содрав с ног туфли, проигнорировав визит в ванную, Арсений возник на пороге кухни.

– Всем привет, всех рад видеть и должен сообщить многоуважаемому семейству, что безмерно вас люблю, – торжественно пробасил он дьяконским голосом.

– Привет, пап, взаимно, – улыбнулся ему Глеб, наблюдавший, как мать священнодействовала у шипящей сковородки.

– Взаимно-то взаимно, но личную гигиену никто не отменял. Быстро мыть руки, – отвернулась Лера от плиты, с недовольным лицом и смеющимися глазами.

– Не раньше, чем сделаю объявление. Правление семьи в моём лице торжественно постановило, что в ближайшее время мы заканчиваем все насущные дела, подсчитываем накопления и трясущими от жадности руками отправляемся покупать билеты на самолёт. Нас ждут древние тайны, заклинатели пресмыкающихся и единение с природой. Долой прогнившую цивилизацию, восславим путь к просветлению!

Котлеты шипели, Лера что-то возмущённо говорила о спонтанности и пафосе, а Глеб смеялся. Арсений смотрел на сына, и сердце его сжималось от любви и страха. Перед сном, прислушиваясь к тишине в соседней комнате, Лера спросила, как он пришёл к этой мысли.

– Я не знаю, – вполголоса произнёс он, – но так будет правильно. Правильно и здорово.

– Я люблю тебя, – прошептала ему жена. Они уснули, и этой ночью ничто не тревожило сон Арсения. Его тело дёрнулось на кровати на рассвете. Вырванное из тёмного омута сознание, ещё не успев встроиться в реальность, не распознав потревоживший сон звук, вскинуло плоть. Босой, управляемый

одними рефlekсами, он побежал по паркету, разбрасывая в стороны преграды, рванул дверь в комнату сына. В глаза ему бросилось распахнутое окно и белые занавеси, бившиеся на ветру на фоне светлеющего неба. Он бросился прочь из клетки квартиры, на ходу что-то крича жене, крича что-то в телефон, каким-то образом оказавшийся у него в руке, пока ступени расплывались сплошным пятном перед глазами. Глеб лежал на асфальте, лицом вверх, маленькая фигурка с завернувшейся за спину рукой. Крови почти не было, только из аккуратной раковины ушка бежала тёмная струйка. Арсений упал на колени перед сыном, ломая ногти об асфальт, с кем-то внутри, запрещающим трогать тело мальчика. Веки Глеба дрогнули. «Прости, папочка, так будет лучше всем», – прошелестело на обкусанных обескровленных губах, на которых Арсений отчётливо различал каждую трещинку. Пространство вокруг стало полниться голосами, над домами понёсся жуткий вой Леры, бившейся в руках Гарика и Розенбома. Где-то вдали раздался звук сирены. «Я верю, верю всей душой, верю, как никто никогда не верил. Если хочешь, уничтожай этот проклятый мир, но только потом, дай ему прожить жизнь, а потом уничтожай, пожалей его, награди, ведь я теперь верю», – исступлённо шептал Арсений, трясась под порывами утреннего ветра. Рёв сирены становился всё громче, и по небу плыли тучи, отражаясь в глазах распластавшегося на земле мальчика.

ВЫБОР рассказ

Экзистенциалистам всего мира посвящается

Самым простым решением было бы закрыть кухонную дверь. Отрезать себя от ночных шумов слоем крашеного дерева, постанывая от предвкушения, рухнуть на диван, мгновенно отключиться, а потом, проснувшись, уповать на милость хранящих бытовую технику божеств. Митя Коновалов неоднократно прокручивал заманчивую идею по всему пространству головы, несколько раз, чувствуя, как мысль обрастает плотью, сжимал её, подносил к лицу, едва ли не облизывал блестящую поверхность, а потом, скрежеща зубами, разжимал пальцы, отпуская дверную ручку. Выбор существовал всегда, хотя у Мити его и не было. Над этим, безусловно, стоило задуматься, однако мозг, сотрясаемый из-за постоянных столкновений идеи с черепом, напрочь отказывался заниматься интеллектуальными упражнениями. В течение трёх недель умственная деятельность свелась к необходимому минимуму, а на первый план вышла жизнь тела. Тела, которое работало на износ.

Впиваясь пальцами в занозистые бока ящиков, под кряхтение и матерщину товарищей по трудовому несчастью, Митя вспоминал писателей-экзистенциалистов. Подобно трудовым товарищам, те тоже не прочь были приложиться к стакану, отягощённые осознанием трагичности и бессмысленности бытия. Впрочем, в отличие от Мити, они верили в свободу выбора. Можно было спешно покинуть зачумленный город, укрыться в доме, законопатив все щели, или, рискуя жизнью, пытаться спасти тех, кто ещё мог быть спасён. Далёкий от врачей, больных и спасения, Митя знал одно: заработанных за двадцать два изнурительных дня денег хватит на контейнер отборных заморских ягод. Тратить часть этой суммы на замену реле не представлялось возможным.

Холодильник же категорически нуждался в ремонте. Далекое не первой молодости агрегат не выдержал августовской жары и забастовал. Термометр на кухне перманентно выдавал за тридцать, с чем никак не могло согласиться температурное реле. Дойдя до точки невозврата, холодильник принимался конвульсивно содрогаться, беспрерывно выключаясь и снова включаясь с интервалом в тридцать-сорок секунд. Сползая с дивана, потирая набухшую недосыпом и стрессом голову, Митя брёл в ночной темноте на кухню и щёлкал кнопкой включения вентилятора. Лопасти начинали вращаться, перемешивая застоявшийся, несмотря на открытое окно, воздух. Спустя несколько минут реле успокаивалось, и холодильник выключался. Митя выжидал какое-то время, отрубал вентилятор, возвращался на диван и забывался недолгим беспокойным сном до следующего приступа. Потом наступало утро, ртуть в термометре подрастала ещё больше, и Митя собирал силы, чтобы порадоваться отсутствию необходимости ходить на службу.

Сумме, позволявшей ему оплачивать коммунальные услуги и сытно и правильно питаться, Коновалов был обязан матери. Давным-давно Анна Васильевна раз и навсегда решила, как сделать так, чтобы её сын смог выдержать свалившийся на него груз мира. В день окончания Университета знаток творчества экзистенциалистов получил в подарок банковскую карточку. К ней прилагалось заявление Анны Васильевны о том, что родители готовы были отпустить отпрыска в самостоятельное плавание, предоставив

в его распоряжение однокомнатную квартиру, доставшуюся от покойных бабушки с дедушкой и ранее, за неимением лучшего применения, сдававшуюся внаём. «Работать в коллективе ты вряд ли сможешь, — озвучила мать семейства, ставя на блюде чашку с чаем, которым собравшиеся за столом отмечали прощание Мити с альма-матер. — Само собой, мы с отцом не хотим, чтобы ты чувствовал себя ущемленным, живя на наши деньги (отец, мнение которого в семье Коноваловых имело вес сугубо номинальный, привычно покачивал головой). Поэтому мы решили взять тебя в штат. В конце концов, не зря же ты потратил пять лет и имеешь диплом экономиста. Нам в любом случае нужен человек на подхвате у бухгалтерии, перепроверять отчёты, к примеру. В общем, думаю, разберёшься, не дурак. Зарплата стандартная, тебе в принципе больше не полагается, нет опыта. Готовить сам ты не умеешь и учиться точно не станешь, так что еду два раза в неделю тебе будет приносить Глаша. Деньги автоматически будут вычитаться из зарплаты. Оставшегося вполне хватит на коммуналку и всякие бытовые моменты, ещё и оставаться должно, хочешь — трать, хочешь — копи. Но учти, мелкие расходы по дому на тебе. Конечно, если тебя вдруг затопят соседи — обращайся, поможем разобраться, весь серьёзный форс-мажор берём на себя. А в остальном выгребай сам, это взрослая жизнь».

Ошеломлённый Митя через слово кивал. На другом конце стола ему вторил отец, отчего всё происходившее в столовой напоминало абсурдистскую постановку. Для Коновалова-младшего, уверенного, что остаток жизни он проведёт в родном доме и умрёт под стук ножа, которым Глаша три раза в неделю резала овощи для любимого салата матери, вышеозвученное было полнейшей неожиданностью. Родившийся раньше срока, Митя с младенчества страдал всевозможными ОРЗ и ОРВИ. Респираторные недуги преследовали его так часто, что в какой-то момент он почти перестал реагировать на вечные сопли и боли в горле, сочтя их неотъемлемой частью своего бытия. В дошкольных воспоминаниях Мити осталась череда врачебных кабинетов, процедурные и оцетинившиеся странными сочетаниями букв слова, вроде «кварц» и «электрофорез». Друзей у него не было. Мать, убеждённая, что болезни сильно ослабили сердце чада, запрещала Мите общаться со сверстниками, опасаясь вирусов и подвижных игр. Последние могли привести к приступу из серии «кардио». Свежий воздух, необходимый формирующемуся организму, означенный организм получал в полном объёме, но исключительно в сопровождении заботливой родительницы.

С обычной школой Мите так и не пришлось столкнуться. Анна Васильевна, одна из первых в городе бизнес-вуман, владелица крупной фирмы по производству и продаже оргтехники, имела немало связей среди деятелей, пахавших ниву народного образования в заведениях с приставками «рай», «гор» и «обл». В течение одиннадцати лет Митя грыз гранит науки исключительно в контексте домашнего обучения. Несмотря на интенсивную программу, ему нравилось впитывать информацию. Приходившие в дом Коноваловых учителя, как правило, молодые, хорошо одетые, с блеском в глазах, точно не стали бы работать в государственной школе с её окладами. Периодически к ним присоединялся и отец Мити, в прошлом математик, а ныне руководитель одного из отделов в фирме жены. Иногда, объясняя сыну смысл растянувшейся по странице формулы, он вдруг прерывался и, вода туда-сюда карандашом по бумаге, начинал что-то вроде: «Помнится, я эту штуку в седьмом классе расщёлкал, а они смеялись, не верили...». На этом месте отец обычно осекался, возвращаясь к задаче, и от него пахло чем-то непривычно-сладким. В сознании Мити этот запах ассоциировался с теми вечерами, когда мать допоздна задерживалась по делам фирмы.

Глаша работала у Коноваловых с незапамятных времён. Руководя двумя горничными, в обязанности которых входила уборка двухэтажного дома, кухню она не собиралась делить ни с кем, выдавая на-гора десятки кулинарных шедевров. В отсутствие родителей и учителей она становилась Митиной няней, постепенно трансформировавшейся в облегчённую версию надзирательницы, следившей за тем, чем занимался в свободное время младший член семейства. Благодаря её бдительности и километровым заданиям учителей, Митя почти не познал виртуальных прелестей, включая онлайн-игры и социальные сети, не говоря уже о значительно более крамольных вещах. Крамолой Митя интересовался мало. Читая в книгах о мужчинах и женщинах, он испытывал скорее любопытство теоретика, которое вскоре удовлетворил учитель биологии, поведав о процессах, ведущих к зачатию и впоследствии деторождению. В общении, лишённом сексуального оттенка, например, дружеском, Митя видел не намного больше смысла. Редкие встречи с детьми знакомых родителей во время необходимых для посещения торжеств вызывали у него только скуку.

Так или иначе, но отрицать очевидное было невозможно. Анна Васильевна действительно произнесла дикие слова. Митя, едва окончивший с отличием экономический факультет, не успевший даже подумать о вариантах дальнейшего развития событий, не помышлявший о какой-либо самостоятельности, должен был начать совершенно иную жизнь. Апеллировать к оставшимся в детстве проблемам со здоровьем,

взывать к родительским чувствам и высшим силам не имело никакого смысла. В семье Коноваловых решения Анны Васильевны не обсуждались. Несколько адаптационных ночей на новом месте, скромной однушке на окраине, Митя провёл почти без сна. На пике изматывающих размышлений его вдруг осенило. Внутренний аналитик, тренированный годами экономических штудий, разгадал хитрый план знатной бизнес-леди. Отлучив сына от дома, мать хотела выяснить, готов ли был её отпрыск к тяготам и неожиданностям самостоятельной жизни, мог ли он сохранять то же спокойствие, что и во время домашних занятий. Это была проверка будущего руководителя фирмы, и Митя собирался достойно выдержать испытание. По его расчётам, оно могло занять не больше года. В ту ночь Коновалов крепко спал, а на утро проснулся бодрым и готовым действовать. Через несколько дней начали приходить задания. Поначалу требовавшие лишь механической работы, они постепенно усложнялись, что только подтверждало правильность догадки. В Митиной жизни мало что изменилось. Он так же вставал утром, завтракал и принимался за работу. После полудня он прогуливался в близлежащем парке, малолюдном и оттого привлекательном, обедал принесёнными Глашей продуктами и снова устраивался у монитора. Возможности сети Митя использовал по полной, не поддаваясь искушению онлайн-играми за отсутствием последнего. Перед ужином Коновалов совершал ещё одну вылазку в парк и, приняв пищу, вытягивался на диване. Обычно он быстро засыпал, выпустив из пальцев сборник трудов экзистенциалистов. Счета за коммунальные услуги Митя регулярно оплачивал в сети. Бюджет его личного государства, скрупулёзно выверенный, давал возможность делать небольшие накопления. Вместе с ними росла уверенность в скором и победоносном конце окраинных мытарств. Разговаривая с матерью по телефону, Митя живописал свой быт с гордостью холостяка, годами умудрявшегося поддерживать в жизни порядок и экономию. В отсутствии комментариев со стороны Анны Васильевны ему слышался звук фанфар. Так прошло четыре месяца, а потом в Митину жизнь вошла она.

Тем вечером на подступах к парку было непривычнолюдно. Пляшущие разноцветные буквы на транспаранте у входа сообщали об открытии фестиваля, посвящённого, как ни странно, лету. Услышав доносившиеся из глубины парка звуки музыки, Митя уже почти повернул назад, однако в последний момент сдержался. Отклоняться от заведённого порядка вещей, идя на поводу у собственных эмоций, было недостойно ставившего перед собой серьёзные цели. Решив воспринимать предстоящую прогулку как возможность узнать больше о досуге сограждан, Митя смело шагнул навстречу неизвестности. Обозрев с десятка аттракционов, обогнув змеившиеся возле палаток с напитками и сладостями очереди, наслушавшись шума, через полчаса он двинулся по направлению к выходу, когда внезапно услышал голос. Довольно приятный, по крайней мере, не вызывавший ассоциаций с визгом, тот распевал что-то о любви под жарким солнцем, но Митя не вслушивался в слова. Что-то в самом тембре голоса заставило его сменить курс и подойти к сцене. На деревянных подмостках несколько девушек в леопардовых платьях делали вид, что играли на музыкальных инструментах. На переднем плане солистка выписывала замысловатые фигуры микрофоном у лица, не забывая при этом двигать бёдрами в такт звукам из колонок. Бесконечно далёкий от современной поп-музыки, Митя был всё же знаком с понятием пения под фонограмму. Тем не менее, взгляд его, направленный на солистку, меньше всего напоминал взгляд готового начать порицать критика. Леопардовые красотки исполнили ещё несколько мало отличавшихся друг от друга номеров и, рассылая во все стороны воздушные поцелуи, упорхнули со сцены. Митя какое-то время постоял на месте, потом тряхнул головой и задумчиво двинулся в выбранном ранее направлении. Дома он так же задумчиво поужинал и лёг спать, даже не взяв с собой очередной сборник экзистенциальных откровений. Всю ночь он провёл в состоянии, хорошо знакомом пытающимся прийти в себя после нескольких дней употребления спиртосодержащих напитков. На стыке сна и яви ему являлись джунгли, амазонки, несшиеся между деревьев на спинах огромных леопардов, и прочие порождения глубин подсознания.

На следующий день Митя никак не мог сосредоточиться на работе. Кое-как справившись с пришедшими отчётами, он, вместо того чтобы приступить к ежевечернему моциону, зашёл в сеть и набрал в поисковике «Фестиваль лета». Уже через минуту его проинформировали о том, что леопардовый коллектив именовался «Клубнички». Не подумав даже поморщиться при виде названия, Коновалов продолжил изыскания. На официальном сайте «Клубничек» сообщалось, что солистку группы звали Виолетта Берри, и все желающие имели возможность посетить её страницу в популярной социальной сети. Снова забыв поморщиться, Митя, ничтоже сумняшеся, перешёл по ссылке. Выяснилось, что он не мог зайти в соцсеть, не будучи в ней зарегистрированным. За десять минут Коновалов, руководствуясь подсказками виртуального помощника, создал страницу пользователя Doctor Horse. Картинка на аватаре изображала несущуюся по полю лошадь с развевающейся гривой. Митя снова щёлкнул по ссылке и секунду спустя уже созерцал искомое.

Виолетта Берри, похоже, действительно была без ума от красных ягод. На большей части из сотен фотографий в её альбомах она была запечатлена с клубникой в том или ином виде. Митя увидел клубнику со сливками в клубе после выступления, клубничное варенье от заботливой бабушки и даже Клубникомена – типа в костюме гигантской ягоды с пачкой рекламных листовок в пятерне. Дрожащей на поверхности мышки рукой Митя прокрутил блок с личной информацией. Согласно ей, Виолетта Берри училась на третьем курсе в Институте культуры, считала себя певицей по призванию и на данный момент была готова рассматривать различного рода предложения, не состоя в официальных отношениях. Митя шумно выдохнул и немного расслабился. До поздней ночи, почти не слыша музыку, он смотрел выступления «Клубничек», висевшие на странице попеременно с сериалами и видео из фитнес-залов. Перед тем, как переместиться на диван, Коновалов навёл курсор на надпись «Добавить в друзья» и отчаянно прихлопнул левую кнопку мышки. Спал он ещё хуже, чем накануне, а проснувшись, немедленно бросился к ноутбуку. «Виолетта Берри добавила Вас в друзья», – прочитал он и почувствовал, как что-то дёрнулось у него внутри. Doctor Horse, 1986-й в списке друзей востребованной певицы, хлопнул в ладоши и сыграл торжествующую дробь по столешнице.

Несколько следующих суток Коновалов жил в раздвоившемся мире, с трудом заставляя себя заниматься документами матери. Виолетта вела весьма активную сетевую жизнь, и Митя регулярно получал отчёты об её отношениях с Вселенной, полной загадок и такой прекрасной. Периодически Митя вставал из-за стола и бродил по комнате, вспоминая, что читал у экзистенциалистов о столкновениях полов. Несколько раз он даже включал телевизор, о чём раньше не мог и помыслить. На экране, словно генерируемые самой судьбой, мелькали рекламные ролики и репортажи из жизни знаменитостей. Влюблённые в первых носили футболки с изображениями друг друга, звёзды делали татуировки с именами бой/гёрлфрендов. Курсируя от дивана к столу, Митя думал о людях и о том, как они сходились с другими людьми. Долго так продолжаться не могло, Митя хорошо понимал это, как хорошо заметил взгляд, брошенный Глашей на его осунувшееся лицо при их последней встрече. Озарение, уже второе с момента вынужденного переезда, пришло к Коновалову, когда он в очередной раз посмотрел на дату рождения Виолетты.

Этот легендарный сорт клубники выращивали только в одной точке земного шара. Она была олицетворением блаженства, респектабельности и успеха и продавалась в фирменных контейнерах, исключавших вероятность того, что ягоды раздавят при транспортировке. Прошерстив Сеть, Митя понял, что в их стране достать подобный контейнер не представлялось возможным. Прочитал он и о спецдоставке по всему миру, при которой заказчик волшебным образом получал товар всего сутки спустя оформления заказа. При этом стоимость доставки в три раза превышала цену килограммового контейнера. Коновалов бросил взгляд на полку с творениями экзистенциалистов, подумал, что выбора у него не было, и отправился считать давно подсчитанные накопления. До дня рождения Виолетты оставалось чуть меньше месяца. Митя, безусловно, мог преподнести ей подарок позже, но всё его естество поднимало бунт при одной этой мысли. Он не думал, что будет дальше, он даже не собирался встречаться со звездой из «Клубничек» лично. Для Мити мир покрылся густым туманом. Белёсая пелена плотно затянула будущее, оставив нетронутым только здесь и сейчас.

Сбережений Коновалова-младшего едва хватало на пресловутый контейнер. У него было немногим больше трёх недель, чтобы заработать деньги на доставку. Митя перебрал в уме свои личные вещи, повертел в руках телефон и часы, вспомнил о матери и с сожалением придушил идею. Он снова сел за ноутбук и на исходе третьего часа щёлканья мышкой нашёл то, что искал.

Если бы ещё неделю назад кто-то сказал Мите Коновалову, что он будет зарабатывать деньги, используя мускульную силу, он бы даже не улыбнулся. Теперь это стало для него единственной возможностью осуществить задуманное. Некой компании срочно требовались грузчики для ночной посменной работы. У компании горели какие-то сроки, поэтому оплату адептам физического труда обещали более чем достойную. Митя быстро подсчитал, что соберёт нужную сумму за двадцать два дня, и у него ещё останется несколько суток для оформления-получения заказа и прочих необходимых приготовлений. Четырёхчасовая смена, начинавшаяся в десять вечера, также отлично вписывалась в график Коновалова. Анна Васильевна знала, что к десяти её сын обычно отправлялся спать, поэтому вряд ли могла застать его врасплох звонком во время работы. Кандидату на роль грузчика предлагалось быть физически выносливым и, внезапно, пунктуальным и ответственным. Никогда не сталкивавшийся в жизни с чрезмерными физическими нагрузками, Митя, тем не менее, надеялся, что худо-бедно соответствовал первому пункту, благодаря правильному питанию и регулярным пешим прогулкам. По второму и третьему пунктам претензий не могло быть по определению. В доказательство этому Митя вместе с паспортом выложил на

офисный стол свой диплом с отличием. «И что вас привело к нам при таких-то достижениях?» – спросил менеджер по ту сторону стола, повертев в руках красного цвета прямоугольник и внимательно осмотрев Митю. «У меня сейчас нет выбора», – коротко ответил Коновалов.

Впиваясь пальцами в занозистые бока, Митя думал о том, как не вовремя дал сбой его холодильник. Бесконечные перемещения с ящиками, которые с равной вероятностью могли содержать как книги экзистенциалистов, так и инопланетные технологии, многократно повторяемый путь через длинный ангар до огромных фур у входа и назад однозначно стоили обещанных денег, хотя Митя и ожидал худшего. Тянувших бок о бок с ним трудовую лямку он даже не знал по имени. Времени и сил не оставалось и на минимальное общение, чему Коновалов был искренне рад. Домой он приходил, шатаясь, заставляя себя залезть под душ, затем кулём валился на диван и мгновенно засыпал. От прогулок, естественно, пришлось отказаться, однако на ежедневные отчёты и имитацию бодрого голоса при общении с матерью и такого же лица в присутствии Глаши энергии хватало. Её хватало до тех пор, пока однажды, выползая из ванной в половину третьего ночи, Митя не услышал, как сотрясаясь холодильник. Манипуляции с розеткой и вилкой ни к чему не привели. Обратившись к сети, Митя узнал, как сочетались слова «температурное реле» и «вентилятор». Немногим позже он понял, что синонимами их были «галера» и «цепь». Рыдая в душе кровавыми слезами при мысли о крутящихся киловаттах, Коновалов регулярно охлаждал несчастный агрегат, ликвидируя следы преступления незадолго до появления Глаши. Уходя, он обдувал холодильник не менее полутора часов подряд, давая страдальцу передышку перед могущим стать последним испытанием. Оставив вентилятор включённым на всё время своего отсутствия, Митя рисковал лишиться не только мечты, но и жилья. Возвращаясь домой, полумёртвый труженик возносил молитвы божествам бытовой техники, пока ключ плясал в одеревеневших пальцах, и был готов целовать пол в прихожей, услышав гудение на кухне. Вместо этого Митя бросился к вентилятору и с размаху нажимал кнопку. Переводя дух, мокрый от пота, он думал, что обязательно зачёркивал бы дни в настенном календаре, обладай он таковым.

В день, когда Коновалов получил последнюю часть необходимой суммы, температура на улице резко упала на восемь градусов. Переступив порог квартиры, Митя не услышал до боли знакомого гудения. Это могло означать, что холодильник наконец умер, но зелёная лампочка мирно горела, а решётка сзади была холодной. Сетевые метеорологи утверждали, что пик жары остался в прошлом. Митя погладил гладкий бок своей галеры и, минуя душ, отправился на диван. Там он проспал двенадцать часов кряду, из-за чего весь последующий день должен был сидеть за отчётами, не поднимая головы, даже пропустив обед. Оставшееся до Дня Икс время Коновалов посвящал работе и сну. Домашний адрес Виолетты он без особого труда выяснил ещё давно, пробежавшись по соцсети, убедившись в справедливости утверждения о прозрачности современного мира. Берри жила на пятом этаже высотного дома. Делая вид, что расклеивал объявления, код на замке входной двери Митя подсмотрел, когда внутрь заходила пожилая женщина. Поднявшись на пятый этаж, он недолго постоял на площадке перед заветной квартирой и спустился вниз.

Его заказ пришёл точно в срок, чем гордились и о чём писали на своём сайте ягодные кудесники из-за моря. В назначенный день Митя вышел из дома ранним утром. На улице было непривычно прохладно, лёгкий ветер шуршал по тротуару тем, что не попало в сети дворников. В руке Коновалов нес картонный пакет с контейнером внутри. На одном из боков контейнера была прорезь, в которую Митя поместил фирменную карточку. «С Днём Рождения. Лучшее лучшей. Doctor Horse», – гласила тщательно выведенная надпись. Митя шёл и вспоминал судороги холодильника, стон диванных пружин, мысленно сравнивал ощущения от прикосновения к ящикам и контейнеру. Он представлял, как звонит в дверь и быстро сбегает по ступенькам. Дверь открывается, и женщина в халате берёт с пола пакет. «Кто там?», – басит мужской голос из глубины квартиры. «Кажется, ещё один подарок для Леночки», – отвечает женщина, щёлкая замком. «Не лень кому-то в такую рань», – удивляется невидимый мужчина. «А что такого? В прошлом году ей вообще ровно в полночь курьер посылку принёс. И не ори ты так, пусть ребёнок поспит в свой праздник, намучается ещё за целый день поздравления от поклонников принимать», – женщина ставит пакет в прихожей возле вешалки и гасит свет. Митя сделал ещё несколько шагов, остановился, покачнулся и одним движением вытряхнул контейнер в урну. Сложив пакет и спрятав его в карман, он развернулся, прошёл метров двадцать и вдруг вспомнил о накрученных вентилятором киловаттах. Митя повернул голову и увидел склонившегося над урной мужчину в заляпанном грязью плаще неопределённого цвета. Коновалов что-то пробормотал себе под нос и больше уже не останавливался до самого дома.

АНАСТАСИЯ КРУШИНСКАЯ

АНГЕЛЫ И ЛЮДИ

рассказ

– Ведь что такое смерть? Она вызывает страх, отчаяние, боль, слёзы. Она рано или поздно настигает всех. К каждому приходит по-разному. Порой неожиданно. А иногда... её ждут каждую секунду, зная, что вот-вот она придёт. Это страшно... ты в ожидании.

– В ожидании чего? Того момента, когда не услышишь плач родных и любимых? Того, когда в глазах помутнеет, и ты последний раз на всех помотришь? Того, когда все мысли сплетутся в единое и упадут в бездну, в пропасть, откуда нет пути назад. И всё. Ты больше не будешь ощущать на ощупь, не сможешь прикоснуться к любимым, больше не будешь вдыхать ароматы весенних цветов, запах моря навсегда покинет тебя. Ты не будешь гулять с собакой, ездить верхом. Ты просто не будешь чувствовать прикосновений. Ты не сможешь почувствовать вкус любимого кофе с сыром. Не будешь ощущать телесную боль. Вот она, смерть?

– Да. Но это не всё. Ты знаешь, что будет потом?

– Нет. Но я узнаю. И уже совсем скоро.

– Ты почувствуешь это. Ты откроешь глаза. Снова. И ты увидишь его. Знай, это за тобой. За тобой пришли. Следуй за ним и не бойся. Вы пойдёте вместе, держась за руки. И уже не будет страшно. Но немного одиноко, что теперь ты без меня. Тебе надо раньше. Он объяснит, тот, с которым ты пойдёшь.

– Кто же он? Кто за мной придёт?

– Он и сейчас здесь. Но ты его не видишь. Те, кто ещё тут, не могут его видеть. Он уже тебя ждёт. Я знаю это.

Было уже далеко за полночь. За окном весна. Последняя весна в жизни. И всё цвело. Абрикос, тот который последний год был единственным чудом в жизни, своими ветвями изредка стучался в окно. Он был в белом цвету, а вечером казалось, что на нём лежит снег. Днём на ветках сидят птицы. И последний год изо дня в день их ждут. Эти птицы невзначай вызывают улыбку. Но эта улыбка была уже не совсем привычна. А кожа потеряла свой естественный румянец. Так же как и глаза не блестят счастливым и озорным огоньком. Глаза... Глядя в них становится многое понятно. На секунду остановившись на них, ты не сможешь больше оторвать свой взгляд. Ведь они настолько глубоки, что утонуть в них не составит никакого труда. словно водоворот, они затянут и больше не отпустят. Всё-таки глаза очень красивые, и таких больше нет ни у кого. Они сравнимы со звёздным небом, потому что смотреть на них можно вечно, выискивая, знакомые и открывая совершенно новые созвездия. Глядя в эти заколдованные болезнью, уставшие глаза становится жутко, страшно. Будто в дремучем лесу ты в ожидании, что на тебя сзади набросится волк. Животное, у которого такие же загадочные и серые глаза.

Они слушали тишину, к которой поневоле привыкли и которую где-то ненавидели. Их взгляды, разные, но связаны одной бедой, были устремлены в сторону окна. Где по-прежнему был абрикос. И он будто старый знакомый, махал им рукой. Как приветствовал. От этого его цвет немного осыпался и, словно снежинки, мягко и грациозно ниспадал наземь. Каждый думал о своём. А тишина убаюкивала. Но крики, доносившиеся из соседних палат, явно вызванные болью, не давали уснуть. Крики были разные. Одни короткие и громкие, и настолько жуткие, что тело осыпалось мелкой дрожью. Другие же длинные, протяжные и тихие. Но их связывало одно: и те, и другие были ужасно беспомощны. А потом, когда они утихали, уже навсегда, доносился плач. Сначала тихий, но быстро перераставший в рыдание, крики отчаянья и душевной боли. Однако спустя ещё четверть часа палату вновь наполняла тишина. Теперь они перевели взгляды друг на друга. Тихо заплакали.

В это мгновение раздался стук каблуков, явно шпилек, по коридору, который с каждой секундой становился всё громче. Медсестра, молодая женщина с тонкой ментоловой сигареткой, без стука зашла в палату. Огляделась. Убедившись в том, что всё нормально, как ей показалось, она покинула палату. Пошла дальше по длинному и узкому коридору. Ей было безразлично всё, а тем более судьба тяжелобольных людей, которые так же ждут когда за ними придут. За ними придут те, кто часто навдывают людей, пытаясь уберечь их от ошибок. Ведь люди часто делают в жизни ошибки, считая, что не ошибаться это не человечно. Люди не меняются веками, оставаясь всё теми же, любящими развлечения и деньги. Они ненавидят друг друга, видя в лице себе подобного лишь соперника, которого надо задавить, уничтожить, и как можно скорей. Ибо он сделает тоже самое первым... Поэтому Ангелы всегда с нами, всегда рядом. Только люди перестали в них верить. А те, кто их увидел, уже не смогут поведать другим об этом...

– Ведь ты веришь в них, да?

– Я знаю, что они есть. Хотя меня бы никто не послушал. Но я не убеждаю в этом никого, да и не пытаюсь. Согласись, зачем же. Ведь это совершенно бессмысленное занятие. Да и мир от этого лучше не станет. Люди начнут только ещё больше волноваться, подымут скандал, потому что услышат то, что противоречит их правилам, взглядам на жизнь, их идеалам. Возможно, меньшинство и не согласны с этим, но по неволе вынуждены подчиняться лидерам, людям с более сильным характером. А если они будут сопротивляться, то их попросту морально задавят или выгонят из общества. А тогда они, согласись, будут считаться изгоями. А кто этого хочет? Поэтому все и дорожат своим местом в обществе. А в лидеры и вожаки пробиваются только те, кому было суждено им стать. Таковы законы. А ведь законам должны подчиняться все.

– В таком мире, где всё строится на законах и власти, жить тяжело, да и нет желания. Я до последней секунды буду верить, что когда-то наступит царство истины и не будет нужна никакая власть.

– А с другой стороны ты задумайся, что будет, если власть исчезнет. Настанет хаос. А дальше всё пойдёт само собой. Начнутся войны, страшные и мрачные. Все навек забудут, что такое радость и счастье, несмотря на то, что понимание счастья у каждого своё.

И снова тишина, как стена, оказалась между ними. И возможно хочется подобрать слова, но веки тяжелеют, и как-то клонит ко сну. Но всё-таки что-то пронзило, как стрела. Покоя не дал вопрос, о котором вспомнилось так неожиданно и где-то резко.

– Но как же ты можешь с точностью знать, что они есть?

Пауза прервала их разговор. Надеюсь, что он восстановится быстро, два характера, две личности смотрели друг на друга.

– Почему же не ответишь? Ты же знаешь меня с самого детства. Мне ты можешь сказать всё. Почему молчишь? Скажи мне! Я хочу знать это! Ну не молчи же!

Но как-то странно закололо сердце. Оно так ещё не болело. Чувствовалось, будто оно сжалось в комочек и отказывалось сокращаться. Беспомощно посмотрев вокруг, чувствуешь, что время будто остановилось. Мгновенная боль, как кинжал, вонзилась, и так глубоко пронзила тело. Теперь оно еле дышало, а последние вдохи были очень глубоки. Воздуха не хватало, будто толща воды в бесконечном океане давила на грудь. И поэтому лёгкие с трудом могли насытиться кислородом. Ещё какое-то мгновение тело настолько было напряжено, что пробивал кашель. Цветные круги пошли перед глазами. Только теперь стало легче и чувствуется, что становишься как перышко, таким же лёгким и невесомым. Всё-таки удивительная она – смерть... И странно понимать, что сейчас ты закроешь глаза и уже навечно. Навсегда... Улыбка последний раз украсила бледное, усталое и истощённое от болезни лицо. Улыбка впервые за год такая искренняя и настоящая, теплая и нежная. А глаза... Эти неповторимые, дивные глаза дрожали. Как дрожат глаза от волнения или неожиданности, от радостной новости или невероятной злости. Никто уже не поможет и не остановит естественный и природный процесс – смерть. Но в то же время она настолько необычна и окутана множеством тайн. С ней связаны необъяснимые факты и загадочные явления. Смерть чувственна, страстна и, как любовь, мучительна. Она настоящая хищница и истинная охотница. Всегда одна. В гордом одиночестве путешествует по миру. Она жестока и хладнокровна. Она, как истинная женщина, неординарна, непостоянна и непредсказуема. Смерть очаровательна и туманна. И, как мираж, манящая. Иногда она ожидаемая и желанная гостья, чаще же злая колдунья, несущая на себе проклятье.

– Так вот как это...

– Да, да, вот как это.

– Я вижу его. Я теперь его вижу...

– Теперь будет хорошо. Наконец-то ты будешь жить в идеальном и светлом мире. И приобретёшь покой, которого тебе так не хватало.

И, правда, напротив стоял он. Тот, кого ждали, о ком часто думали и нередко говорили. Высокий молодой мужчина в чёрном, как ночь, плаще, мягкой и тёплой улыбкой приветствовал. И вот они встретились. Теперь, стоят рядом, и создаётся впечатление, что они неразлучны и уже много путешествуют вместе.

– Кто ты?

Странно, но, даже зная наперед ответ, так захотелось спросить. Ведь интерес, испытываемый к нему, был непреодолим и ни с чем несравним.

– Я кто год ждал тебя. И при жизни ни на минуту не покидал. Пожалуй, это самый верный ответ.

– Почему у тебя нет крыльев?

– А зачем крылья, если не чувствуешь, как ветер при полёте тебя обдувает?

– Ты прав. Ты не когда не ошибаешься. Потому что Ангел.

Они, держась за руки, шли по длинному, узкому и ослепительно-белому коридору. Правда, было немного одиноко, что теперь без искреннего и верного своего собеседника и надежного друга, каких трудно ныне отыскать не земле. Ведь друга, такого, чтоб настоящего, найти или же встретить на своём жизненном пути трудно, а потерять легко. И они не забудут друг друга никогда. Но когда-то вновь встретятся, и уже расставание не будет их пугать. И они, безусловно, смогут продолжить свои размышления на вечную тему – жизнь. Но пока их разлучила смерть. Когда-то же она их сведёт.

– Скажи, куда же мы идём?

– Домой.

И яркий белый свет поглотил человека, который теперь свободен от болезни и тоски, и с ним Ангела, вечного его спутника.

ЗВОНОК

рассказ

Раздался телефонный звонок. Его трель пронзила тишину в квартире и оживила её. Пыль на мебели, пыль, повисшая в воздухе, пыль, плавающая в крохотном луче света – всё зазвучало, ожило, заиграло. Этот звук стал привычным за полгода моего затворничества. Каждый день начинался с того, что кто-то звонил, я слышала обеспокоенные голоса в трубке, и завершался день тем же. Но именно этот звонок непонятно почему заставил меня скорее встать с кровати и поднять трубку, какая-то сила побудила немедля ответить. Хотя прежде всё было иначе: с каждым днём всё меньше и меньше хотелось отвечать на звонки. Казалось, что они одинаковы, голоса одинаковы, слова одинаковы, мои ответы одинаковы. Утешение – бессмысленное клише, груз, который вдавливал меня в почву изо дня в день. Выслушивать это становилось невыносимо и вместо требуемого эффекта становилось хуже, становилось ещё тяжелее и больнее. И вот меня будто что-то вытолкнуло из кровати и потянуло в сторону телефона, я впервые за полгода искренне захотела ответить на звонок, звучащий, тем не менее, как тысячи предыдущих. Но он был особенный.

Моё привычное «алло» прозвучало иначе, в нём были нотки надежды. Надежды услышать кого-то, кого так хотелось услышать. Моё «алло» прозвучало вопросительно, а не безразлично. Мне хотелось услышать голос, который уже невозможно было услышать. Но я услышала его на другом конце провода. Это был голос моей мамы, которая умерла полгода назад. Она произнесла моё имя ласково, как делала это при жизни. И я замолчала и, казалось, что молчала вечность. Я провалилась в вечность, в её черную пасть и мне стало страшно. Когда шок уступил место страху, а тот в свою очередь уступил место здравому рассудку, я решила, что это шутка или акт милосердия родных или друзей. Десятки мыслей сменяли друг друга, пока в трубке висела тишина. Но как они могли записать голос мамы? Как они додумались до такого? Как воплотили в реальность? Я ничего не понимала, знала только одно – я услышала голос моей покойной мамы.

С тех пор как меня покинула мама, я стала другой. Неразговорчивой, тихой, задумчивой, напуганной. Я стала такой, когда истерика ушла, а осталась лишь тупая боль, которая застряла комом в горле. И её не проглотить, не выплюнуть. Говорят, что время лечит. Но меня оно особо не вылечило. Я спряталась в своей квартире, закрыла все окна, поселив у себя вечную и беспросветную ночь. Почти никуда не выходила. Я просыпалась и читала до вечера. Книги стали моим внешним миром, моим бинтом, моим спасительным кругом. А порой даже читать не хотелось и вообще абсолютно ничего делать не хотелось. Я подолгу спала. С нетерпением ждала того времени, когда можно будет забыться во сне. Когда я спросила себя, кому я нужна и что меня держит в этом мире, то мой внутренний голос предательски промолчал.

– Привет. Это я, – снова раздался тихий мамин голос. – Ты слышишь меня?

– Кто это? – недоверчиво и с надрывом спросила я.

– Это я, солнышко, успокойся. Я звоню тебе, чтобы сказать, что сожалею обо всем, что сделала. Я так часто была несправедлива и эгоистична по отношению к тебе.

– Мама, где ты? Что с тобой? – слова вырвались сами по себе, автоматически.

– У меня есть минута. Она даётся один раз в год. И всего три раза, три звонка. Одна минута на то, чтобы услышать голос самого родного и любимого человека. Я позвонила тебе. Прошу, не трать время. Я знаю, что тебе сейчас очень плохо, но я не хочу, чтобы и дальше так продолжалось. Этим ты делаешь хуже, прежде всего себе, а потом мне. Я в Раю, но мне не спокойно, также, как и тебе. Нам обоим нужно снова обрести покой. Только мне здесь, а тебе в мире живых.

Я не выдержала и начала плакать, до сих пор не веря в происходящее. Может, я уже сошла с ума? Я не могла и слова выдать, только плакала и слушала, что говорит мама.

– Минута скоро закончится. Здесь всё строго контролируют. Послушай дорогая, не плачь больше обо мне. Я хочу, чтобы ты снова открылась жизни, ведь она так коротка. Мне столько хочется тебе сказать, попросить прощение за непонимание, но время... Его всегда не хватает...

И тут разговор оборвался, и в трубке раздались короткие гудки.

На следующий день первым делом я пошла в городское отделение связи, чтобы выяснить номер, с которого мне звонили. Когда я сказала время звонка и свой номер, мне ответили, что это ошибка. В такое время и на этот номер никто не звонил. Все звонки регистрируются, но на данный номер вчера не поступал звонок в такое время. Меня спросили, не путаю ли я что-то. Я настаивала на том, чтобы это проверили ещё раз, внимательней. Но на меня уже посмотрели, как на сумасшедшую, и с поддельно спокойным тоном повторили, что никто в это время не звонил и попросили покинуть помещение, чтобы не задерживать работников.

Я вышла на улицу и решила, что это был или сон, который я перепутала с реальностью от нехватки свежего воздуха, или начало психоза. Впервые за полгода я весь день гуляла, а точнее, бессмысленно бродила по городу.

Я задумалась над тем, что ведь, по сути, всегда знала и принимала тот факт, что однажды мамы не станет. Это неизбежно. Каждый это понимает, и возможно готовит себя морально к тому, что придёт время, когда надо будет навсегда попрощаться с близким человеком. Но почему-то всегда, когда смерть отнимает у нас любимых, мы будто умираем вместе с ними, только продолжаем жить. Это приносит ужасную боль, которую невозможно описать. Наверное, потому что у каждого она своя.

Я задумалась над тем, почему человек не бессмертен и люди должны умирать. Почему мы ограничены временем? И дело тут не только в банальном перенаселении земли, дело ещё в другом. Мне вспомнилась фраза, которую в конце сказала мама: время... его всегда не хватает. Сколько бы человеку не дано было времени, его всё равно будет мало. Поэтому оно ограничено. Но многие это игнорируют, живя так, будто у них есть в запасе вечность. Может, поэтому люди так плачут, когда умирает любимый или близкий человек? Нам кажется, что мы всегда успеем с ним увидеться, всегда успеем сказать что-то важное. Но зачастую не успеваем... Какое же противоречивое создание человек: знает, что не бессмертен ни он, ни его родные и любимые, а тем не менее, тратит время на ссоры, тянущиеся годами, непонимание, гордыню.

Прошёл год. В мою квартиру теперь снова заглядывает дневной свет. Больше я не плакала. Только грусть и тоска часто бывали моими гостями. Нахальными такими и настойчивыми, что и не прогонишь. Я была одинока. Так было и при маме, я никогда не могла похвастаться наличием друзей или любимым мужчиной рядом. Все люди, с которыми меня сводила судьба, появлялись в моей жизни ненадолго, а потом исчезали бесследно. Люди приходили и уходили, задерживаясь лишь на какой-то промежуток времени. Долгое время мне от этого делалось больно, потому, что я всегда считала, что так быть не должно. В моей жизни все были лишь гостями. Но в любом случае неизменным оставалось только одно – мама. Кто бы ни появлялся в моей жизни, кто бы ни уходил, мама всегда оставалась со мной. И от этого было уже не так одиноко. Мама звонила, мы виделись, ходили по магазинам, готовили в месте, смеялись, смотрели передачи, обсуждали прочитанные книги. Я знала наверняка, что в отличие от других людей мама будет со мной завтра. Когда она умерла, и я после прощания зашла в её комнату, то сидела и ждала её там сутки. В комнате всё осталось таким, каким было при ней. Я сохранила всё: одежду, книги, разные мелочи. Это были не просто её вещи, в них осталась частичка её тепла, её души. С каждым днём я всё отчетливей понимала, что мамы больше нет со мной, а значит, моя душа обвенчалась с одиночеством. Я осталась по-настоящему одна.

Весь этот год не было и дня, чтобы я не вспоминала о звонке с того света. И каждый день я терпеливо ждала нового. Однажды, возвращаясь домой после работы, я подумала какая же это удивительная возможность – созваниваться с родными, которых уже нет с нами. Мы больше никогда их не увидим, не прикоснёмся к ним, не обнимем, только лишь сможем раз в году на минуту услышать голос.

Одним снежным декабрьским вечером в моей квартире раздался телефонный звонок. Я подняла трубку и услышала:

– Привет, моя родная. Я очень соскучилась. Расскажи мне, как ты.

И я, зная, что отсчёт времени начался, не теряя ни секунды, ответила:

– Мама, мне без тебя очень тоскливо и пусто. Я каждый день тебя вспоминаю и сожалею о том, что не могу тебя обнять. Я до сих пор помню, как ты пахнешь, какой мягкой и нежной была твоя кожа. Если бы ты знала, как часто я вспоминаю детство и всё, что ты делала для меня. Когда жизнь ставит меня перед выбором, я мысленно советуюсь с тобой и думаю, как бы ты мне посоветовала сделать. Когда я огорчена, когда мне больно и я в слезах прижимаюсь к подушке, я представляю, что обнимаю тебя, а ты меня успокаиваешь. Когда чувствую, что совсем пала духом и расклевываюсь, то ставлю в пример твоё мужество и стойкость и пытаюсь быть похожей на тебя. Ведь у такой сильной женщины как ты никак не может быть дочь тряпка. Мама, знаешь, я всю жизнь хотела, чтобы ты гордилась мной, но, по-моему, я больше тебя разочаровывала. Прости меня за это. Как часто дети оказываются перед выбором: идти своей дорогой и быть абсолютно счастливым, сделать свой выбор в противовес родительскому, и тем самым их огорчать до конца дней, или же оправдать все надежды родителей, но самому быть несчастливym от того, что живёшь не своей жизнью, от того, что выбрал не то, что хотел. Так же вышло и у меня, ведь у нас с тобой всегда расходились мнения о том, как должна сложиться моя жизнь. И от этого мне всегда было тяжело и больно. Я никогда не хотела тебя разочаровывать, но и не хотела быть той, кем ты меня видела, не хотела жить не свою жизнь. В итоге я никем не стала и ничего в жизни не добилась. Меня это гложет, ведь если бы твоё одобрение, понимание и твоя поддержка выбранного мной пути, я бы смогла добиться многого и чувствовала себя счастливой. Я часто ассоциировала твоё неодобрение с огромными ножницами, которые обрезают крылья у меня за спиной. Я не виню тебя, ведь ты имеешь право на своё представление о том, как лучше, и ты хотела лучшей судьбы для меня. Но в итоге все мои таланты зарыты, и я чувствую себя посредственностью.

И тут я расплакалась, хотя хотела сказать ещё многое, хотела высказать всё, что накопилось не только за последний год, но и за всю жизнь, что не успела сказать маме. Может, потому что все мы боимся откровенных разговоров и часто от них уходим, уповая на то, что шанс ещё выпадет, и тогда мы точно не упустим его. А пока не время, или настроение не подходящее, или погода плохая...

Всё, что мне сказала мама тогда, было:

– Доченька, я всегда гордилась тобой, ты для меня всегда была лучшей.

Было впечатление, что она хотела ещё что-то добавить, но наш разговор оборвался. Я повесила трубку и долго ещё сидела неподвижно, уйдя в собственные мысли. Правильно ли я поступила, что всё это рассказала? При её жизни мне никогда не удавалось с ней так поговорить, а попытки ни к чему хорошему не приводили. Мама слишком много сил и внимания уделяла материальному благополучию и совсем не интересовалась моим душевным состоянием. Бывало, что я могла весь день проплакать, а в разговоре с ней и виду не подать, что мне плохо. Потому что боялась быть непонятой. Я никогда ни в чём не нуждалась, но моральная сторона моей сущности часто оставалась забытой. Я не виню маму, скорее, всему виной бедность. Я давно заключила, что в обеспеченных семьях, где нет необходимости каждый день бороться за существование, родители имеют больше времени и сил на то, чтобы поинтересоваться душевным состоянием своих детей, а не только накормить их и одеть.

Я снова ждала звонка. Год прошёл незаметно, так как было много работы и на себя почти не оставалось времени. Вот она взрослая жизнь. Как я сожалею, что всегда спешила поскорее стать взрослой и из-за этого не смогла вдоволь насладиться беззаботным детством, когда самой большой неприятностью была двойка в школьном дневнике.

Я знала, что следующий звонок будет последним. Последняя минута, и я уже даже не смогу услышать мамин голос. И вот телефон снова зазвонил.

– Доченька, я последний раз звоню тебе. У меня так много мыслей... Но всё не важно. Важно только одно: я хочу попросить прощение. Если бы я могла вернуть время назад и всё исправить... иногда нам всем так этого хочется, но жизнь одна и переписать её нельзя. Что сделано, то сделано. Я сожалею, что часто не понимала твоей точки зрения, не понимала, что ты это личность, индивидуальность и у тебя

есть своё мнение, а значит и должна быть своя жизнь. Ты умная девочка и смогла бы правильно распорядиться своей жизнью. Самое главное, чтобы ты была счастлива, прости, что раньше не понимала этого. Моя любимая, я хочу, чтобы ты наконец воплотила в реальность все свои мечты, чтобы освободилась от гнетущих мыслей и занялась тем, что любишь ты и чему хочешь посвятить свою жизнь. Ведь в любом случае я горжусь, и всегда буду гордиться тобой. И всегда буду любить тебя.

Я улыбалась. Мама этого не видела, но я знала, что она это чувствует.

– Мамочка, расскажи как там у вас всё?

– Здесь хорошо. И с тех пор как ты перестала страдать и мучиться из-за моей физической смерти, тут стало ещё лучше. Я удивилась, что попала сюда, ведь ожидала очутиться совсем в другом месте, так много ошибок я совершила при жизни. Но Господь милосерден, хоть его даже тут никто не видел. Он ещё выше.

Мама всё рассказывала, как ей живётся в Раю, а я увлеченно слушала, как вдруг вспомнила, что минута уже давно прошла.

– Мама, мы разговариваем уже полчаса. Как же так?

– Я же говорила, что Господь милосерден. Нам так много хочется друг другу рассказать напоследок, и, видимо, Он решил подарить нам эту возможность.

Потом я рассказала маме о своей жизни, чем занималась три года и чем теперь хочу заняться, когда получила её полное одобрение.

– Спасибо тебе за всё, мама. Всю мою благодарность тебе сложно выразить словами, слова только всё портят. У меня сейчас сердце забилось по-другому. Наверное, оно впервые за несколько лет по-настоящему захотело открыться жизни. Мне теперь так много хочется сделать, зная, что ты меня поддерживаешь. Знаешь, ты ведь очень далеко от меня, но у меня такое чувство, что ты стала гораздо ближе, чем когда была жива. Только скажи мне правду... Скажи честно, где ты? Ведь разговоры с Раем – это невозможно. Где же ты?

– Я здесь, моя дорогая. Рядом с тобой. Я всегда буду рядом с тобой, как и обещала. Я в твоём сердце.

НА ПУТИ К СЕБЕ

рассказ

Рабочий день у нас заканчивался поздно. Когда все офисы в близлежащих районах были закрыты и свет в кабинетах погашен, в нашем офисе неустанно кипела работа. Одним освещал лицо тусклым лучом света монитор компьютера, другие суетливо ходили со стопками бумаг в руках, а бухгалтеры с сумрачным видом спорбили над деловыми бумагами, что-то постоянно шепотом наговаривая себе под нос. Тишина здесь отнюдь не царил: постоянно раздавались телефонные звонки, и звучал тонкий голосок молодой секретарши, которая недавно устроилась к нам на работу. Среди всего этого офисного шума самым примечательным звуком был стук клавиш компьютера, ибо они стояли на каждом столе и каждому работающему человеку были необходимы сродни воздуху.

Я приходила на работу ежедневно, как это и полагалось мне по должности. Каждый раз раньше всех, ибо мои дела отличались от дел всех остальных работающих здесь людей. У меня была своя форма, которая и выдавала то, какую должность я занимаю. Все знали, что со мной в этих стенах лучше не иметь проблем. Да, я уверена, что меня уважали. А разве уборщицы не достойны уважения? Конечно, вы сейчас улыбаетесь, но мне в то время было не до улыбок. Самостоятельная жизнь привела к тому, что я не могла заплатить за квартиру, в которой проживала одна. Всё было настолько плохо, что хуже я могла бы пожелать только своим врагам, но, видно, они это сделали раньше. Каждый мой новый день был похож на предыдущий. Это напоминало долгоиграющую пластинку на старинном граммофоне с однообразной мелодией. И создавалось ощущение, что сно же минуту, этот граммофон развалится от обрушившихся на него лет.

Мой день проходил строго по плану: рано утром будил громогласный будильник, потом подъём, который стоил мне нечеловеческих усилий, завтрак и вот я мчусь на работу. Уходила уже, когда на улице становилось темно, и лишь кое-где мог пройти в одиночестве человек не очень приветливого вида. Тяжело вздохнув, я спускалась в подземный переход, который освещали несколько ржавых светильников. Они шатались из стороны в сторону, что напоминало кадры из какого-то старого фильма ужасов. И выложенные кирпичной кладкой стены были залиты тускло-зелёным светом, что создавало весьма мрачную обстановку. Несмотря на то, что здесь было чисто, я не любила это место. Мне казалось, здесь всегда веяло сыростью и пахло плесенью. Периодически, выходя из подземного перехода, меня посещала мысль:

почему тут никогда не бывает ни подростков-музыкантов, ни продавцов всяких не нужных товаров, ни талантливых мальчиков-скрипачей так искусно давящих на жалость? Но никакая мысль не задерживается в моей голове дольше, чем на час, а уж с этой я распрощалась намного скорее. Всего через каких-то полчаса я уже выключала у себя в комнате свет и засыпала. И так повторялось ежедневно.

Но были вещи, которые приносили мне особое удовольствие и радость. Я любила по дороге на работу, едя в общественном транспорте, думать и представлять, какие люди сидели на моём месте до меня. О чём они думали, вот так же смотря в окно, как и я. А когда шла по парку, то улавливала запах проходящих мимо людей, которые казались мне с виду интересными персонами. Я ещё в раннем детстве поняла, что запах отображает индивидуальность человека и может намекнуть о его характере, таким образом, либо предостерегая, либо наоборот располагая к себе. А на выходных во время прогулки я обязательно посещала книжный магазин. Пожалуй, содержание книг интересовало меня меньше, чем запах их свеженапечатанных и кое-где склеенных страниц. Ещё мне всегда нравилось то чувство, когда не хочешь, чтобы любимая песня или музыка заканчивалась, и когда мелодия завершается, ты выжимаешь всё удовольствие из каждой нотки.

Однажды, поздним осенним вечером, когда я заканчивала работу, мне пришлось задержаться. Часто бывает такое чувство, после которого сразу следует фраза: «Как же вы меня напугали!». Закрыв на ключ дверь офиса, я обернулась, и это чувство настигло меня. Я от неожиданности испугалась настолько, что, по-моему, сердце на мгновение застыло. В освещённом коридоре передо мной стоял молодой мужчина. Мои испуганные глаза быстро оценили его: среднего роста, светловолосый с небольшой щетинкой на лице, кареглазый. На нём был деловой костюм бежевого цвета и красный галстук, очень аккуратно заправленный в жилет под расстёгнутым пиджаком. Обут он был в туфли чёрного цвета, настолько начищенные, что думалось, будто он их только приобрёл или же был чересчур аккуратен. Руки спрятаны в карманы брюк, что выдавало его неподдельное спокойствие. А выражение лица уж совсем завело меня в тупик. Приподняв левую бровь и слегка сжав губы, он смотрел, как мне тогда показалось, презрительным взглядом. Весь его вид казался мне причудливым, не смотря на опрятность, поэтому это сочетание вызвало у меня ассоциацию с несостоявшимся гангстером.

Какое-то время мы простояли друг перед другом в полной тишине. Он смотрел на меня так, будто знал всю жизнь. Моё полное недоумение никто не мог понять кроме меня самой. Неожиданно с его уст сорвалась фраза вопросительного характера:

– Скажи, ты счастлива?

Можно долго описывать степень моего удивления и растерянности, но если вы просто представите себя на моём месте, то всё сразу поймёте. Я не знала, как себя вести и не имела ни малейшего представления о том, кто этот человек и что он от меня хочет. Поэтому я решила ответить утвердительно на его вопрос, дабы не ввязываться с этим загадочным незнакомцем в диалог. На что последовала многозначительная улыбка, и он неспешно покинул помещение. И теперь у меня однозначно не было желания идти одной домой, и я решила вызвать такси. Хватает подобных причудливых людей, но он произвёл на меня особое впечатление. Из головы не выходили мысли о нём и о вопросе, который он задал.

За окном тихо шептал дождь. Давно его не было. Как хорошо, что он снова вернулся и вновь застучал в мои окна. Сначала медленно, а потом капелек будто становилось больше и они всё быстрее звучали на стеклах. Я стояла в тёмной комнате, и смотрела на улицу, где одиноко горели старые фонари. Я любила дождь, потому что с ним уходили все мои тревоги и я так же, как и природа, будто просыпалась после длительного анабиоза. Мне казалось, что дождь создаёт свою музыку: очень тонкую, хрупкую и мелодичную. В ней множество оттенков и отголосков из прошлого. Надо только уметь слушать и не думать ни о чём другом. Я любила после дождя хоть на пару минут выйти на улицу. Хорошо помню тот запах, который тогда вдохнула. В тот момент я впервые за долгое время почувствовала небывалую лёгкость. На улице пахло осенью: запах мокрых опавших листьев, запах мокрого асфальта и тишина, бродившая по дорогам. Меня нежно касался свежий и прохладный ветерок, ласково играя с волосами, и тут же покидал, уходя в далёкую неизвестность, а вместе с ним и невыносимое чувство грусти и тоски. Во мне просыпалось желание жить и идти дальше, продолжать свой путь.

Самое приятное в рабочем дне – это его конец. Моя работа не требовала особого вдохновения, но почему-то оно приходило именно тогда, когда я заканчивала уборку, и пора было собираться домой. Тихий хлопок двери, поворот ключа и сладостный момент понимания, что ещё один день в аду за спиной.

– Я вчера так и не услышал ответ на свой вопрос.

Гармоничная череда моих мыслей нарушена, я поворачиваюсь и вижу его. Снова этот странный мужчина в коридоре. Я попыталась проскользнуть мимо него и уйти. Но он спокойно сказал мне вслед:

– Невозможно убежать от себя.

Через пару минут мы уже сидели в кабинете друг напротив друга, застывшие в молчании. За это время я подумала о том, как устала строить воздушные замки из своих истинных желаний, которые тают при порыве сухого ветра бытия, как страшно тратить жизнь на то, что не любишь, на то, чему не хочешь посвящать время и себя. Моя работа не приносит мне достаточно дохода и мне постоянно приходится в чём-то себе отказывать. Но гораздо хуже то, что я не люблю свою работу. Ведь как можно любить то, что тебя убивает изо дня в день? Чувствую себя погребённой заживо, и только в своих мечтах я воскресаю снова и снова. Иногда я так устаю от этого, что уже с трудом нахожу в себе силы и желание бороться дальше. Бороться за своё место в этом мире, бороться за своё счастье, которое развернулось ко мне спиной, бороться за желание быть значимой. Я всегда понимала, что это всё надо отстаивать, но силы изменяли мне. Теперь мне всё чаще кажется, что жизнь проходит мимо меня, в прямом смысле. Я буквально вижу себя, как я стою и смотрю вслед проходящей мимо меня интересной и полной событиями жизни. В этот момент чувствую себя случайным прохожим, незначимой декорацией на пути у красивого и излучающего внутренний свет человека. Возникает желание подойти, чтобы познакомиться, но страх мгновенно из грудной клетки падает гирей в ноги и отнимает дар речи. Жизнь проходит, а ты стоишь в растерянности и не можешь пошевелиться, как неудачник, которому так и не удалось познакомиться с понравившимся человеком. Я долго шла по безумно крутым и туманным дорогам жизни. Неоднократные повороты и горячо раскалённая человеческая злость так часто заставляли менять направление на моём пути! Протаптывая себе свою собственную тропу сквозь густую и высоко растущую траву, я постоянно оборачивалась назад, словно боялась сделать очередной шаг вперёд. Эта зелёная стена травы и была моим сознанием. Она всегда являлась препятствием, и бороться с ней так же тяжело, как и с любимым сорняком. Но она, эта невысказанная, постоянно бьющая по лицу трава помогала мне выжить. Моё сознание, которое говорит так громко, что порой хочешь, что бы оно замолчало, не давало мне покоя. Поэтому я его сразу невзлюбила и с опаской и недоверием к нему относилась. Было не постижимой истиной, почему у некоторых сознание может молчать. Оно, как трусливая дворняга во время зимы, забилось куда-то в угол и боится не то что бы показаться, а даже высунуть замёрзший нос! Это явно облегчало обыденность человека, ведь он без лишнего и навязчивого голоса внутри себя, позволял самому себе жить, так как хочет тело, а не так как того требует душа, благо упрятавшись очень глубоко. Порой я искренне завидую таким людям, но я не способна понять, как же у них так получается.

Иногда неожиданный сюрприз, преподнесённый в дар самой королевой Судьбой, трогал моё сердце, а иногда колот острой иглой неожиданности. Но каким бы ни был подарок, у меня не было другого выхода, как достойно принять его. Благодаря этим подаркам, так часто даруемых мне Судьбой, я смогла хорошо изучить людей, смогла понять, что это за существа, чем они живут, чем дышат, что их окружает и что они любят. Полностью окунувшись в бурную волну жизни людей, я стала неотъемлемой её частью. Я как отшельник иду по тернистой дороге жизни, я среди всех, но я одна.

Таинственный мужчина с красным галстуком обратился ко мне:

– Яма, в которую ты падёшь, не имеет конца. Это огромная, страшная яма, именуемая действительностью, и ты, такая же, как миллион других, её очередная случайная жертва. Но пока у тебя есть мечты, ты можешь выбраться. И пусть они временно неосуществимы, но они, как маяк, помогут тебе однажды достичь желанных берегов.

На этом наш разговор закончился. Неожиданно я окунулась во тьму, в это мгновение меня что-то толкнуло, потом ещё раз и я услышала голоса:

– Бедняга так устала, что опять заснула на работе.

Яркий дневной свет резал глаза. Я медленно открыла веки и выпрямилась на офисном стуле. Оценив обстановку ещё сонным разумом, я поняла, что не помню, как заснула в одном из кабинетов прямо за рабочим столом.

После работы я зашла в тихую и пустую квартиру и вскоре забылась во сне. Снова подземка. Снова внутри меня всё ждалось, и шаг автоматически ускорился почти до бега. Холодные стены, скользкий пол, чистота и... человек! Прижавшись к стене, на полу сидел человек! Я резко остановилась и чуть не поскользнулась. Я стала в нескольких шагах от него. Это был мужчина и, как я отчётливо помню, далеко не молодой. На нём были старые и почерневшие лохмотья, в которые он укутался. Он обратил свой взгляд на меня. Я почувствовала, что моё сердце колотится, как у напуганного крольчонка. Старик в лохмотьях смотрел на меня, а потом вдруг улыбнулся. Так искренне, но с каплей загадки на устах. А я, опустив глаза, увидела, что рядом с ним на полу стояла двухлитровая банка. Но то, что я увидела дальше, напоминало

кадры из гауповатых детских снов. Банка была полностью набита деньгами крупной купюры. Стодолларовые бумажки были так плотно втиснуты в банку, что невольно думалось, будто она сейчас с треском расколется. Кто этот старик со стеклянной банкой? Мысли летели, обгоняя друг друга, и я не нашла более подходящего решения, чем бежать и как можно быстрее. Может, это сон, но сны не могут быть такими реалистичными. Значит, старик сошёл с ума, но не я!

Проснулась я рано, хотя была возможность растянуть удовольствие. За окном был отличный осенний день, а главное, выходной день. В квартире у меня, как всегда, тихо, слышно только разные бытовые звуки, создаваемые одной мной изо дня в день: шум воды в душе, потом скрип дверцы холодильника, постукивание ложки об тарелку, периодическое шорканье об затёртый паркет, застёгивание молнии на куртки и, наконец, захлопнулась дверь. Не хотелось провести этот день, сидя в пустой квартире. Всё располагало к неспешной прогулке по мостовой. Я шла по улице. Она была по-осеннему пустынна. Обыденность жадно поглощала мои мысли. Но неожиданно для себя я заметила, какие серые и мрачные дома по обе стороны от меня, как красиво и грациозно извивается от ветра трава, словно поглощённая болью. Она похожа на языки пламени и этим она заставляла любоваться собой. Это были её последние дни, скоро она совсем высохнет, что неминуемо для каждого живого существа. Но потом вновь возродится, как возрождается из пепла птица феникс, и наполнится соками жизни, что также свойственно всему живому. А последние, так безуспешно цепляющиеся за жизнь, осенние листья, уже мягкой, огненно-жёлтой подстилкой покрывают землю. Тем самым, обнажая деревья, что делает их похожими на мрачные изваяния, которые веками одиноко стоят и что-то ждут. Они изо дня в день встречают кровавые рассветы, купаясь в алых лучах солнца, и печально провожают огненный шар за горизонт, куда не может упасть взор. И там светило догорает словно свеча, забирая в себя энергию, и вовсе исчезает. А потом сумерки затягивают тёмным полотном всё вокруг, укрывая землю дымной пеленой ночи, рассеивая в бесконечно глубоком небе капельки росы, что с наступлением света упадут на засохшую траву, отражая в себе её старость.

И лишь когда заморосил прохладный дождь, я решила возвращаться домой. В этот раз меня снова посетил странный сон. Подземный переход. Ускоренный стук каблучков об ступеньки. Суeta во мне. Ни на что не должна обращать внимание. Просто быстро пробежаться. Здесь сыро, мокро и холодно. Лампы рассеивают тусклый свет. Короткое замыкание и свет гаснет. Я вскрикиваю от неожиданности, и свет вновь включается. Я вижу на стене надпись, которой лишь мгновение назад ещё не было. Белой краской аккуратно было выведено «Счастье есть!» и рядом нарисованная стрелка, указывавшая на выход из подземного перехода. Странно, но я успокоилась. И сейчас не могу понять, почему я тогда так неожиданно совладала с собой. И помню яркий осенний день, который увидела. Лучи солнца отражались на пожелтевших листьях, люди словно поменялись: от них исходило тепло и спокойствие. Небо светлое. Люди улыбались. Дышалось легко: в воздухе больше не витал дух зависти и ненависти. Мне захотелось здесь остаться навсегда. И при этой мысли резкой вспышкой меня поглотил яркий белый свет. Ко мне подошёл всё тот же молодой мужчина в бежевом костюме.

– Где мы? – спросила я.

– Всё ещё в твоём сне. Мне кажется это самое удобное место для встреч, тут никто не станет за нами следить. И нас не будет напрягать присутствие посторонних ушей.

Мы шли рядом и беседовали. Я рассказала ему всё, что со мной произошло за последнее время. Мне не надо было высказывать свои эмоции, я с уверенностью могу сказать, что он меня и без этого отлично понимал. Он улыбался. А я просто говорила, что чувствовала и была рада, что могу с кем-то говорить, как с собой. И тогда я рассказала ему, что чувствую, будто потерялась в себе, в своих желаниях, в своих мечтах. Я постоянно раздумывала над тем, что же для меня счастье. И тогда он ответил:

– Неужели ты не поняла, что я пытался подсказать тебе ответ?

– Так значит, все эти сны – это твоя работа? Кто же ты?

– Я – это ты.

Его ответ был так прост и в то же время так непонятен, что я не знала, что ответить и что спросить. Тогда он немного раздраженно сказал:

– Хорошо. Если так было не понятно, то я попробую объяснить иначе. Прделаем небольшое путешествие, если ты не возражаешь.

Но не успела я решить, что ответить, как непроглядный мрак вспышкой поглотил всё вокруг и меня. Это длилось мгновение, но возможно это было нечто похожее на путешествие во времени. Постепенно мрак начал рассеиваться, как туман, и я оказалась стоящей в центре огромной комнаты. Она была просторной, потолки высокие, интерьер выполнен в пастельных тонах, что создавало уют. В комнате из

мебели были только широкая кровать, аккуратно убранная, небольшой комод и зеркало. Я стояла на мягком ковре. И во всём этом уюте я чувствовала себя некомфортно, ибо казалось, что я без приглашения очутилась у кого-то дома. Я тихо подошла к окну, отодвинула тяжёлую занавесь, глянула наружу и была поражена необъятными масштабами и красотой имения, расположившегося столь гармонично на берегу моря. Где я? Неожиданно в дверь постучались и, выждав небольшую паузу, в комнату вошла пожилая женщина в белом халате.

– Доброе утро. Настало время принимать лекарства.

Кое-как совладав с собой, я неуверенно запротестовала:

– Какие ещё лекарства? Мне не нужны лекарства. Скажите, где я? Кто здесь живёт?

– Вы опять за своё... сейчас позову главного врача.

И женщина удалилась из комнаты. Через минуту она появилась уже в сопровождении знакомого мне персонажа. Он был в белом медицинском халате поверх белой рубашки и белых брюк, но неизменно красный галстук ярким и неуместным пятном выделялся на фоне белоснежного одеяния врача.

– Оставьте меня наедине с больной, – тихо и властно сказал он, и женщина беспрекословно поспешила выполнить приказ.

Оставшись вдвоём с ним, я сказала:

– Я ничего не понимаю. Для начала объясните мне, куда я попала? Какие лекарства? Почему вы выглядите как врач? – и тихо прибавила: – на этот раз.

– Вы в доме для душевнобольных.

– Это вздор какой-то. Как я могла тут очутиться? Я ничего не помню, ничего не понимаю.

Говоря это, я подошла к кровати и присела, в замешательстве берясь руками за голову и чувствуя, как меня одолевает паника и покидают последние силы.

– Разве ты ничего не помнишь? Но как же так... Прodelать такой путь, чтобы в конце лишиться памяти. Это несправедливо. – В его голосе звучали нотки сарказма, которые меня окончательно запутали, и я не знала, что ему на это сказать.

Тогда он подошёл ко мне, присел рядом и взял мою руку в свою. Я посмотрела ему в глаза и вспомнила всё. Оказалось, что ещё до недавнего времени я была богатой наследницей, всемирно известной спортсменкой и горячо любимой женой политика. Мы жили в огромном загородном доме, купались в деньгах и славе. Мы были беспечны и ничто, как нам казалось, не могло разрушить наше судно, мирно плывущее по волнам жизни. Мы с мужем нашли нашу тихую гавань и были счастливы.

– Да, – подтвердил мужчина с красным галстуком, – вы были счастливы. Но что случилось дальше?

– Это история утерянного счастья, – тихо промолвила я.

Воспоминания возвращались ко мне с таким напором, будто это были мустанги, вырвавшиеся на свободу и несущиеся теперь навстречу прериям. Я закрыла глаза и начала рассказывать:

– Однажды нашу гавань разрушили. Мы попали в автокатастрофу, которая была подстроена конкурентами моего мужа, желающих испортить его карьеру раз и навсегда. У них это получилось даже лучше, чем следовало ожидать. Он погиб, а я получила травмы, несовместимые с моей спортивной карьерой и поэтому мне пришлось от неё отказаться. Мой муж был мёртв. Ещё одна фигура на шахматной доске политики была повержена. Шах и мат. Я пролежала в коме почти год, за это время мои спортивные достижения почти стёрлись из памяти поклонников. А когда я пришла в себя, то выяснилось, что осталась на улице, без крыши над головой. Но самое страшное было то, что я осталась одна. Меня так глубоко шокировало то, что произошло, что я начала быстро терять контроль над собой и почти сошла с ума. Некому было обо мне позаботиться, никого не осталось рядом. Меня привели сюда люди, живущие по соседству, которые как-то узнали обо мне. Я стала душевнобольной и одинокой.

– Ты находишься здесь уже почти восемь лет, – перебил он меня.

– Да, я знаю. Я всё вспомнила. Этот кошмар длится уже восемь лет. Так никто и не объявился из родственников, я оказалось никому не нужной. Я чувствую себя бездомной и глубоко несчастной.

И тут я осознала, что прежде я чувствовала себя счастливой так долго, пока мой муж был со мной, я была богата и известна. Но когда всё разрушилось, рухнуло и моё счастье. И от этого я сошла с ума. Осознание ужаса и страха холодком пробежало по телу.

– Тебе пора на прогулку, – сказал он, возвращая меня из мира воспоминаний. Мы вышли во двор и неспешно направились к морю. Когда мы оказались на берегу, я захотела что-то сказать моему спутнику, но его уже не оказалось рядом.

Я стояла на берегу алого моря, что поглотило в себя разливы кровавых лучей рассветного солнца.

На мне было одеяние белого цвета из лёгкой и невесомой ткани. Лёгкий бриз по-детски наивно играл с подолом одеяния, рассчитывая на внимание в свою сторону. Но внимание моё было направлено на поверхность моря. А волны как бы невзначай касались стоп и потом снова отступали назад, оставляя пену на пальцах ног. Я не чувствовала ледяной воды, чей холод доводил мышцы до судорог, ровно столько же как и не чувствовала нежность капель тёплого летнего дождя. Солёный ветер, дующий с моря трепал волосы. Копна чёрных, как смола, и густых волос то набрасывались на лицо, то объёмными волнами играли за спиной. Но даже это никак не привлекало внимание и не могло отвлечь взгляд от моря. А волны, словно чувствуя свою власть, всё больше впадали в азарт и с неожиданной силой начинали подниматься выше, а потом кидались обратно, вздымая брызги. Некоторые отчаянно разбивались об скользкие камни, покрытые выброшенными на них водорослями. А солнце поднялось выше, и золотые его лучи блаженно покрывали меня с головы и до ног.

Я запрокинула голову и смотрела в небо, манившее своей бесконечной глубиной. Казалось, что это наслаждение вот так отдаваться во власть Вселенной. Нет ничего прекрасней тех минут, когда стоишь на берегу шумящего моря и чувствуешь, как волны доверчиво тянутся к твоим ногам, как песок хрустит от каждого шага и огненный шар растворяется, растекаясь в воде. Но нет, я не наслаждалась. Я прикованная грубыми цепями к этому миру, мучилась и задыхалась от усталости принесёнными муками жизни. Упав на колени в воду, я вскинула руки к небу и в отчаянье закричала. Как извержение вулкана, как столкновение метеорита с землёй, как гром, неожиданно раздавшийся в ясный день, этот крик пронзил, напугал и потряс меня саму. Этот крик лился из глубин окровавленной души. Он дико и со всей жестокостью раздирал слух и мог легко заставить сойти с ума. Это был крик мученика из преисподней. Я была в Аду, из которого пыталась подняться, цепляясь нежными пальцами за каменные выступы, но тут же срывалась от нехватки сил и падала в чёрную пропасть. Потому что я потеряла в одно мгновение всё, что делало меня счастливой. И никто не в силах был вернуть мне это, никакая сила не могла помочь. Я смотрела на волны. Из-за них море казалось очень мутным, серого цвета, а дна вообще не было видно. Воздух здесь был удивительно свеж и лёгок, с солёным оттенком. Глаза были заполнены пустотой и не выражали никаких эмоций. И только слеза блестящая, как жемчуг, покатилась по щеке, оставляя за собой влажную дорожку. Слеза была горячей. Она родилась в самом сердце, а сейчас умрёт на губах.

– Пожалуй, достаточно, – прошептал себе под нос мужчина с красным галстуком.

Когда я проснулась, было уже обеденное время, но это меня ничуть не смутило. Не смутило и то, что на работу я сегодня не попала. Не знаю, сколько ещё времени я просто лежала в кровати и обдумывала всё, что видела во сне. Мне было очень спокойно на душе, как будто я ни в чем не нуждалась, все дела были сделаны, и можно было вот так пролежать весь день в своё удовольствие. Но и этого мне не хотелось. Помню, я встала с кровати и начала поспешно собираться с тем, чтобы, наконец, осуществить тот план, который давно зрел в моём сознании. Однажды случайно проронённое в почву зёрнышко начало пускать ростки.

Необычные сны, преследующие меня последнее время, заставили решиться на шаг, изменивший мою жизнь. В тот день я написала заявление об увольнении и ушла из сковывающего меня мирка в необъятное и туманное неизвестное. Наверное, у каждого наступает в жизни момент, когда понимаешь, что больше не можешь откладывать жизнь на потом. К сожалению, большинство занимаются именно той работой, которую не любят. А если ты делаешь то, что тебе по душе, значит, ты счастливый человек и можешь собой гордиться. Так думала я, закрывая дверь в свою теперь уже прошлую жизнь.

И вот я стою одна на улице. Вокруг меня шумный и неприветливый город, с чужими людьми, снующими по улицам. А я стою и улыбаюсь. Последний балласт скинут. Больше ничего не осталось, есть только я и мир, ждущий меня.

– Так вот оно что, – думала я, – счастье во мне самой. Это не что-то внешнее, это я. И мы теряем себя в погоне за всеми благами жизни: комфортом, успешностью, респектабельностью, обеспеченностью. В этой гонке люди теряют самое главное – человечность. И потеряв себя или же так и не найдя, мы чувствуем терзания, нам неспокойно и в конце концов мы не счастливы. Но счастье нельзя намеренно построить. Чтобы ты не построил, оно однажды разрушится, ибо всё когда-то заканчивается. Если ты счастлив в результате накопленных богатств, обрётённой славы или любви, то, как только этот каркас рухнет, то рухнешь и ты сам. Быть источником счастья, а не искать его, вот, что важно.

Я шла по улице и думала, что же с нами делает жизнь, как она неустанно нас меняет на протяжении всего пути. Мы обрастаем страхами и агрессией, как дерево мхом. Мы тратим силы на не нужную работу, на не нужных людей, боясь вычеркнуть их из жизни, боясь перемен. В этом, наверное, и есть романтика

нашего существования: мы всё время хотим что-то поменять, но страх перед переменами парализует нашу волю, и мы не можем выйти за пределы зоны комфорта, где нам совсем не комфортно.

Теперь я почувствовала, что по-настоящему счастлива, это был словно глоток свежего воздуха, словно я наконец-то вынырнула из толщи воды, и мне показалось, что жизнь лишь началась. Я была счастлива от того, что не утратила тот дар мечтательности, который был мне маяком во время житейских штормов. И с этим я шла, откинув сомнения и страхи, сквозь засыпающий день навстречу новой жизни, навстречу своим мечтам.

Так мы и плывём по жизни в поисках себя, в поисках своей гавани, в поисках своего счастья.

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

МОЦАРТ СЛУХУ ТАК ПРИВЫЧЕН

ЭЛЕГИЯ СВЕРЧКОВ

Сверчков я слушаю призывные мольбы –
Подземной музыки владыки,
Они к своей стремятся Эвридике,
Невидимой в неведеньи судьбы,
Ещё веков не ставшей достояньем, –
И где-то спрятаны, и рядом, в тишине,
Из недр, доступных лишь воспоминаньям,
Изматывают сердце мне.

Сверчок невидимый с кифарою наивной!
Дождётся ли мелодии взаимной,
Где понимания горячая ладонь
Слова элегии поднимет над ветвями,
В недвижимом зареве взойдёт над островами
Из сфер сознания, – но ты его не тронь,
Ещё не задевай – оно в изнеможенье, –
Желаю нежности – и так напряжены
Стволы послушные поющей тишины,
И строк рожденье – как самосожженье.

Желаю нежности – что случилось бы со мной,
Когда б не обладал я этим вдохновеньем,
В плену светил, склонённых к откровеньям,
В минуты верности земной?
Смотри же ты, привычный к чудесам,
На скромные союзы летом поздним –
Предчувствием снедаемые грозным,
Они моления возносят к небесам.

Никто не ведает, где счастье мы найдём, –
Над звёздным пологом есть новая дорога –
И с благодарностию зрим, как входят в дом
Элегия, идиллия, эклога.

ОДЕССКИЕ СТИХИ

1. ПОСЛЕ ПОЛНОЛУНИЯ

Как в Одессе, столице юга,
Ходит гоголем вся округа,
По ветвям пробежав упруго,
По уграм холодок встаёт, –
Выйдет парень, в петлице – роза,
Молдаванский птенец, угроза,
На ресницах – налёт наркоза,
А над ним голубок поёт.

И девица, совсем иною,
Чем недавно, порой ночью,
Точно птица тропой степною,
Подойдёт и обнимет вдруг, –
В этой паре – краса истомы,
В этой каре – сердца весомы,
Не напрасно они несомы
На алтарь к божеству разлук.

Отрешённо летит машина,
Перекушена пуповина,
Переполнена сердцевина
Золотящимся роем ос –
Истомило давно участие,
Значит, плод не вкусить на счастье,
Пусть скорее придёт ненастье –
Эта власть не спасёт от слёз.

Розы, розы душе верните,
На лицо иногда взгляните,
Словно око, луна в зените –
В этих чарах избыток вод, –
И в чертах волшебства нантий
Столько рвётся судеб и нитей,
Что становятся всё открытей
Каждый вечер и каждый год.

2. ГДЕ ВСЯ ОДЕССА

Валерию и Татьяне Баланцам

Сюда, где вся Одесса на виду
Иль на людях – пока ещё не знаю –
Негаданнее, стало быть, приду –
А ныне говорю, припоминая,

Чтоб выплеснулись всласть, как никогда,
Листвою воспалённою увиты,
Трамваев беспокойная езда
И обнятые полуднями плиты.

И прелести немеркнувший намёк
Оттуда, где Левант изнемогает,
Разнежился и словно занемог,
Но исподволь томит и помогает.

И воздух, укрупняющий черты,
В завидной невесомости сохранен,
И некогда распрашивать цветы –
Их перечень заведомо пространен.

Так мягко надвигаются дожди,
Что постушью красавицы осенней
Биение, возникшее в груди,
Мелодии верней и совершенней.

Столь много зародилось не вчера
Попыток отрешенья и порыва,
Что моря безмятежная игра
Очерчена изгибами залива.

Хождения по мукам не видать –
Найди его, приметы разглашая, –
Ведь будущему проще помогать,
Хождение по крышам разрешая.

И что тебе раздумия судьба,
Когда не донимают из туманов
Акаций средьсентябрьская резьба
И целая колония платанов.

И что за безнаказанный каприз
Помог неописуемо нарушить
Лепнины сплин, осыпавшийся вниз,
И помыслы досужие на суше?

Теперь я вопрошаю у тебя,
Раскаянья раба и упования, –
Куда ты подевала, разлюбя,
Авзонии одно воспоминанье?

Не слышала ль, кого я навестил,
Где подняли наполненные чаши –
И кто меня и принял, и простил?
Ужо тебе, кормилица-мамаша!

Постигну ли когда-нибудь с утра
Торжественнее благовеста ветры
И это воплощение добра
Под флагами Гермеса и Деметры?

Так трогательно вышептаны ртом
Ограды, как привет из океанов,
Фронтон, балкон – и скошенный притом,
И странная традиция Фонтанов!

Но что же безвозвратное внесу
Из молодости, горькой и чудесной,
Сюда, где вся Одесса на весу,
Как чайка одинокая над песней?

3. ОБЕЩАНИЕ ВСТРЕЧИ

Виктору Маринюку и Людмиле Ястреб

Где трамвай, отзвенев, промелькнёт
Переимчивым вестником зноя,
Подивившись летам напролёт,
Повстречаюсь я с вашей четюю.

И тогда-то воскреснет пора,
Где, слова сопоставив с листвою,
На знакомом пространстве двора
Наболевшую радость не скрою.

Что сказать вам? – я вновь не один –
Здесь и город, и степь невредимы,
И не в них ли значенье картин,
Что с природой давно воедино?

Где меж южных ветров рождены
Для служения правде, к тому же,
Ястребиное око жены
И печаль несравнимая мужа.

Что за взлёт колыбели степной
Умещается в комнатах этих,
Где и море почти за стеной,
И часы проведёшь, не заметив?

И откуда в них столько тепла,
Ненавязчивой сути без масок?
Украина затем и мила,
Что сама – объяснение красок.

И поэтому нам по пути,
Хоть скитанья в былом разлучали, –
Только вырос я рядом почти,
Те же звёзды увидел вначале.

Потому и живём не во мгле,
Чьё обличье извели сами,
Ради песен на этой земле
Перед встречей с её небесами.

4. САДЫ ОДЕССЫ

Станиславу Сычёву

Быть может, в осени степной,
Широкой осени приморской,
Есть дух людской и толк иной,
Где пепел битв насыпан горсткой.

Как шорох лет, шороховат
Легучей мыши взмах бесшумный –
И разве в этом виноват
Навет фантазии бездумной?

Где каждый промах был как нож,
Кого ты ждёшь? чего желаешь?
Не потому ль туда ты вхож,
Откуда выхода не знаешь?

Пусть азиатские черты
Присущи людям и растениям –
Но к ним присматривался ты,
Подвержен частым огорченьям.

И вспомним, если помолчим,
И укротим не потому ли
Перенасыщенность причин,
Кошмары полночи в июле.

Но что же чудится подчас
В бесплотной ткани сновиденья,
Куда подруга пробралась
Почти оправданною тенью?

Затем ли, чтобы возвратить
И горя глубь, и моря охришь,
Иль с тем, чтоб напрочь запретить
Ненастье скрыть и степи охришь?

Утехи в будущем щадя,
Мелькнёшь, как луч в оконной раме,
Где пьют обещанность дождя
Сады Одессы над буграми.

Вернувшись с моря, где причалы
Запомнил с самого начала,
Где ночью с горя корабли
К душе и к сердцу подошли,

Отхлынув кровью от висков,
Подобны стае мотыльков,
Ловлю я вновь листвы качанье,
Ладони взмах, очей молчанье,
Наклон девичьей головы
И колбание молвы.

На что мне, с ясностью ума,
С его прозреньем и безумьем.
Пренебрегать благоразумьем,
Переполюющим дома?
На что, подвластному волненьям,
Не верить предопределеньям,
Покуда полная луна
Стоит так явственно и чудно,
Что жить светло и думать трудно –
И чьи-то шепчешь имена?

И Моцарт слуху так привычен,
И ветер столь сомнамбуличен,
И бродят под руку они –
Всего не выговорить сразу –
И зачарованную фразу
Друзьям не выдадут огни.

ЕЛИЗАВЕТА ХРАМОВА

СНЕГ ЛОЖИТСЯ, КАК ВАТА

Где родина моя? – Где кипарис
Веретеном вонзается в луну.
Где ночь, цыганка ночь, убранством риз
Блудливо прикрывает наготу.
С покорностью приму я немоту
На той земле, где бродит тень моя.
И лунный свет в скрипичную струну
Живою жилой вытянет меня.

Небо треснуло по краю,
Обнажив закат.
Чертит бог дорожку к раю
По морю. Я в ней сгораю.
Чертит бог дорожку к раю
Сквозь крошечный ад.

Да, виновна!
Твой взгляд принимаю
Как позор,
как удар хлыста.
Что ты смотришь
на нашу Землю
С высоты
своего креста?

СТИХИ

И опять сквозь не хочу,
Не могу и не умею,
Подставляю палачу
Свежесроспущую шею.

О. Ильницкой

Напившись вдоволь троицкой глуши,
Я на весы опять встаю несмело.
Похоже, ты права: прирост души
Идёт за счёт исчезновенья тела.

Е. Даенину

Если исповедь – это вверх,
Мне в другую сторону – в стих.
Исповедаться – нужен грех.
Я пока совершаю их.

Наде Д.

Рыжий, рыжий, конопатый,
Весь в рябиновых веснушках
Город, осенью – крылатый,
Что-то шепчет вам на ушко.

Шорохи скользят и... тают.
Это – крылья опадают.

Мир взорвался и рухнул
в мгновение ока.
Ночь едва поняла,
как она одинока.
Напоследок занозой
осталось во мне:
«Не успела бы дочь
испугаться во сне!»

*Москва, осень 1999 года,
памяти погибших при взрывах домов*

Небо, что было высоким и близким,
Стало с годами далёким и низким.

Под веко неба
 СОЛЮ ЛИ,
 ОСКОЛКОМ ЛИ
 попала я? –
 С глазного яблока Земли
 слеза всё смоем,
 талая.

Я боюсь ложиться спать
 В эту ночь.
 В эту ночь входить, влезать,
 Душу – прочь!

Ободрав себя о сны,
 Падать в день.
 Растревоженной вины
 Вон гнать тень!

Я боюсь ложиться спать
 В ночь. Хоть – в стон.
 Я боюсь, проснувшись, знать:
 Всё был сон.

Ноябрь.
 В молочных сумерках теряется сознание.
 Реальность растворяется.
 Легко.
 Ничто не мучает. И сладко осознание
 Того, что нечто превращается в ничто.

Снег ложится, как вата,
 На израненный слух.
 Тишина – не утрата,
 Лишь отсутствие вслух.

Неизбежного ада
 окончание – дня,
 Тишина – лишь отрада
 искушения для:

В её пухлой утробе,
 Осязаем, но тих,
 Жадно, в лёгком ознобе,
 Зарождается стих.

Годами, веками,
то горше, то глуше,
то гулкой водой,
заливающей уши,
вглубь –
в омут,
в себя,
в океан,
в мир иной –
бегу от себя,
наполняясь собой.

АНДРЕЙ НОВИКОВ

РЫБОЛОВ И ПТИЦЕЛОВ

ДОЛ

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь – благая весть, покуда в напряженье полном
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползёт украдкой.
Куря и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливость вымокших животных,
Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной, среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол, в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

ЛАСТОЧКИ

Гудит натруженная Волга,
Реки змеится тучный створ,
Вода не заживает долго,
В порезах от прибойных волн.

Шумы винтов и эта пристань,
На барже синяя руда,
А выше, как внезапный выстрел,
Дневная выскочит звезда.

Коричневые сохнут сети,
Озона призрачный глоток,
Бегут на мелководье дети,
Парома хрипловат гудок.

Вот память! Ей любить и плакать,
Реальность больше бережёт,
В песке рыжеет ржавый якорь
И солнце тихо плечи жжёт.

Порою радиодиспетчер
Загнёт солёные слова.
И стригли антитезой вечер
В полёте ласточки едва.

РЫБОЛОВ И ПТИЦЕЛОВ

Где святы голуби и дети,
Язык тех мест мне был знаком.
Орешника тутие плети,
Цвети зелёным молоком.

А рядом – зонтичные сняты
Прохлады отдавали суть,
Благотворили цепь событий
И отворяли новый путь.

Два паренька в траве курносых,
На птиц расставлены силки,
И поплавок торчит вопросом
В дождливом мареве реки.

Погода – дело наживное
Приносит сырость светотень.
Природа копит горстку зноя,
И наполняет смыслом день.

Реальность шлёт свои законы,
И в строе дел, земных основ
Полны торжественным резонансом
И рыболов, и птицелов.

КОРАБЛИКИ

Звенят стаканы в подстаканниках,
Зелёный золотистый чай,
Ты едешь в поезде избранником
И дремлешь сидя невзначай.
В купе, по коридору мокрому,
Мелькают отсветы окон,
Леса за солнечными стёклами
Обогащают лексикон.
На лицах тени сложным рубчиком,
Не новая колода карт,
Простое бытие попугачиков,
Разгар июня и азарт.
И почему-то пахнет яблоком,
Во всём подвижный этот свет,
В котором мастерит кораблики
Ребёнок из сырых газет.

КАЛЛИГРАФИЯ

Непостоянство кружит голову,
Дождём с утра укрыв края.
Вода мерцает в лужах оловом,
Вернувшись на круги своя.

Как в чёрно-белой фотографии
Контраст необходимо чист.
И мокрой шиной каллиграфию
Оставил велосипедист.

ПЛЯЖ

Река сквозит теченьем вечным, день сонным маревом затаскан.
На пляже запах чебуречной, кабинки с ядовитой краской.
Хрустит песок. Далёк от мысли принять скучающие дали.
На лежаках тела раскисли и остро смотрятся детали.
Понтонный мост, зелёный остров, спасатель умножает знания,
А рядом с ним шашлычный остов с углями прежнего закланья.
Пугливой красотой подростки с перил ныряют безыскусно.
И на песке от волн полоски читаются всё также устно.
Своё избранничество скомкав, кушируя тоску и стрессы,
С гримасой предков и потомков пьёшь пиво среди пляжной мессы.
Грустят подвыпившие панки, здесь детскость мёртво выгорает.
И алюминиевые банки бомжи из урны выбирают.
Не оборвётся пуповина, обет ленивости не долог,
Но прежде речки горловина в себя затаяет сонный город.

МЕТАФОРА СУДЬБЫ

От праздничной пальбы
Смутился виночерпий.
Метафора судьбы
Погрешностей не терпит.

Ярится душный гром,
Запрягший цугом звёзды.
Где моря ровный бром,
Мертвеющий и мёрзлый.

Несносное дитя,
Играет с хлебом пресным,
Жить для себя, шутя
Безумно интересно.

Но всё ж имей ввиду,
Должно быть в назиданье
На ржавую звезду
Наколото сознание.

Жары и стужи взмах
Крылом заденет ломким,
Выскальзывает прах
Из божьих пальцев тонких.

Вселенская тоска
с нелепым безобразьем,
Затихла у виска...
А заказали праздник.

РОЗЫ И РАНЫ

Прощальные титры с экрана
Районного кинотеатра,
Любовь начинается рано
И дерзко уйдёт безвозвратно.
Залётная девушка-пчёлка,
Щенячьи и детские страсти,
Беретом укрытая чёлка
И ночи волнующий аспид.
Прекрасна моя незнакомка,
Романов и связей предтеча,
Упрямое время вдогонку
И лечит тебя, и калечит.
Живём в этом воздухе грозном
Летальной верою этой.
Вокруг только раны и розы.
Любовь обжигающим летом.

БУКЕТ

В одну постель, в одну картину
Запечатлеет ночь уют,
Цветы в растворе аспирина
Через неделю не умрут.

Где люстры жёлт и пылен конус,
И в мокром завихренье май.
Бездомный вечер, то бишь, бонус,
Сухими пальцами ломай.

Налей вина, губи подругу,
Прими на грудь и благодать,
Часы по замкнутому кругу
В тиши затекали опять.

Давно в стране зеркал разбитых
Не праздновал, даря букет.
Мы поцелуями умыты,
И не воссозданы в ответ.

ЦВЕТОК ЗЕЛЁНЫЙ

Жизнь устаёт печали мерить
И толковать приметы в путь,
Туда, где створчатые двери
Успеют времена сомкнуть.
Запомни, в этот век железный,
Пока ещё ты молодой,
Дни вытекают бесполезно
Из крана жёсткою водой.
Где распадаются в пределах,
Уходят в наважденье прочь,
Тобой и вечностью, без дела,
Читаемые день и ночь.
Пусть млечный путь нависнет кроной,
Над миром, что ужасно прост,
Где в вечности уединённой
Цветок зелёный и погост.

МАЙКА ЛУНЁВСКАЯ

ПО КРУГУ ТАНЕЦ

я свой химический состав
гормоны и нужда
я перестану перестань
я видишь яма для креста
как тело для стыда

я разложение и жир
что толку красота
скажи кто молод тот и жив
рот не для вежливости лжи
а для чего тогда

как были розы хороши
циррозы были хороши
как молоды мы были ну скажи

кровь коверкай тело переделывай
всё равно останется тебя
яблоко зрачок червивый белое
веточка короткая ребра

сколько эту кровь не останавливай
всё она тончает а течёт
на глазные яблочки надавливай
небо в глюках зоркий звездочёт

это всё фантазии фарятьева
истина не требует вины
мы зачем нужны чтобы узнать её
на самих себя обречены

девочка для нытья
 мальчик для бытия
 трёпа или тряпья
 битвы или бритья
 жёны они мужья
 нет от тебя житья

а для чего я
 а для чего я

я попытка лучшего кто я есть и попытка не удалась
 и я знаю печаль на все её шесть и откуда она взялась
 снег идёт и видит какая жесь я устал и хочу упасть

свет повесился на столбе и теперь висит
 в жёлтых фартуках фонари опустив лицо
 всем досталось любви а ты полежи в грязи
 ты постой постой виноватый перед отцом
 и не волхв а лох вспоротый скоморох
 и внутри у меня не смех а смерть как у всех
 был человек-нолик стал человек-крестик
 вот тебе пронумерованный крест
 а земля съест будем все равны
 будем все лежать под горизонтом травы да под закатом
 к атому атом распутный рядом с распятым
 будем будем после жатвы лежать жнивьем
 пылкой пылью расстрелянной июльским дождём
 вот тогда заживём

там ещё не конец говорят что по кругу танец
 здесь не делают тайн из таинств
 здесь старость
 серость стёршихся суток сетчатки и пиджаков
 здесь – это такой промежуток
 где время – поле для дураков
 а я сам кто таков дурак и сосед по яме
 толкающийся в пузо земли согнутыми словами

о слове мёртвом о себе живом
 о том кто был кто быть не получался
 о том в каком мы [...]здеце живём
 и как он раньше так же назывался

кто любит праздник все не любят быт
за тёмным кто в пятёрочке стоит
без пива жизнь такая же но хуже
я мясо жир которые сгниют
положим всех положат и убьют
я сам себе не то что вам не нужен

не умею быть но умею петь но стараюсь петь

потому что я хуже всех никто
и моё число ноль дурак сыкло
ну поставь мне пять вот дневник туда
или лайк поставь оцени

оцени меня если тымойбох
научи меня я могу зубрить
за диплом краснеть запахло трояк
я умею так получать медаль
что никто помочь селигман собак
я училась так я училась так я училась так

для тех кто ненависть к себе кто нахеркрасота
кто мера вещь кто не в себе коробочка пуста
не резал пальцы и ремни но время вырезал
живот по кругу циферблат двенадцать ножевых
кто о себе гордыня гнев унынье зависть блуд
когда молчанием кричат когда любовь блюют
когда закончен человек набросок черновик
червива речь его когда и язвами язык

но он руки не приложил и рта не раскрывал
ножами нежными в живот он время вырезал
он находил двенадцать птиц двенадцать мёртвых птиц
чтоб разложить по месяцам но их не хоронил
когда любовники с моста и он бросался к ним
и пустота его пуста и свет его голим

что пост что мета какой модерн неважно когда сели
россия участь посмотришь вверх черёмуха зацвела
и тот кто учится говорить и тот кто уже сказал
равны и хочешь не хочешь жить а надо и снег упал
кто был кто не был и все не в счёт что участь твоя что честь
порежу палец и кровь течёт как будто я точно есть

злой молодой живой
кто это там с тобой
я это я ты чё
кто же тебе ещё
бог или боль считай
с боли не начинай

свет твой невыносим
просим но не простим
вот и цветы растут
к смерти нас всех растят
разве грядущий суд
этот грядущий сад

ЖАННА ЖАРОВА

МЕДУЗЫ ВЕНЕЦИАНСКОЕ СТЕКЛО

Пакует время мой рюкзак,
И сжаты сроки.
А жёсткий памяти наждак
Шлифует строки.

И слой за слоем шелуха
Слетает наземь.
И обнажается стиха
Литая фраза.

А ночи злой всё гуще мрак,
Но я не трушу.
Стихом, шершавым, как наждак,
Шлифую душу.

До боли закусив губу,
Сдирая кожу,
Итожу годы и судьбу,
И жизнь итожу.

И рвётся в клочья черновик,
Шлифуя совесть.
И остаётся дней моих
Простая повесть.

Закрою окна, чтоб не слышать дождь.
Так безутешно капли бьют по крыше...
Звук жестяной. То громче он, то тише,
И не унять поникших веток дрожь.

И не понять, где истина, где ложь, –
Язык дождя невнятен и неточен,
Как Морзе шифр – набор тире и точек.
И на стекле – то линия, то прочерк,
То пероглифа прозрачный очерк.

Дождь пишет письма – изящен почерк, –
И говорит – но слов не разберёшь.

Быть может, шлёт нам дождь сигналы SOS
О том, как часто в небе синееком
Душе дождя бывает одиноко,
И не с кем ей поговорить всерьёз?

Так мы берём заветную тетрадь,
Когда немоготу, – и льются строки
В надежде, что прочтёт их друг далёкий,
Кого вблизи никак не отыскать.

...Но вот затихло всё, и листьев шёлк
Зазеленел и блещет изумрудом,
И солнечные зайчики повсюду,
И так свежо... А просто – дождь прошёл.

Пляж опустевший, и слышен волны замирающий шорох.
Войлок слежавшейся тины пружинит ковром под ногою.
Дышится вольно у моря. Вода в белопенных узорах.
Кромка песка затвердела у кромки прибоя.

Ровной дугой горизонта смыкаются небо и море:
Купол прозрачного зонта – с купелью в небесном соборе.
Море молитву читает, и чайки кричат в ре-миноре,
Ветру распевы вручая нестройного птичьего хора.

Я помолчалась бы с морем, когда бы умела молиться.
Я попросила бы мира для мира – без злобы и фальши.
Но – не дано мне... А море, как память, листая страницы,
Лица и судьбы уносит волною – всё дальше и дальше.

Вечер. И тени сгустились. И солнца закатного пламень
Отблеском алым окрасил и воды, и небо, и землю.
Слышу... Внимаю? – нет, внемлю! – волна, ударяя о камень,
Всё повторяет своё «Аллилуйя!» и «Амен»...

МЕДУЗА

И ласка шёлковой волны,
И неба выцветшая блуза,
Стекло сиреневой медузы,
Всплывающей из глубины.

Прозрачный купола опал,
Овалы глаз мерцают грустно...
Светильник вод, живая люстра,
Чей лунный лик легендой стал!

Как мог тебя убить Персей,
Не утонув в очах бездонных?
Они пленили Посейдона
Отважной дерзостью своей...

В твоей крови рождён Пегас –
Поэты помнят ли об этом?
Отрадно слушать жарким летом
Волны лепечущей рассказ.

Там льётся золото волос
И вьются кудри чудо-девы...
Но мифа вольные напевы
Владыка-ветер вдалеке унёс.

Иные ритмы на слуху.
Лишь в памяти осталась вежа.
И отзвенела дальним эхом
Мелодия на берегу,
Где, музам и богам назло,
Сентиментальной нотой блюза
В октаву августа стекло
Волны прощальное тепло
И неба выцветшая блуза,
И фиолетовой медузы
Венецианское стекло.

ПРЕДЗИМЬЕ

Волны медлительный разбег,
И над водою лёгкий снег
Грустит – и тает.
Шуршит доверчиво прибой.
На берегу лишь мы с тобой
Да птичья стая.

Прозрачнее слоев слюды
Палитра палевой воды
В часы заката!
Но вот последний солнца луч,
Нам улыбнувшись из-за туч,
Исчез куда-то.

На землю пала тишина.
На небеса вошла луна
В обличье девы,
Рассыпав горсти серебра...
Так из Адамова ребра
Возникла Ева.

И тотчас лунною тропой
Созвездия, на водопой
Спеша, поплыли...

На берегу – ни ветерка,
А в небе – звёздная река
Из млечной пыли.

Когда-нибудь и мы уйдём
Вдоль по реке за окоём
В тот путь недалёкий,
Где только море и земля,
И лунный парус корабля,
И свод хрустальный.

...Предзимье. Холодно. Но мы
В предощущение зимы
Ещё не верим.
Идём вдвоём – рука в руке –
По тропам жизни налегке,
Не оставляя на замке
Сердца и двери.

У месяцев – мужские имена.
А между тем ведь трём четвертым года –
будь осень то, зима или весна –
суть женская назначена природой
и русским языком. И лишь одно
иначе лето определено.
Оно – «оно». И в нём двойное дно:
мужское в нём и женское начало.
Оно пьянит, как терпкое вино, –
заметим здесь, что и вино – «оно»,
и море – тоже: в нём песок и скалы,
волна и берег, лодки и причалы...
Но возвратимся к лету. Пригуби
и – пей его до дна. И – полюби! –
его жару и зной, шальные ночи,
хмельные дни и пьяную волну,
его ветров звенящую струну,
когда прибой смеется и грохочет,
и – штиля неожиданный покой...
Продли его неспешною строкой –
ведь лето тоже уходить не хочет.
Но времени неумолимый ход
его торопит. Осень в свой черёд
заплачет ливнями, потом зима завьюжит...
Дожди и слякоть, гололёд и стужа –
три месяца и три, но это всё не в счёт, –
и лишь весна гонцов своих пошлёт
за новым летом, и начнём сначала
счастливых летних месяцев отсчёт:
июнь, июль и август...
Жаль, что мало.

Не спи – пиши, спеши, ищи слова,
Услышь земли и неба голос внятный.
И пусть порой тебя поймут превратно,
И пусть твердит молва,

Что, мол, чудак, витает в облаках,
Стихи строчит с завидным постоянством...
Ты – переводчик. Время и пространство
И мир – в твоих руках.

РАГИМ МУСАЕВ

ИДУЩАЯ К МОРЮ

сказка для театра кукол
по мотивам преданий народов севера

Действующие лица:

Герои:

Мать
Сын
Она, *Хозяйка белой вежи*
Женщина
Просительница
Внук
Чакли

Тени:

Мать-Бабушка
Отец-Дедушка
Просители и больные
Рыбы

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Море озаряется северным сиянием.

На фоне цветных всполохов появляются две рыбы.

Чёрная Рыба нападает на Рыбу Белую. Белая старается увернуться, но Чёрная всё же настигает её и пытается проглотить.

Чёрная Рыба оборачивается чудовищем, Белая Рыба оборачивается ребёнком и кричит: «Мама! Мама!»

Крик переходит в детский плач.

Затмение.

Явление 2

Мать, Сын.

Детский плач продолжается.

Сцена освещается, и мы видим внутреннее пространство вежи¹.

Горит очаг, на заднем плане плачет ребёнок, на переднем просыпается Мать.

Приснившийся кошмар отпустил её, но плач ребёнка...

Это же плачет её ребёнок!

Мать (*вставая*). Что? Сынок... Сынок, что случилось? Не плачь.

Мать подходит к сыну.

Хочешь оленьего молока? Оно придаёт силы.

Идёт за молоком. Возвращается.

Начинает поить ребёнка, приподнимая его голову.

Ах! Как ты горяч! Ты болен... Духи, за что? Ведь рядом нет шамана. Кто тебя вылечит? Не плачь, сынок... Не надо. Духов этим не задобрить.

Мать берёт Сына в руки. Он обессилен.

Теперь он скорее не плачет, а скулит от боли, не реагируя на Мать.

Хочешь пить? А что хочешь?.. Что делать... Что мне делать? О, духи! Вы уже забрали мужа, хотите забрать и сына? За что? Что мне делать одной? Возьмите мою жизнь, но дайте жить моему сыночку!

Явление 3

Те же и чакли².

Внезапно вежа озаряется призрачным светом.

Появляется и тут же пропадает чаклик.

Не успев пропасть в одном месте, он тут же появляется в другом и вновь исчезает.

Число чакликов увеличивается, пока они не заполняют всю вежу.

Мать. Кто это?

Чакли. Это кто? Это кто? Кто? Кто? Кто?

Мать. Что вам нужно?

Чакли. Нужно вам... Нужно вам... Что нужно вам?

Мать. Я вас не звала.

Чакли. Звала... Звала... Звала...

Эхом раздаются слова Матери: «Возьмите мою жизнь, но дайте жить моему сыночку!»

Мать. Теперь ясно.

Чакли. Ясно теперь? Ясно теперь?

Мать. Пришли за мною?

Чакли. Пришли. Пришли. Пришли.

Мать. Хорошо. Но обещайте, что он будет жить!

Чакли. Будет! Он будет! Будет жить!

Мать. Я готова. Идём.

Чакли тянут через сцену толстую нить.

Её конец протягивают Матери. Второго конца мы не видим.

Мать бросает взгляд на сына. Тот давно перестал плакать.

Мать. Сынок...

Чакли. Идём! Готова! Идём! Идём!

Мать. Сынок...

Чакли. Идём! Идём! Идём!

Мать выходит вперед, принимает от чаклика нить и делает шаг.

Вежа за ней растворяется в темноте.

Явление 4

Мать, мать-Бабушка.

Мать идёт в неизвестность, держась за нить, которую перед ней несёт чаклик.

Вдалеке начинает брезжить свет. Внезапно на пути возникает силуэт.

Это Мать Матери – Бабушка мальчика.

Мать-Бабушка. Дочка? Ты здесь? Но как?

Мать. Мама? Не знаю...

Мать-Бабушка. Ведь ты не умерла?

Чакли (*эхам*). Ты не умерла! Умерла ты!

Мать. А здесь только те, кто...

Чакли (*эхам*). Те! Те! Только те!

Мать-Бабушка. Или те, кто вечно...

Чакли (*эхам*). Или те! Те! Те!

Мать. Сын. Он очень болен.

Мать-Бабушка. Да. Болен... Иди прямо. И будь готова.

Мать. К чему?

Мать-Бабушка. Ко всему.

Чакли (*эхам*). Иди! Ко всему! Готова! Ты готова!

Тень Матери-Бабушки растворяется.

Путь продолжается.

Явление 5

Мать, Отец-Дедушка.

Мать. Отец!

Отец-Дедушка. Всё знаю. Внук...

Мать. Да, сын. Откуда знаешь?

Чакли (*эхам*). Оттуда! Отсюда!

Отец-Дедушка. Цыц вы! У тебя в руке нить судьбы. От детей к родителям, от тебя ко мне. Всё знаю.

Чакли (*эхам*). Нить судьбы! Нить судьбы!

Мать. Нить судьбы? И куда она тянется?

Отец-Дедушка. К морю. Все судьбы ведут к морю.

Чакли (*эхам*). К морю! Идут к морю! Все к морю!

Отец-Дедушка. У моря все нити сходятся, все судьбы решаются: здесь они зарождаются, сюда возвращаются, здесь исчезают. Вечная морская битва.

Чакли (*эхам*). К морю! Все к морю!

Мать. К морю... А мне что делать?

Отец-Дедушка. Иди прямо и ничего не бойся.

Чакли (*эхам*). Бойся! Бойся! Бойся!

Отец-Дедушка. Цыц, нечисть! Иди прямо, дочка.

Тень Отца-Дедушки растворяется.

Путь продолжается.

Явление 6

Мать и Она.

Мать выходит к берегу моря.

На берегу светящаяся вежа: шкуры белых оленей укреплены на оленьих костях.

Мать шла на этот свет. Перед вежей возникает фигура в балахоне.

Мать. Мир тебе. Мой сын. Он очень болен. Что мне делать?

Фигура покачивается, но не реагирует.

Внезапно с лица фигуры откидывается катюшон, и мы видим голову чакли.

Он стоит на плечах своего собрата (или двоих братьев).

Чаклики, довольные шуткой, с хохотом рассыпаются.

Полог белой вежи откидывается.

Внутри возникает белая фигура Хозяйки белой вежи.

Лицо женщины скрывает катюшон.

Она сидит за призрачной прялкой и сучит нить, которую вездесущие чаклики тянут в неизвестном направлении.

Нить в руке у Матери ведёт к этой прялке.

Мать. Ты кто? И что здесь...

Она. А поздороваться? Ты ко мне пришла.

Мать. Ой... Мир тебе...

Мать плачет.

Она. Ты что, укушенная? То дерзишь, то рыдасешь.

Мать. Сын очень болен.

Она. Болен сын, а ты своей жизнью разбрасываешься?

Мать. Разбрасываюсь?

Чакли (*хохоча и издавая повторяют фразу Матери*). «Возьмите мою жизнь, но дайте жить моему сыночку!»

Мать. Зачем мне жить, если его не будет?

Она. Зачем жить? (*хохочет*) Точно, укушенная!

Вместе с ней хохочут и чакли.

Она (*останавливая хохот чакли*). Тише! Ты понимаешь, что такое жизнь?

Мать. Да.

Она. Смешная ты! Я согласна!

Мать. На что?

Она. Беру твою жизнь. От мелких подарков не отказываются! Всё, иди.

Мать. А сын?

Она. Сама поможешь. Кому он ещё нужен. Возьми (*протягивает пояс*).

Мать. Я помню этот узор... Это ... пояс мужа.

Она. Большой шаман был.

Мать. Он погиб на охоте.

Она. Каждой рыбе своя волна, каждому человеку своё дело. Его дело было лечить, а не стрелять. А людям без него плохо. Болеют. Умирают. Будешь вместо мужа?

Мать. ...Лечить? Да.

Она. А понимаешь, как это? Теперь твоя жизнь – не твоя. Готова?

Мать. Да. Только не умею...

Сзади, над морем, возникают зелёные всполохи света.

Северное сияние?

Она. Так его люди называют. Это судьбы сошлись у моря.

Мать. Зачем?

Она. Для решающей битвы добра и зла.

Мать. Сияние – это битва?

Она. Ежедневная битва. Пока побеждает добро, вспышки зелёные. Но стоит появиться красным всполохам...

Мать. Что? Что тогда?

Она. Смотри и запоминай.

*На фоне северного сияния Она начинает обрядовый танец передачи знаний.
К танцу присоединяются диковинные рыбы, чакли, а затем и Мать.
Она надевает на Мать пояс погибшего мужа.*

Она. Шаман всё уметь должен, и никому не делать зла. Но запомни: увидишь меня у головы больного – лечи. Увидишь в ногах – уходи.

Мать. Запомнила. Мне к сыну надо... Спасибо за подарок!

Она. Смешная! Взвоешь ты от этого подарка. И наказ мой забудешь!

Мать. Не забуду! Не забуду!

Она. Укушенная! Ха-ха-ха!

Затемнение.

Явление 7

*Мать спит в своей веже.
Раздается детский плач.*

Мать (*вставая*). Что? Сынок... Сынок, что случилось? Не плачь.

Мать подходит к сыну.

Хочешь оленьего молока? Оно придаёт силы.

*Идёт за молоком. Возвращается.
Начинает поить ребёнка, приподнимая его голову.*

Ах! Как ты горяч! Ты болен... Духи, за что? Ведь рядом нет шамана. Кто тебя вылечит?

По веже быстро пробегает чаклик.

Нет... Не может быть. Это сон. Только сон.

Мать видит на себе пояс мужа.

Не сон... Не сон! Сынок, я знаю, что делать. Духи, вас призываю! Я готова.

*Мать начинает шаманский обрядовый танец вокруг сына.
На заднем плане возникают красные отблески северного сияния.
К концу танца сияние становится зелёным, сын садится и смотрит на мать.*

Сын. Мама, что ты делаешь?

Мать. Получилось! Сынок, как ты меня напугал...

Сын. Напугал? Разве у меня вместо пальцев выросли когти?

Мать. Нет. Просто я очень люблю тебя.

Сын. И я тебя люблю. А ещё пить хочу. И есть тоже.

Мать. Сынок... Моя жизнь для тебя!

Мать смеётся и прижимает Сына к себе.

Явление 8

Появляются тени просителей.

Проситель 1. Мир тебе! Дочь третий день в горячке. Помогите!

Проситель 2. Мой муж очень болен. На охоте его покусал медведь.

Проситель 3. Мой отец... Ему трудно дышать! Помогите!

Мать оставляет сына. Она готова начать шаманский танец.

На заднем плане начинается борьба зелёных и красных всполохов северного сияния.

Затмение.

ДЕЙСТВИЕ II.

Явление 1

Вежа шаманки.

Из темноты возникают чаклы, тянущие нить судьбы.

Идёт время. Преображается интерьер вежи.

Актёры меняют старый ржавый котелок на медный блестящий, вместо одной сушёной рыбины вешают целую связку, укладывают на пол тёплые шкуры.

Явление 2

Мать, Сын.

Прошли годы. Мать постарела.

Подросший сын проверяет лук, собираясь на охоту.

Мать. Сынок, ты меня пугаешь...

Сын. Пугаю? Разве у меня когти вместо пальцев и я не способен держать лук?

Мать. Нет. Просто я очень люблю тебя.

Сын. И я тебя люблю. А ещё я хочу есть.

Мать. Но дома вдоволь еды... Тебе мало?

Сын. Её приносят тебе.

Мать. Люди благодарны за лечение.

Сын. Благодарны тебе. А я? Я сам хочу уметь...

Мать. Сам... Каждой рыбе своя волна, каждому человеку своё дело.

Сын. Да! Твоё дело лечить, моё – стрелять. У каждого своя жизнь.

Мать. Ты – моя жизнь!

Сын. Мужчина должен добывать еду сам.

Мать. Будь осторожен! Мой мужчина...

Сын уходит на охоту.

Явление 3

Появляются тени просителей.

Мать. Что вам?

Проситель 1. Мир тебе! У матери сильный жар, помогите!

Проситель 2. Не знаю, что делать... Сын молчит и никого не узнает.

Проситель 3. Моя жена... Она рожает! Помогите!

Начинается шаманский танец.

*Он прерывается теневыми сценами, показывающими ложе то одного больного, то другого.
 Пациенты жестами указывают больной орган.
 И каждый раз тень Хозяйки белой вежи возникает у головы пациента.
 На заднем плане идёт борьба зелёных и красных встолохов.
 В последнем случае Хозяйка возникает у ног больного. Шаманка отступает.
 Побеждают красные.*

Явление 4

*Расстроенная шаманка заканчивает танец и без сил падает на шкуру в своей веже.
 Появляется просительница. Её лицо скрыто накидкой.*

Женщина. Мир тебе!

Мать. И тебе мир. Садись.

Женщина. Слухом о силе твоей земля полнится.

Мать. Помогаю, чем могу.

Женщина. Можешь! Нет шаманки сильнее тебя.

Мать. Какая нужда у тебя?

Женщина. Мужа себе хочу.

Мать. Семья – хорошо. Только здесь шаман не помощник.

Женщина. Как сказать... Хочу чужого мужа к себе приворожить.

Мать. Уходи.

Женщина. Не можешь? Так и скажи.

Мать. Уходи.

Женщина. Не можешь! Иначе себе бы давно приворожила! А ты всё одна.

Мать. У меня сын.

Женщина. Сын – вольная птица. Оперится и улетит. А ты одна.

Мать. Лучше одной быть, чем с чёрным сердцем жить.

Женщина. Сама в это веришь?

Мать. Верю.

Женщина. Загляни в себя. Ты же почти старуха.

*Женщина отбрасывает от лица накидку.
 Мать видит в Женщине себя, только состарившуюся.*

Мать. У-хо-ди.

*Женщина начинает хохотать.
 Затемнение.*

Явление 5

*Шаманка спит в своей веже.
 Мать, Сын.*

Сын. Мама! Мама...

Мать. Что? Это ты, сынок? Я уснула.

Сын. Мама, я поговорить хотел.

Мать. Говори.

Сын. Мама, я ухожу. Я так решил.

Мать. Да... Ты уже взрослый.

Сын. Мама, да, я взрослый. И я мужчина. Я хочу свою семью, и я могу её прокормить.

Мать. Да. Просто я очень люблю тебя.

Сын. И я тебя люблю.

Мать. Не делай никому зла.

Сын. Да, мама.

Мать. Каждой рыбе своя волна, каждому человеку своё дело. Моё дело лечить, твоё – стрелять.

Сын. Каждый сам хозяин своей судьбы.

Мать. Будь осторожен, хозяин! Мужчина...

Сын уходит.

Явление 6

Мать осталась одна.

Мать. Ну, где же вы, люди? Я знаю, что делать. Я иду к вам. Теперь я готова.

Начинается шаманский танец.

Мелькают больные. Каждый раз тень Хозяйки белой вежи возникает у головы пациента.

На заднем плане идёт борьба зелёных и красных встолохов.

Внезапно танец останавливается.

Явление 7

Появляется просительница.

В её руках ребёнок.

Просительница. Мир тебе! Мой сын... Он очень болен. Муж ушёл на охоту. Что мне делать? Помогите!

Мать. Сын – это хорошо. Дай его разглядеть.

Просительница кладёт сына на шкуру.

Ребёнок удивительно похож на сына шаманки.

Посмотри на меня, сынок. Где болит?

Ребёнок не реагирует. Он без сознания.

Просительница. Он молчит... Всё время молчит...

Мать. Как ты горяч...

Явление 8

Появляется Она и направляется к ногам ребёнка.

Мать в ужасе. В этот момент Её фигура рассыпается. Это шутка чакликов.

Мать немного успокаивается. Теперь уже появляется Она.

Она идёт... к ногам ребёнка.

Мать. Как там... Увидишь у головы больного, – лечи. Увидишь в ногах – не помню. Забыла... Сынок, ты будешь здоров.

Мать отмахивается от Ней и начинает танец.

Мальчику становится лучше.

Ребёнок (приходя в себя). Мама... Кто эта тетя?

Просительница. Это хорошая тетя. Сынок, как ты меня напугал...

Ребёнок. Напугал? Разве у меня вместо пальцев выросли когти?

Просительница. Нет. Просто я очень люблю тебя.

Сын. И я тебя люблю. А ещё пить хочу. И есть тоже.

Женщины смеются.

Явление 9

Входит Сын.

Просительница. А вот и наш папа, сынок!

Мать. Сынок!

Сын. Мама! Это мой сын. Твой внук.

Мать. Это моя жизнь!

Чакли (*эхам*). Жизнь! Жизнь! Жизнь!

Мать протягивает руки к внуку, но внезапно появившиеся чакли оттесняют её от ребёнка.

Сын и его семья пропадают.

Начинается фантасмагория, в результате которой шаманка попадает на уже знакомую нам дорогу.

Явление 10

Шаманку встречают тени родителей.

Мать-Бабушка. Дочка! Ты пришла.

Чакли (*эхам*). Пришла! Пришла!

Мать. Я ведь не умерла?

Чакли (*эхам*). Пришла! Пришла!

Мать. Отец!

Отец-Дедушка. Всё знаю. Правнук...

Мать-Бабушка. Но что теперь будет! Ты нарушила запрет...

Чакли (*эхам*). Будет! Будет! Будет!

Отец-Дедушка. Цыц, мелочь! Всё правильно, дочка. Иди прямо.

Мать-Бабушка. Не бойся. Ты всегда шла прямо.

Чакли (*эхам*). Не бойся! Не бойся! Не бойся!

Мать. Прямо.

Путь продолжается.

Явление 11

У белой вежи Шаманку встречает Она.

Её руки всё так же прядут нить.

Она. Это ты, стукнутая?

Мать. Мир тебе.

Она. Наказ мой забыла. А ведь обещала...

Мать. Не забыла... Я...

Она. Может ты решила, что ты – это я?

Мать. А ты кто?

Она. До сих пор не догадалась? (*смеётся*) Я та, кто стережёт жизни.

Мать. Ты стережешь жизни людей?

Она. Я Смерть. Видишь эту нить? Иди за мною.

Она вводит шаманку в комнату со свечами.

Там толстая нить разделяется на пучок более мелких, каждая из которых подходит к низу стола, на котором горят свечи.

Вот они. Жизни. Загораются. Светят! Греют... Сгорают.

Мать. А где моя свеча?

Она. Вот эта.

Мать. Маленькая... Другие гораздо больше!

Она. Воск оплавится, и фитиль жизни погаснет. Лишь белый дым лёгкой рыбкой поплывёт туда, в сторону моря. У доброго человека рыба белая, у злого чёрная. Там, над морем, они станут частью вечной битвы добра и зла. Больше белых рыб – сияние зелёное, больше чёрных...

Мать. Красное... Неужели, это все?

Она. Всё. Хотя... Разрешаю. Отрежь кусок у любой свечи и приставь к своей.

Мать. Отрезать?

Она. Да! И останешься с внуком. Много добра ты принесла людям. Режь. Разрешаю.

Она наконец откидывает капюшон.

Постаревшая Шаманка видит себя в молодости.

Мать. Отрезать чужую жизнь?

Возникает северное сияние. Оно красного цвета.

Вокруг появляются тени пациентов.

Она. Да. Вот свеча твоего первого больного. Там свеча охотника, что схватился с медведем. Это свеча твоего сына.

Мать. А эти, незажженные?

Она. Твои правнуки. Вот нож.

Чакли (*подавая нож*). Нож! Нож! Нож!

Мать. А если ничего не резать... Какой рыбой обернётся моя душа?

Появляются чакли.

Чакли. Белой! Белой! Белой!

Появляются тени родителей.

Отец-Дедушка. Цыц, мелочь! Иди прямо, дочка.

Мать-Бабушка. Не бойся. Ты всегда шла прямо.

Мать. Всю жизнь я шла к этому морю. Я пришла.

На заднем плане появляются зелёные всполохи северного сияния.

Занавес.

¹Вежа – жилище жителей Лапландии, напоминающее ненецкий чум.

²Чакли – северные тролли.

ЭЛЬДАР АХАДОВ

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

НИНИКО

Забавно, когда человек трижды моложе тебя увлечённо рассказывает о чём-то, особенно, если ты это уже не раз слышал, причём, очень недавно. Худенькая, небольшого росточка девчужка приглашает прохожих, гуляющих по набережной возле моста, на прогулку по реке. А я особо и не возражаю: поехали! Рукой, сжимающей рекламный проспект, она, тараторя на ходу, приглашает следовать за собой, и мы вскоре пересекаем реку по мосту.

Возле пристани на скамейке сидит круглолицый розовощёкий плотненький паренёк. Предлагает взять с собой на катер вина. Оно тут же перед ним в кувшинах на столике не первой свежести. Рядом – поднос с ячейками для стаканчиков и сами пластиковые небольшие стаканчики. Жарко. Вечереет, но солнце ещё высоко.

Соглашаюсь на вино, но прошу девчужку добавить к винным стаканчики с водой. А воды нет. Есть только вино. Девчужка вопросительно смотрит на меня. Я настаиваю. Паренёк слышит меня, вскакивает и бежит к пожилому мужчине через дорогу за водой. Вскоре он возвращается с прохладным запотевшим стеклянным кувшином, в котором плещется вода. И передаёт его девчужке скороговоркой, словно дразнясь, повторяя её имя: «НиникоНиникоНинико!». Странная улица: с одной стороны вино, с другой – вода...

Нина смущается, опуская взгляд и, кажется, краснеет. Её смущение действует на розовощёкого Гию, как красная тряпка на быка. Он распаляется и уже почти вопит на всю улицу: «НиникоНиникоНинико!!!». Внешне она – почти ребёнок, и лишь приглядевшись, понимаю, что скромница в сереньком платьице с по школьному гладко зачёсанными к затылку волосами, скорее всего, учится в местном университете, а у моста подрабатывает вечерами на желании таких же заезжих туристов, как я, прокатиться по Куре. Да, чуть не забыл: мы на набережной в центре Тбилиси.

Подъезжает (чуть не сказал «подскакивает») речной катерок. Рыжий кудрявый подросток сжимает руль и вопросительно посматривает на берег. Нинико с подносом в пластиковых стаканчиках с вином и водой аккуратно перешагивает с берега в покачивающуюся и подрагивающую от нетерпения посудинку. Мотор набирает обороты. Берега отплыли от нас. И вот мы уже на середине реки, а над нами – тот самый мост.

Ажурное творение итальянца Микеле де Лукки – пешеходный Мост Мира, соединяющий улицу Ираклия II с парком Рике. Покрытый голубоватым стеклом, он находится между Метехским мостом и мостом Бараташвили. Как раз об этом и рассказывает мне сейчас Нина. Заслышав фамилию «Бараташвили», взглядываю в небо сквозь голубоватый стеклянный купол над мостом и невольно вспоминаю гениальные стихи грузинского поэта в вольном переложении Бориса Пастернака:

*Цвет небесный, синий цвет,
Полубил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.
И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.
Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.*

Это взгляд бездонный твой,
 Напоенный синевой.
 Это цвет моей мечты.
 Это краска высоты.
 В этот голубой раствор
 Погружен земной простор.
 Это лёгкий переход
 В неизвестность от забот
 И от плачущих родных
 На похоронах моих.
 Это синий негустой
 Пней над моей плитой.
 Это сизый зимний дым
 Мглы над именем моим...

А наш катерок, ведомый рыжим Авто (так представился мне наш юный речной капитан – Авто, то есть, если целиком, то Автандил) уже приближался к Метехскому мосту, сразу за которым высоко над обрывистым берегом высился памятник царю Вахтангу Горгасали, восседающему на мощном гигантском коне. А за спиной его – Метехская церковь XIII века. Нина с явным удовольствием повествует мне о подвигах святого грузинского царя, правившего здесь в незапамятные времена – в пятом и начале шестого веках, когда ещё не было никакого Тбилиси, а вокруг Куры стояли широкошумные леса с обильной дичью. Здесь, однажды, охотясь, царь Ибернии набрёл на тёплые целебные источники, которые и дали название будущей столице Грузии.

Мы поворачиваем влево вслед за рекой. Над изумрудными волнами то парят, то садятся на воду чайки! Слева – уходящая в даль каменная стена первозданного скалистого берега, увенчанная сверху непрерывной чередой зданий с балконами и балкончиками, нависающими над рекой, словно гроздь ласточкиных гнёзд. А позади – фантастический вид на гору с медленно опускающимся к ней палящим солнцем. На горе – старинная мощная крепостная стена с башнями – крепость Нарикала. Время её основания точно никому неизвестно, однако, говорят, уже в IV веке на этом месте стояла крепость Шурис-Цихе. Цитадель обрела современные очертания в XVII-XVIII веках, но, увы, как горестно продолжает рассказывать мне Нинико, сильно пострадала от взрыва порохового склада в 1827 году. А то она была бы ещё красивей. Хотя лично мне кажется, что и в нынешнем состоянии Нарикала просто неотразима. Особенно – на закате.

Странное ощущение – пустынная стихия зеленоватой куринской речной воды и буквально рядом – шумный, смеющийся крышами город. И сухощавый подросток (это внешне, а на самом деле, наверное, всё-таки старше) Авто в шортах, разлапистых сандалиях и коротенькой рубашонке, лихо управляющий рулём. И щебечущая воробушкой Нинико, которую я иной раз почти и не слышу из-за шума мотора и прохладного встречного ветра при ослепительном солнце... Мы возвращаемся. С берега уже доносится дурашливое звонкоголосое торжествующее «НиникоНиникоНинико! НиникоНиникоНинико! НиникоНиникоНинико!»

Я счастлив.

МОЕМУ СЫНУ

Сегодня случайно наткнулся в интернете на эту фотографию. Твой первый день на Земле, сынок! Не знаю почему, она у меня не сохранилась, но в интернете иногда можно встретить прошлое. И даже первый день. Твой. Сколько радости он принёс твоей маме и мне тогда. Как мы благодарны судьбе за то, что с того дня у нас есть ты... Это сложно передать словами. Когда-нибудь ты тоже станешь отцом и, наверное, почувствуешь и поймёшь, что тогда творилось в душе у меня и твоей мамы. Тебе радовались все: и твой дедушка, гордо поднимавший тебя к небу. И твоя бабушка, с удовольствием катавшая тебя в коляске. И твоя сестрёнка. Помнишь, как ты тянулся к музыке вместе с ней? И старшая сестра, носившая тебя на руках. И старший брат, осторожно, чтобы не разбудить тебя, заглядывавший в твою кроватку... Когда я уезжал на Север по работе, ты так трогательно тянул ко мне ручки, так умоляюще смотрел, что... мне было очень тяжело, сыночек. Это было, наверное, самое трудное в моей жизни. А помнишь, как ты забирался в папин чемодан, чтобы я нечаянно увёз тебя с собой, мой хороший? Это было и забавно, и так

по-детски наивно и, так трогательно. Когда ты был ещё совсем крохой, ты умел так божественно улыбаться, ни у кого в мире я не видел прежде такой улыбки, сыночек. Там, вдалеке от тебя, в самые тяжёлые минуты воспоминание об этой улыбке, чище и светлей которой нет ничего в мире, не раз давало мне силы жить дальше, преодолевая лютый холод, полярную темноту и одиночество... Ты ждёшь меня и сейчас. Осталось несколько дней, сынок. Я приеду. Потерпи чуть-чуть. Ты стал таким большим, почти как твой старший брат. Ты ездил на коне, научился плавать, играть в футбол, помогать маме, а совсем скоро – пойдёшь в школу. Но сначала мы поедem к бабушке. Она тоже ждёт тебя. Как я соскучился по тебе. Наверное, как и ты по мне, сыночек. Я обниму тебя крепко и нежно, как в прошлом году на корабле. Ты прижмёшься ко мне, такой родной. Мы не будем тратить слова, просто прижмёмся друг к другу... Целую тебя. Твой папа.

МАМА

Жил-был человек без разницы. Почему? Звали его так. Случится что-нибудь, а он молчит. Подоидут, спросят на всякий случай: «Тебе-то что?». «Мне без разницы», – отвечает. Очень удобно. Долго жил. Ни красные, ни белые, ни коричневые, ни голубые – никто его не трогал. Ни у кого в нём нужды не было. И вот явилась смерть. «Пошли», – говорит. «Куда?», – побледнел человек. «А без разницы», – отвечает она. Завопил человек: «Люди! Пожалуйста, заступитесь! Смилуйтесь!». Никого нет рядом. Сник человек, всю жизнь свою припомнил от самого начала, от маминых тёплых рук, родных, ласковых, спасительных, всё ему прощавших когда-то. Нет их давно. Неоткуда ждать ни помощи, ни сочувствия. Вздохнул человек. Поднял голову. А смерти нет... Мама заступилась.

ЧИСТАЯ ДУША

Маялась душа грешными делами. Самой покоя не было и другим от неё доставалось. Послали её к чёртовой матери. Пошла. Та зыркнула волчьим взглядом, вывернула душу, вынула из неё грешные дела ребятишкам своим на забаву и отпустила. Идёт пустая душа, колышется на ветру. Дунул он посильнее. Надулась душа ветром, затрепетала и полетела куда глаза глядят. А глаза у неё огромные – в полнеба, туманные, с дождями, голубые в просветах. Что там, вдали, шумит? Неужто море? Что там, вдали, светится? Неужто ночной костёр? Эй, душа! Лети сюда. Не бойся. Никто не обидит. Ночью у костра возле моря все песни – твои, все звёзды – твои, все слова – для тебя, чистая душа... доверчивая... безгрешная...

ТИШИНА

У них была большая дружная советская семья, где всё внутреннее, семейное, держалось на материнских плечах, поскольку отец вечно был занят своей важной государственной работой и широкой общественной деятельностью. А в доме фактической хозяйкой являлась мама, которая, впрочем, никогда этого не показывала, тем более, в присутствии мужа. Она была мудрой женщиной. Со взрослыми. Детям же доставалась вся её нерастрченная нежность. Особенно младшенькому сыночку. Красавчику и живчику. Не только она, но и его старшие сестры и братья всячески баловали мальчишечку, не знавшего отказа ни в чём. Поскольку семья была большая, а папа – крупный государственный человек, в доме в папином кабинете стоял на столе телефон, а второй – параллельный – висел в коридоре возле двери. Днём в квартиру приходила специальная домработница Нюра, много лет помогавшая маме по хозяйству. Нюра так свыклаась со всеми в доме, что ощущала себя практически членом этой семьи. Другой у неё и не было...

Однажды в южном приморском городе, куда вся семья приехала отдыхать в санатории вместе с отцом, папа решил посетить местный рынок. Дружное семейство перемещалось вслед за папой, безотказно, как дед Мороз, покупавшим детям всё, что они пожелают. Когда руки у всех уже основательно отяжелели от фруктов и ягод, и папа уже искал взглядом дорогу к выходу с рынка, младший сынок заметил прилавков с ярко-красным кизилом. Он подбежал к прилавку и начал визжать, требуя немедля отдать ему все эти красные красивые плоды. Для папы такое сыновнее поведение стало неприятной неожиданностью. С каменным лицом он подошёл к ребенку, попытался взять его за руку и увести: всё, на сегодня хватит, надо слушаться старших. Однако, ребёнок, истерично крича, вырвался, упал навзничь и начал кататься по земле. Отец от неожиданности застыл на несколько мгновений, затем сгрёб сына и быстрыми крупными шагами направился к поджидавшему их автомобилю. Ребенок продолжал визжать и брыкаться. Дома папа вынул ремень из брюк и выпорол сына...

Прошло очень много лет. Дети выросли, завели свои семьи, разлетелись по другим городам. Мама, увы, умерла. Отец и приходящая домработница Нюра остались единственными людьми, оживлявшими пустую огромную квартиру с высокими потолками. Отцу шёл уже девятый десяток, младшему сыну – пятый. Уже дети младшего сына сделали его, известного на всю страну учёного-биофизика, молодым дедушкой. Он прилетел в город на крупную международную конференцию. Вечером, поселившись в отеле, позвонил старенькому отцу и договорился о встрече. Но случилось так, что на следующий день светило биофизики почувствовал себя плохо. Врачи определили у него... детскую болезнь – корь. Ему предложили госпитализацию, однако, он помнил о намеченной встрече с отцом, созвонился, чтобы извиниться, и услышал его предложение: не ложиться в больницу, а отлежаться у него, поскольку места для «карантина» в квартире предостаточно, а добросовестный уход папа и домработница Нюра, безусловно, гарантируют. И сын согласился. Это были удивительные дни, когда престарелый папа ухаживал за своим сыном. Они часами общались обо всём на свете, чего раньше не случалось никогда. Папа, опираясь на трость, степенно ходил в ближайшую аптеку за лекарствами для взрослого сына. На ночь он даже отключал телефон, чтобы ничто не тревожило сна его выздоравливающего пациента. Им было хорошо вдвоём, поэтому Нюра заходила ненадолго. Лишь раз, когда во время разговора сын спросил его «а ты помнишь, как выпорол меня однажды?», отец с отсутствующим взглядом ответил «не помню» и вышел из комнаты...

Сын выздоравливал. Неумолимо приближалось время расставания. Оба избегали разговора об этом. Но однажды наступило утро, когда сыну надо было уезжать. Он собрал вещи, вышел в коридор и услышал громкий разговор, доносившийся из кабинета отца. Заглянув в кабинет, он увидел отца, беседующего с кем-то по телефону, и стал показывать знаками, что уезжает и надо бы попрощаться. Отец кивнул ему и помахал свободной рукой, продолжая разговаривать. Сын подождал. И повторил знаками то же самое. Отец опять кивнул и помахал рукой. Раздосадованный сын вышел. Ему было и обидно, и больно. В коридоре у выхода он не выдержал и поднял трубку параллельного телефона, чтобы понять: чья же беседа оказалась для отца дороже и важнее прощания с ним? Приложив трубку к уху, он застыл на месте, не в состоянии положить её обратно, только теперь понимая всё... В трубке стояла глубокая нестерпимо долгая мучительная тишина. Аппарат не был подключен к связи.

ЗАЯЦ БЕЛОКРЫЛЫЙ

Жил-был заяц белокрылый. Догнали его в чистом поле волки, обступили кругом, не сбежать. А он крыльями белыми взмахнул, словно лебедь, и всё – нет его. Вернулись волки с охоты домой, рассказали детям своим про зайца белокрылого, подивились и вскоре забыли: некогда вспоминать, волка ноги кормят. А дети помнят про зайца. У них на сказки долгая память.

РОЗОВЫЙ ПОРОШОК ЗЕЛЁНОГО ЦВЕТА

Жил-был волшебный розовый порошок зелёного цвета. Жил он в маленькой изящной пудренице пожилой феи. Когда она собиралась в гости к подругам или на бал фей, то обязательно пудрила розовым порошком носик и щёчки. И – тут же становилась юной красавицей. Подруги знали об этом и иногда просили чуточку порошка для себя. Добрая фея никогда не прятала пудреницу и никому не отказывала. Но изредка некоторые особы пытались воспользоваться порошком без её ведома. Они не знали, что если использовать порошок втайне, то вскоре он зеленеет. И тайное становится явным...

Однажды фею пригласили на бал в великолепном дворце у берега моря. Фея помолодела с помощью порошка и так много танцевала на балу, что, наконец, утомилась и вышла на балкон подышать свежим воздухом. А заодно – и припудрить носик. Но едва она приоткрыла пудреницу, как свежий морской ветерок сунул в неё любопытный носик. Розовый порошок так обрадовался внезапному гостю, что тут же полетел ему навстречу. Ветерок чихнул, и весь порошок оказался на нём. Смутьившись, ветерок нырнул в ближайшие кусты. Они тут же ярко зазеленели, но ничуть этому не огорчились, а покрылись нежными розовыми бутонами. Довольный ветерок улетел спать, раскачиваясь на морских волнах.

А фея ещё долго любовалась прекрасными розами, вспоминая свою молодость, и мысленно благодарила морской ветерок за эти чудесные воспоминания...

УЛЫБКА ВО СНЕ

Больше всего мне нравится наблюдать за тобой, когда ты спишь. Боже мой, как красиво ты спишь! Как прекрасна твоя нежная доверчивая улыбка! Даже представить себе не могу, кому или чему ты так улыбаешься там, во сне! Но смотреть на тебя в такие мгновения – бесконечное удовольствие. Всё твоё существо будто озарено глубоким внутренним светом. Нет ни времени, ни пространства, ни мирских забот, лишь одно великое блаженство сна, в котором вероятно находится нечто такое, что недоступно никому из бодрствующих. Отблески тех невесомых мгновений так и мерцают в моей душе. Да хранят тебя великий Владыка миров и все ангелы горнего света!

СЧАСТЬЕ БЫТЬ ДУРОЙ

Иногда приходится слышать от мужчин: «Почему дуракам так везёт? А мне, умному, пронциательно-му, ну, никак?». А ещё чаще – от женщин: «Почему я, такая красивая, начитанная да умная, так одинока, несчастлива и без гроша, а эта моя подружка – ну, дура душой, а счастлива – и при муже, и при семье, и в доме достаток?». Может быть, не всё так просто?

Быть душой – великое искусство. Кому-то дано от природы, кому-то приходит с опытом. Умная денежку в копилочку складывает, вечно жадничает, ни с кем не делится и в долг не даёт, и, в конце концов, на своей же жадности попадает и прогорает дотла, а дура кормит бездомных кошек, бродячих собак и нищим подаёт, а ей всё прибывает. Умная с первого дня замужества проверяет супруга на каждом шагу, выслеживает его, наконец, эффектно припуждает к позорному столбу и указывает на дверь. А дура душой восхищается мужем, не ревнует его даже тогда, когда подружки хором намекают ей на что-то видимое им и абсолютно неинтересное ей. И супруг, быть может, даже в чём-то когда-то виноватый, не то что никуда не уходит, а со временем привязывается к ней всей душой так, что даже её очевидные глупости кажутся ему милыми приятными пустячками, украшающими их совместную жизнь. Быть душой – счастье.

ДЕРЕВО И ПРОКУРОР

Жили-были добрые люди. Вызвал их к себе прокурор и начал допрашивать: «Говорят, чтобы оставить о себе добрую память, нужно сделать доброе дело. Признавайтесь: что мне нужно сделать?». «А что ты умеешь?». «Ничего, только сажать». «Посади дерево, вот и будет о тебе память», – ответили прокурору добрые люди. Удивился прокурор, посадил дерево, а оно вскоре засохло.

Вызывает он добрых людей опять на допрос. Выпускать-то он их после прошлого допроса никуда не стал, в тюрьме придержал на всякий случай. Как знал, что пригодятся. Привели их к нему под охраной: «По вашему совету посадил я дерево. Хотел доброе дело сделать. А дерево погибло. Кто виноват?». «А куда посадил?». «Как это – куда? В камеру! Как обычно». «А надо было в землю».

И посадил прокурор дерево в землю. И выросло оно. Много лет прошло с той поры... И прокурора того давно нет. И тюрьмы его нет. А дерево стоит – большое-пребольшое. В ПАМЯТЬ О ДОБРЫХ ЛЮДЯХ.

УБИТАЯ ШКУРА

Понадобились старому матёрому медведю деньги. Срочно и много. А где их много взять? Побежал в ломбард шкуру свою сдавать. Осмотрел его приёмщик и спрашивает:

- Ты какой медведь: бурый, белый, гризли или гималайский?
- Свой я, свой в доску. В чём дело-то?
- Да, шкура у тебя какая-то – убитая вся. Не пойми что.
- Жизнью побилу маленько. Примешь?

Не приняли шкуру. Вернулся в берлогу, спать завалился. Ворочается с боку на бок;

– Ну, и что, что шкура убитая? Зато сам – живой. У других – и мех мягкий на ощупь, и запах приятный, а сами-то где? Чучела музейные...

ПОХОРОНЫ АВТАНДИЛА

На похороны Автандила пришло много народу. Честно говоря, он сам не ожидал, что столько народу придёт: вся площадь перед домом людьми заполнена! Думал, подойдут два-три человека, он им стол накроет, посмеются они над его шуткой, ну, поворчат немного, а потом будут сидеть до самого утра, молодость буйную вспоминать, проделки разные, беседовать с ним обо всём на свете, душой делиться. И всем будет хорошо. Даже кино такое есть: про то, как человек поминки по себе делал, и всем было весело, и этому человеку – тоже. Автандил, честно говоря, надеялся, что никто всерьёз не поверит в его кончину, про кино вспомнят. Поймут, что это шутка такая. Нет. Поверили. Не вспомнили. Пришли.

Дочка из соседней комнаты кричит: «Вот теперь, папа, выкручивайся, как хочешь! Люди хоронить тебя пришли! Выгляни в окно хотя бы для приличия, скажи им что-нибудь. Обрадуй! Рукой помаши!».

А что сказать? Грустно ему было вчера. Жутко тоскливо. А все люди занятые, деловые, никто со стариком по душам говорить не хочет. Некогда им! Кому он только ни звонил, кого только ни упрашивал навестить его. Всем некогда.

И вот когда Автандил, наконец, понял, что никто к нему не придёт, он обиделся. И сочинил – от обиды – объявление: «Семья уважаемого Автандила с прискорбием сообщает о его скоропостижной кончине. Прощание с покойным состоится завтра на площади перед его домом ровно в 15.00. В связи с трауром в дом без приглашения раньше времени просьба не заходить». И отнёс своё объявление в местную газету, которую по праву так все и называли – «Городская сплетница».

Заказ у него приняли, деньги – тоже, за срочность – отдельно, чек выписали. Никто даже не поинтересовался: как это так, почему покойник сам объявление даёт? Главное, что платит хорошо. А думать зачем? Деньги делать надо, делом заниматься, делом!

Вернулся Автандил домой, все телефоны отключил, дочке-студентке, опалевшей от папиной выходки, всё спокойно объяснил, а телефон у неё до утра отобрал – на всякий случай. Входную дверь закрыл на ключ. На звонки и стуки в дверь не отвечал.

И вот настал час скорби: пятнадцать ноль-ноль. Что-то должно было произойти. Но ничего не происходило, хотя сама по себе ситуация никак не могла рассосаться. Народ скорбел и не расходился. А Автандил всё ещё не мог решиться ни на что. «Папа, если ты выйдешь и скажешь им правду, они тебя убьют!» – страшным шёпотом произнесла дочь, обняла его и заплакала – «Папочка, дорогой! Не выходи!». Автандил любил свою дочь, после ранней смерти супруги, воспитывал её один, второй раз не женился. Он мог вынести ради неё всё, что угодно, но он не мог показать ей перед всеми, что её папа – трус, что её папа прячется в доме и кого-то боится. Вот этой мысли он перенести не мог. Автандил нежно отставил дочку в сторону и пошёл к входной двери.

Возле двери он обернулся и сказал: «Всё будет хорошо, дочка!» – и добавил, – «что бы ни случилось: на улицу не выходи! Это приказ. Выйдешь – обижусь». И вышел за дверь.

Дочь бросилась к окну, раздвинула занавески и с замиранием сердца стала глядеться сквозь слёзы, почему-то тут же хлынувшие из глаз.

Автандил вышел из дома. Толпа замерла. Наконец, кто-то не выдержал:

– Так ты не умер?

– Вай! Кто вам такую чушь сказал? Откуда такие слухи!?

– В газете напечатано! Вот!

– Что «вот»?! Эти сплетники что угодно сейчас печатают! А вы всё верите! Я живой, здоровый! Идёмте в дом! Теперь долго жить буду!

Люди засмеялись. Заговорили все разом и хлынули в дом. Есть о чём поговорить! Будет что вспомнить...

ДМИТРИЙ КУРИЛОВ

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ЛЮБВИ

памяти Ф.С. Фицджеральда

Утро было как утро. Владимир Александрович надел очки, натянул на правую ногу протез, прополоскал рот, вставил челюсть и, опираясь на палочку, пошёл по коридору на процедуры, машинально здороваясь и механически улыбаясь. Его блуждающий взгляд ни на чём не фокусировался, всё вокруг было знакомо, привычно, пейзаж за окном уныл и пасмурен, люминесцентный свет в коридорах мерцал так же размеренно, как и вчера, как и в прошлом году, и пять, и десять лет назад.

Куплетка в процедурной была свободна. Он стянул штаны и лёг на живот в ожидании витаминного укола. Вот сейчас медсестра Анна Михайловна (60, одышка, бабушка трёх внуков, поёт в церковном хоре, по воскресеньям ходит на могилу мужа и разговаривает с ним пять минут), шаркая, выйдет из-за ширмы и сделает ему укол. Будет больно, тупо, а потом тепло.

Но тепло наступило чуть раньше. Оно распространялось по комнате незримыми волнами, баюкая полуголое тело Владимира Александровича. Оно нежно приближалось и мягко усиливалось. И, наконец, остановилось непосредственно над.

Владимир Александрович оглянулся и даже немного испугался. Это была отнюдь не Анна Михайловна. Вместо неё, выпуская из шприца мелкую струю, на рабочем месте присутствовал молодой ангел женского пола с большими зелёными глазами, чем-то напоминавший его школьную любовь Свету Яблокову. Ангел улыбался во все свои белые ровные зубы. И что-то шелестел на ангельском мелодичном языке. Владимир Александрович прислушался.

– Анна Михайловна заболела. Теперь уколы по утрам вам буду делать я.

Но укола не последовало. Ни боли, ни тупости. Одно концентрированное тепло. Животворное лекарство, легко пройдя через ягодичную кожу, быстро распространилось по всему телу, проникло в сердце, в душу и даже в мозг, рождая давно забытые приятные ассоциации. Владимир Александрович испытал огромный прилив забытой нежности, и от впечатления даже прослезился. А через секунду осознал, что уже стоит перед медсестрой и прочувствованно трясёт её за руку.

– Спасибо вам! Вы... вы – фея! Никто – вы слышите? Никто в жизни так нежно не делал мне укол! Кстати, что вы мне ввели?

– Бэ-двенадцать, – пожала плечами фея в нежно-зелёном халате. – Во всяком случае, именно так написано на упаковке...

– А как вас зовут, ангел мой? – спросил Владимир Александрович.

– Любовь Дмитриевна. Можно просто Люба.

– Что вы, какое «просто»?! Неет, я буду звать вас Любовь!

– Зовите, как хотите, – улыбнулась Люба. – Только трусы не забудьте сзади подтянуть. А то как-то несолидно, в вашем возрасте, по коридору с голой попой...

– Вы, безусловно, правы, Любовь, – пробормотал покрасневший, как рак, Владимир Александрович, пытаясь к выходу и одновременно подтягивая штаны.

По ходу движения обратно в палату Владимир Александрович как-то машинально и невзначай приобнял шедшую навстречу посетительницу среднего возраста, а перед самой палатой поцеловал в губы врача Елену Павловну (42, разведена, двое детей, трёхкомнатная в центре, иногда пьёт по ночам чебоксарский бальзам).

Назавтра укол Владимиру Александровичу снова делала Люба. Как и на следующее утро. И на следующее. И надолго. Владимир Александрович возмечтал, что «навсегда».

Дальнейшие события взбудоражили всю общественность дома престарелых. Не могли не взбудоражить. Потому что с каждым уколом Владимир Александрович чувствовал себя всё лучше и лучше. После пятого укола у него начали расти волосы на лысой прежде голове, причём не седые, как ранее, а светло-русые, как в детстве. На двенадцатом уколе стала возвращаться мужская сила, на семнадцатом прорезались зубы по всему периметру рта, а на двадцать первом начала расти ампутированная семь лет назад правая нога. Ко всему прочему он стремительно худел, молодел и одновременно наращивал мускулатуру.

Разумеется, дом престарелых атаковали журналисты, в том числе телевизионщики. И разумеется, сей феномен был преподан руководством как успехи местной медицины. Репортёры пробовали брать интервью у Любови Дмитриевны и Владимира Александровича, но они оба заговорщицки помалкивали и тошно улыбались.

Через два месяца из окна процедурной (не волнуйтесь, у нас первый этаж) дома престарелых под Сыктывкарком вылез молодой человек, в котором разве что рост и цвет глаз напоминал Владимира Александровича. Глаза его лучились усталым счастьем. Лёгким (и в чём-то даже показным) движением руки он выбросил в никуда ненужные очки, улыбнулся солнышку во все свои белые и молодые зубы – и бодрой уверенной походкой направился к воротам заведения...

Он шагал по шоссе, и всю дорогу, до самой Москвы (1307 км) в ясном небе сияло ласковое солнце.

МЯ

С утра Людмилу Алексеевну что-то беспокоило. Что-то где-то неприятно нудело, непонятно где и неизвестно что.

Она встала, нарочито спустив на пол первой правую ногу (хотя левая, как обычно, рвалась вперёд, и стоило весьма серьёзных усилий её обуздать);

- на всякий случай трижды переплюнула через левое плечо (пусть всё плохое останется во сне!)
- и выпила две таблетки цитрамона (а вдруг заболит голова?)

Дел у Людмилы Алексеевны было много – умыться, как следует почистить зубы, разогреть завтрак, позавтракать – и всё это надо было успеть к утреннему повтору сериала (Людмила Алексеевна всегда пересматривала сериалы с утра – так сказать, на свежую голову).

Начал накрапывать дождик, и Людмила Алексеевна решила снять бельё, висевшее в огороде. Взяла тазик и пошла в огород, скрипя половицами.

Пришла в огород, начала снимать одну за другой простыни (2 шт.), трусы (5 шт.), ночнушку (1 шт., зато новая, всего один раз надёванная), халаты (2 шт., домашние, линялые, застиранные до дыр), и на четвёртом полотенце вдруг остановилась – что-то ей померещилось. Какой-то звук. Невнятный, едва похожий на кошачье попрошайничество.

Людмила Алексеевна поставила тазик на землю и пошла на звук.

И вдруг услышала его прямо возле себя. Пригляделась – и чуть не упала от изумления. Была вынуждена ухватиться рукой за ветви.

Удивительное было совсем рядом. Если смотреть мельком, не задерживая взгляд, можно было подумать, что это мальчик лет пяти, худенький и... зелёный.

Он лежал под облетевшей яблоней, маленький и страшненький, точно сказочный Щелкунчик, глядел на неё во все свои большие круглые жалобные глаза и писклявым голоском провозглашал: «Ммя! Ммя!!! Ммя!!!»

Людмила Алексеевна взяла его на руки и стала баюкать, но он завопил ещё громче:

– Ммя-а-а-а-а!!!!

Голосок всё креп, появлялись неприятные скрежещущие металлические нотки – найдёныш явно что-то требовал и неотрывно пялился на Людмилу Алексеевну. У неё мелькнула даже мысль утопить крикуна, но она тут же устыдилась и, покачивая, понесла на кухню.

Найдёныш закатил глазки и, казалось, задремал. Людмила Алексеевна посадила его на старый диван, а сама занялась разогреванием завтрака.

«Ммя!» – сказал тихо и тревожно зелёный. Скринула калитка, послышались шаркающие шаги. Зелёный испуганно завращал глазами.

– Это у вас с утра кошки развешались? – просунулась в дверь невыспанная голова соседки Антонины Терешковой.

– Нет, не у нас! – испуганно возразила Людмила Алексеевна, прикрыв прищельца длинным полотен-

цем. Пришелец недовольно заурчал-завибрировал, словно радостная кошка. – Вы же знаете, я кошек не держу. У меня на них аллергия.

– Да я помню! – откликнулась Антонина и мнительно забегала глазками. – А, может, это и не кошки... И ушла, сомневаясь.

Людмила Алексеевна развернула полотенце – и совершенно зря. Потому что соседка вернулась.

– Дорогая моя, что-то вы стали на редкость забывчивы! – сказала она, не то жалея, не то осуждая, и поставила на пол тазик с бельём и ещё какую-то вещь размером с игрушечный самоварчик. – Костик, что ли забыл, на огороде? Вещь, вижу, импортная, металлическая, не дай Бог заржавеет от дождя.

(Костик был внук Людмилы Алексеевны, пошёл этой осенью в школу, живёт в центре города, в то время как Людмила Алексеевна – на окраине, в пригороде).

Людмила Алексеевна стояла, не дыша, загораживая всем своим корпусом огородного найдёныша.

– Что с вами, Людмилочка? – озаботилась Антонина. – На вас лица нет!

– Ничего-ничего, у меня с утра бывает. Магнитные бури. Сейчас кофе выпью, и всё.

– Заходите, я вас отваром попотчую. Специально от магнитных бурь.

Людмила Алексеевна кивнула, и соседка окончательно ушла.

Людмила Алексеевна обернулась. И тут же съёжилась под цепким взором пришельца.

«Ммя!» – требовательно пискнул зелёный. Потом он увидел самоварчик, который приволокла соседка и выкрикнул будто бы обрадованно: «Ммя!!!»

По ободку самоварчика побежали разноцветные огоньки. И погасли.

«Ммя» – вздохнул малыш. Потом с подозрением посмотрел на Людмилу Алексеевну и заворчал «Ммя-мя-мя-мя-мя-мя...»

– Да не нужен мне твой самовар! – обиделась Людмила. – На!

Взяла железяку и отнесла к нему.

Человечек приподнял тоненькую ручонку, погладил самоварчик и нежно замурлыкал «Ммя-мя-мя-мя-мя». По железяке снова побежали разноцветные огоньки. А человечек вдруг как-то болезненно отрыгнул, на мордочке его обозначилась кислая улыбка, он сделал несколько глотательных движений и жалобно промямлил:

– Ммя...

И погладил себя по животу.

Людмила Алексеевна призадумалась. Ведь ей же неизвестно, чего эти мямли едят. Она готова была пожертвовать половиной своего завтрака – да возьмёт ли, не побрезгует?

При виде котлеты иноземец сморщился; понюхав молоко, скрючился; а от творожников со сметаной отвернулся и чуть было не вывернулся наизнанку. И расстроено добавил:

– Ммя...

Затем попытался откусить ложку и тут же взвизгнул – ложка явно оказалась ему не по зубам.

Отказался мямля и от овощей, и от фруктов, и от сыра с маслом, а консервные кильки с выколотыми глазами так его напугали, что он спрятался под стол.

И тут же из-под стола раздалось победное «Ммя-а-а!!!».

Людмила Алексеевна наклонилась. Довольный мямля хрумкала карндаш.

– Мя? – вежливо протянул он карандаш Людмиле Алексеевне.

– Спасибо, я карандашей не ем, – ответила Людмила.

Мямля пожал плечами и с удвоенным аппетитом принялся уплетать карандаш. Съев его, он облизал пальчики и вопросительно уставился на Людмилу:

– Мя?

Людмила Алексеевна порылась в ящике и положила перед иноземцем две коробки цветных и горсть полуисписанных простых карандашей. Мямля схватил по карандашу в каждую руку и, ликуя, начал их поочерёдно грызть.

Людмила Алексеевна аккуратно закрыла двери, отправилась в «Канцтовары» и истратила там полторы пенсии на питание для гостя.

Спать мямлю Людмила Алексеевна уложила в старой детской коляске, оставшейся от Костика и пылившейся в сарае на всякий случай. Вот она и пригодилась.

Найдёныш улёгся, не выпуская изо рта карандаша.

– Спокойной ночи, мямля! – зевнув, сказала Людмила Алексеевна.

– Ммя-а... – ласково мяукнул гость. И тоже – очень сладко – зевнул.

Людмила Алексеевна погасила свет, подкатила коляску поближе к дивану и стала её медленно и плавно покачивать, приговаривая в такт «А-а-а... А-а-а...».

Мямле это, видимо, понравилось. Кажется, он даже засмеялся – весело и дребезжаще:

– Ммя-а-а-а!

Уснул он быстро. Это Людмила Алексеевна поняла по довольному урчанию. Потом урчание прекратилось, и установилась тишина, нарушаемая только тихим, нежным шелестом.

Это мямля шелестел во сне. Трогательно и нежно.

Проснулась Людмила Алексеевна от многократного отрывистого мявканья. Она открыла глаза и обнаружила, что вся спальня буквально запружена многочисленными мямликами. Все они были одеты в свои самоварные скафандры. Все, кроме одного. Который полусидел в коляске и растерянно мямлил в ответ.

Похоже, он рассказывал землякам удивительную историю своего спасения – как простая русская женщина спасла его, несчастного мямлика, трагически свалившегося на холодную землю, накормила вкусными карандашами, обогрела и спать уложила.

При этом он то и дело уважительно и смущённо поглядывал на Людмилу Алексеевну. А его соратники ехидно подхихикивали – то есть подмямживали, крутили головами и чем-то язвительно цокали.

Людмилину мямля оделся в свой самоварный скафандр и протянул ручки к Людмиле Алексеевне. Она тотчас же взяла его на руки. В скафандре он был намного тяжелей.

– Бедненькие, как же вам тяжело двигаться-то в такой амуниции! – посочувствовала Людмила.

– Ммя... – вздохнул мямля.

Один из пришельцев направил на Людмилу Алексеевну какой-то прибор, что-то щёлкнуло и вспыхнуло, а потом из прибора выскользнул пузырь, похожий на воздушный шарик на ниточке. Только внутри было объёмное изображение Людмилы Алексеевны с мямлей на руках.

Все мямлики восторженно зацокали, а Людмилину мямля соскочил на пол, оглянулся и что-то нежно прошелестел, глядя на Людмилу влюблёнными грустными глазами.

– И тебе приятно! – умиленно отвечала Людмила Алексеевна. – Залетай как-нибудь ещё в гости. Я тебе карандашей накоплю – много! – показала Людмила Алексеевна. – Вагон и маленькую тележку!

Мямля вздохнул и выпрыгнул в окошко вслед за товарищами.

В огороде стоял самовар размерами с сарайку. Все мямлики попрыгали в него, самовар заурчал, замигал лампочками и улетел в синее небо. Людмила Алексеевна долго махала ему вслед белым платочком.

С той поры все вечера Людмила Алексеевна проводит у окна. Смотрит на звёздное небо и грызёт карандаши. И тихонько шелестит.

Всё-таки никто не умел так шелестеть, как этот мямля.

Экое мелкое существо – а столько нежности и трогательной ласки...

НОЧНЫЕ ВИЗИТЫ

На кухне послышалась какая-то мелкая возня; и не то что бы возня – какое-то шебуршание. Валентина привстала, прислушалась – шебуршание возобновилось. Валентина накинула халат, на всякий случай застегнула пару пуговиц и прихватила со стола ножницы – мало ли.

Шла по квартире неслышными, осторожными шагами. Дверь на кухню была существенно приоткрыта, и потому неожиданного визитёра она разглядела сразу.

– Коля! – выдохнула, как прошелестела – и выронила ножницы.

Он стоял всё в той же засаленной майке без рукавов, в трико с протёртыми коленками. В одной руке держал рюмку с самогонкой, в другой вилку с кусочком сала. От неожиданности кусочек сала свалился на пол, а сам Николай покаянно промямлил:

– Знал я, что этим всё кончится! – и рухнул на табуретку.

Этого быть не могло – но было. Валентинин муж, скончавшийся два месяца назад, сидел как ни в чём не бывало на кухне в обычном, родном интерьере.

Валентина приземлилась рядом.

Посидели, потаращились.

– Вас там что, не кормят? – собравшись с духом, спросила Валентина.

– Соображаешь, что говоришь-то? – откликнулся муж. – Мы же духи. На фи́га нам питание?

– А чего ж тогда это-то? – повела Валентина рукой над столом.

– Привычка. Да и скучаю я.

– Понятно... Я тоже, это... Сильно по тебе соскучилась.

Ещё посидели. Николай тяжело вздохнул:

– Можно, я это – допью?

– Пожалуйста, пожалуйста! – засуетилась Валентина. – Может, тебе картошечки пожарить?

– Благодарствуйте. Картошечки не надо.

Николай жажнул рюмку, крикнул, закусил. А Валентина на него смотрела украдкой – осунулся, даже слегка пожелтел. И носик заострился.

– Ну, пойду я. Пора. А то хватятся... – пробубнил Николай. И тишком к двери стал пробираться. И не шёл он, а как-то плыл. Дух же.

Валентина всплакнула. Окликнула, когда он в прихожую проплыл:

– Коль, ты это... заходи ещё...

Николай застыл на мгновение, кивнул, не оглядываясь – и растворился.

С тех пор зачастил он к Валентине. И всегда ждала его на кухне стопка водки и закусь – джентльменский набор.

Прибывал дух без четверти двенадцать. Ровно в полночь убывал. Выпивал стопку, закусывал да вздыхал в уголке. Вот и всё явление.

А Валентине и то радость.

А однажды дух разоткровенничался. Сообщил, что живёт он в аду, то есть не совсем чтобы в аду, а как бы в пред-аде. А то, что ходит он домой каждую ночь – это его наказание. Потому как при жизни был он горьким пьяницей – вот и обречён он на вечное похмелье. И не он один такой. Почитай, все умершие мужики из нашего города подобным образом маются.

Так уж у них в аду заведено: кто чем грешил, тот тем и мается.

– О как! – подивилась Валентина. – А ежели женщина, скажем, в жизни блудовала – что ж, она и там блудовать продолжает?

– Продолжать-то продолжает, – нахмурился Николай, – да не приведи Господь такое продолжение. Нюську-то с Третьей улицы Строителей помнишь? Год назад преставилась?

Как не помнить Нюську. Другой такой распутницы бел свет не видывал. Во всяком случае, в нашем микрорайоне – это уж точно.

– Так вот, – угрюмо продолжил дух. – В наказание дадены ей три сладострастных чёрта, которые в очередь её, горемычную, пользуют. Она и хотела бы остановиться, уж извелась вся – ан не пускают. Не положено.

– Ну надо же! – охала Валентина. А потом помрачнела: – А что у вас там общее с женщинами помещенье-то? Не шалите?

– Какое там! – махнул рукой Николай. – Мы же духи, притом наказанные. Каждый мается со своей печалью, до остальных ни времени, ни дела нет.

– Скучно тебе? – жалеет Валентина.

– Не то слово! – вздыхает Николай.

Хочет Валентина погладить мужа, приобнять – да невозможно, призрачный он, прозрачный. Руки сквозь силуэт проходят и не чувствуют ничего.

Вот такая грустная история.

Жалко Валентине мужа – мочи нет. Из-за этой самой жалости сделалась она очень набожная – часами в храме стоит, молит Бога простить непутёвого Коленьку. Смотрит на лик то со слезой, то с укоризной. И такая у них с ликом гармония – что стали к ней другие женщины присоединяться. Поплакать, попереживать совместно. Всё как-то легче.

И вот явился вдруг Николай одет не по-обычному. В кепочке, в костюме, рубашка белая наглажена. А на груди значок победителя Соцсоревнования. Весь так и золотится, так и сияет.

– Ты чего это такой? При параде. Будто предложение делать?

– Так это, – засмутился Николай. – Переводят меня. Как бы повышение...

– Это как это? – удивилась Валентина.

– Да в чистилище. Отмолила ты меня. Вот, попросаться пришёл. Из чистилища-то не отпускают. Валентина так и села. Слёзы потекли ручьём.

– Чего плачешь, дура? – вопрошает дух. – Радоваться надо. Шанс ты для меня выхлопотала. На спасение...

– А я и радуюсь, – шепчет Валентина. А слёзы льются пуще прежнего. Мокрая стала – хоть выжимай.

– Милый ты мой, – говорит. – Получается, больше и не свидимся?

– Да как же не свидимся, глупая? А вечное-то царствие на что?

Сидит, плачет Валентина. Поди, дождись его, вечного царствия.

Николай, хоть и дух, а тоже напрягся. И голос задрожал.

– В общем, до свиданья, Валентина. Я тебя это – ждать буду... – сказал, а глазах слёзы.

– И я! И я, Коленька, уж как буду ждать! – бросилась было обниматься, но дух смущённо отстранился.

Помолчали. Николай робко поднял глазки:

– Только это – смотри, не торопись. Руки на себя не накладывай – грех. А то они не пустят... – показал он пальцем вверх. – Они же строгие...

Валентина кивнула. Открыла холодильник:

– Может, выпьешь на дорожку?

Дух насупился:

– Нельзя мне теперь. Очищаюсь я, понимаешь?

И поплыл. Валентина улыbnулась:

– Слышь, Колюша, а тебе и крылья выдадут?

– А как же! Ну, в смысле, коль сочтут достойным, коль переведут... выше – он чуть запрокинул голову, глядя сквозь потолок. – Так обязательно выдадут.

Валентина нахмурилась:

– Вот говоришь, ждать будешь. А ты уверен, что меня туда примут?

Николай удивился:

– Конечно, примут. Кого, как не тебя, туда принимать? Ты ж у меня мученица!

– Не богохульствуй! Скажешь тоже!

– А я всем скажу: мученица ты у меня. Столько со мной намаялась!

– Ладно уж, – махнула рукой Валентина. – Плыви!

И дух поплыл. И растворился.

А Валентина осталась тут дожидаться.

«ФОНОГРАФ»

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ

ЗЕМНАЯ СОЛЬ

ШУМИМ, БРАТЕЦ, ШУМИМ...

*Одной тревогой с каждым сведена,
Одной любовью связанная туго,
Я говорю: – Очнись, моя страна,
И встрепенись от севера до юга.*

Татьяна Кузовлева

Такая власть мне свыше суждена.
И вот прозренье вещей век коснулось...
– Ну, встрепенись, огромная страна!
В единый миг держава встрепенулась.

Мы стали в рост, угрозам вопреки.
Как много нас, бесстрашных и мятежных!
И грозно запылали языки
Бесчисленных Болотных и Манежных.

Но он, представьте, бровью не повёл,
Сведя наш пафос до никчёмной шутки.
Но день спустя затеял круглый стол
И в зал вошёл, всем пожимая руки.

– Ну, что опять, пиар или погром?
Итог – всегда предельно одинаков.
Что наломали, всё мы приберём...
Да, вот боюсь, не хватит автозаков.

Сергей Чернолев (27.04.1957 – 19.10.2018). Поэт, пародист. Родился в городе Резина Молдавской ССР. Работал токарем, художником-оформителем, слесарем по обслуживанию автомобилей, гончаром и обжигальщиком керамики. С середины 80-х активно публикуется в периодике и альманахах Молдавии и Приднестровья. С 1995 г. – член Ассоциации русских писателей Молдовы, с 1996 г. – член Союза писателей Приднестровья. Автор сборников стихов «Високосные дни» и «Золотые холмы» (2003 г.), книги литературных пародий «Восьмая нота». Регулярно печатался на страницах литературных альманахов и периодических изданий России, Молдовы, Приднестровья, США (газета «Кстати»), журнал «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Артикль» (Израиль), альманах «45-ая параллель». Был представлен в «Антологии современной литературы Приднестровья».

НА ЛУЖКУ

*До свиста в голове, до умопомраченья,
когда во сне мозга заскочит за мозгу,
несёт меня назад могучее течение –
к душистому стожку на скошенном лугу,
где ночи напролёт без усталы и лени
я губы целовал в помаде и пыли...*

Александр Мельник

Ах, как меня несёт могучее течение –
к душистому стожку и лунному лучу.
До свиста в голове, до самоотреченья,
но про свою мозгу пока я промолчу.

Я помню, целовал горячие колени,
был выбрит в сенокос ромашковый лужок,
где ночи напролёт без усталы и лени
я так хотел тебя, единственный дружок.

Одна, одна, одна – в ночи звенели трубы,
и звёзды надо мной таинственно плыли.
Меня влекли к себе доверчивые губы
в помаде и пыли, в помаде и пыли...

Не то чтобы потом я не ласкал колени,
Да и с тобой сейчас – другой, другой, другой.
От тех счастливых дней осталась, тем не менее,
пронзительный рефрен – мозга, мозгу, мозгой...

В ДЫМКЕ АНТИЧНОСТИ

*Что мне ржавые оклики поздних вигилий?
Я сама себе нынче и Дант, и Вергилий,
И в Летейское марево брошенный лот,
И сигнальное эхо Аернейских болот...*

Марина Саввиных

Что мне гласы вигилий (по-нашему – бдений)?
Так милы мне наплывы античных видений.
Я сама себе нынче – совсем неспроста –
Прометей и огонь, Ахиллес и пята.

Я сама себе гидра и подвиг Геракла,
И спартанская хватка во мне не ослабла.
Я бросаю в Летейское марево лот,
Только мрачный Аид эту шалость поймёт.

Ну, а если Аид, значит, я – Персефона,
И меня овевают ветра Посейдона.
Почему же я странную ношу влачу,
Поэтический бисер годами мечу?

Почему на просторах суконных, сермяжных
До сих пор не слышать моих песен протяжных?
И на здешнем Олимпе – который уж год –
Заглушается эхо Лернейских болот...

МИЗАСЦЕНЫ МНОГОЖЕНЦА

*чернобурка чёрной буквы. белый лист.
красной буквицы Жар-птица над строкой.
чернобуква Чёрной речки... смерти свист
суругучами красноречий успокой.*

*недалече черновик – мизинец жжёт,
чёртик розицы рисует – открестись!
петербургские парижки? много жён?..
многожёнec повторяет жизнь на бис!*

Сергей Сутулов-Катеринич

многожёнec, восхитительный, как князь,
казановы беззастенчивый собрат.
полигамии магическая власть
множит список занимательных затрат.

череда чересполосиц неспроста,
знаки розни – от нашествия татар.
пламенеет на полотнище листа
красной Буквицы безудержный пожар.

ай-люди, мы открываем дефиле,
перед публикой пройдитесь не спеша.
на десерт, не обессудьте, хрень-брюле –
чернобыльник, черевишня, черемша.

не кумекают чучмеки – ни черта! –
в лабиринтах поэтических кулис.
пусть черкешенка чухонки не чета...
многожёнec повторяет жизнь на бис!

ВЕРБЛЮЖИЙ КРЕСТ

*Я в луже на Тверской разглядываю гордо
четвероногий стан, посадку головы –
нет, весь я не верблюд, а лишь – верблюжья морда,
жующая туман на улицах Москвы.*

Ефим Бершин

Я лирой дорожил, всегда стремился к людям,
к тем, в чьих сердцах живёт святая простота.
Нет, весь я не верблюд, и должно ли верблюдам
жевать крошечный смог у Крымского моста.

Слух обо мне прошёл по всей стране великой,
и это подтвердит читатель строк моих,
сирийский бедуин, досель смурной и дикой,
беспечный иудей, и друг степей калмык.

Всегда найду в пути ствол древнего колодца,
самум или хамсин не повергают в страх.
Четвероногий стан, повадки иноходца
и – мессианский блеск в прищуренный зрачках.

Нет, весь я не верблюды!
Пустыни и нагорья
лежат передо мной на тыщи вёрст кругом.
Я надвое разъять могу преграду моря,
ступая по песку за облачным столпом.

ЗЕМНАЯ СОЛЬ

*Мы встретились на линии беды,
никто из нас не знал ответа – где мы?
безвкусным было море – жадный демон
всю соль, похоже, вынул из воды.*

Лада Пузыревская

И жадный демон вынул из воды –
не раковину в дымке перламутра,
я помню, как сияло это утро,
когда с тобой на линии беды

мы встретились, на линию огня
был так похож замусоренный берег,
его наполнил шумный муравейник
курортников, но мучило меня

совсем не то, саднила душу мысль –
так почему безвкусным стало море,
одна догадка осенила вскоре –
я – соль земли, и это зашибись,

знать, такова высокая судьба,
я так хочу промчаться автобаном
и удивить друзей анжанбеманом,
соль отирая с дерзостного лба,

всё прочее – мура и мишура,
гуд бай – бай-бай, мой непутёвый друже,
курортники слетаются на ужин,
и соль блестит на кончике пера.

В ЛЕСНОЙ СТОРОНЕ

*Был лес – приглушённого света обитель.
Подобных гигантов я прежде не видел:
стволы эти тёмно-кирпичного цвета
огня не боятся;
износу им нету.*

Николай Сундеев

Был лес – я гигантов подобных не видел.
В него я входил, как простой небожитель.
Здесь правили вечности гулкой законы:
как чаши, стояли
древесные кроны.

Тот лес стороной обходили пожары.
Над ним, как лампы, светили Стожары.
И между ветвей, словно огненный ангел,
с пронзительным криком
летел птеродактиль.

Но в этом лесу неприступно-суровом
гортань наполнялось неведомым словом.
Так надобно ль – мудро замечу меж нами –
безмолвствовать
в этом сияющем храме?

Мне эхо в ответ громыхало по-свойски.
О, нет, здесь ещё не бывал Заболоцкий!
И редкие звери к ручью не сходили
во власти высоких,
прекрасных идиллий.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

*Под окнами
асфальтировщик,
национальность не скажу,
дороги выверенный расчерк
ладонью гладит, как жену.*

Дмитрий Артис

Нет, так умеют только эти,
чьи корни в дальнем кишлаке.
Всё дело здесь в менталитете,
в мужской осознанной тоске.

Когда желанье на пределе,
я тем же навыком пленён.
Снимаю нежно у постели
хиджаб с любимейшей из жён.

И также на разрыв испытан,
готов на непомерный риск.
Мне по душе – горячий битум
и трепет знойных одалиск.

ПОД СТУК КОЛЕС

*Странники со странностями. В страны
Чёрт их и кондуктор вновь понёс.
Поезда, я знаю – наркоманы.
Поезда не могут без колёс.*

Елена Шелкова

Хоть и не стремлюсь в иные страны,
Мне привычен перестук колёс.
Поезда, я знаю – наркоманы.
Им ли толковать про передоз?

Прогуляюсь по бетонной кромке,
Перед транссибирским полотном.
Перегон – от ломки и до ломки –
Нашему составу нипочём.

Не спешит кондуктор. Разговором
Веселит, раскуривая план.
Но уже за ближним семафором
Ускользнёт в сиреневый туман.

Кто-то глянет на него с испугом.
Как это знакомо, давний друг!
Блистером тряхну над самым ухом,
Застучат колёса тук-тук-тук.

Как горят над тамбуром созвездья,
Освещая призрачную высь.
По привычке зависаем вместе...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Добираем горестный остаток.
Вновь судьба готовит нам удар.
Вот и всё. Конечный полустанок.
– Здравствуй, ненавистный санитар!

НА ПЕПЕЛИЩЕ

*Всё меньше теплится желаний,
Всё реже тяга к словесам...
На пепле яростных терзаний
Смешно грустить по чудесам.*

Валерий Кожушник

Не нужно долгих назиданий.
Достаточно взглянуть вокруг.
На пепле яростных терзаний
Не до чудачеств, милый друг.

И в сердце теплится всё меньше
Наивной веры в идеал.
И если мы коснёмся женщин,
То здесь трагический провал.

Как важно под просторным небом
Надыбать новую стезю.
И на дорожку – горьким пеплом
Посыпать голову свою.

СЕМЁН РОСОВСКИЙ**ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ**

поэма

1

Огромное солнце с одной стороны,
юная луна с другой –
как те груди, далеки в памяти,
а меж них провалом – звёздная ночь,
половодье жизни.

Лошади на току
мчатся, распластавшись в поту.
Здесь всё проходит:
и эта женщина,
на миг прекрасная в твоих глазах,
гнётся, ломится, падает на колени...
Жернова перемальвают всё:
в звёзды.

Канун самого длинного дня.

2

Каждому видятся виденья,
но никто не хочет признаться
и живёт, словно он один.
Большая роза
всегда была здесь рядом
с тобой во сне,
твоя, но неведомая, –
но только теперь, пригубив
крайние её лепестки,
ты почувствовал плотный вес танцовщика,
падающего в реку времени –
в страшную зыбь.

Не трать дыханья, которым
одарил тебя этот вдох.

Росовский Семён Евгеньевич (03.12.1975 – 11.08.2018). Музыкант, поэт, бессменный фронтмен рок-группы «Эос». Родился в 1975 году в Днепропетровске, в 5 лет переехал в Одессу. Произведения опубликованы в Одесской антологии поэзии «Кайнозойские сумерки» (2008), Одесской литературной антологии «Солнечное сплетение» (2010), в альманахе «Свой вариант» (2008, Луганск), в коллективном поэтическом сборнике «Пространство.od.ua» (2010, Одесса), интернет-журнале «Пролог», литературно-художественном журнале «Южное Сияние» и др. Член Южно-русского Союза Писателей и Конгресса литераторов Украины.

3

Но и в этом сне
так легко виденье становится
страшным мороком.
Так рыба, блеснув в волне,
уходит в глубинный ил,
так меняют цвет хамелеоны.
Город стал блудлищем,
сводники и шлюхи
закликают затхлыми прелестями;
девушка, вышедшая из волн,
надевает коровью шкуру,
чтобы даться быку;
Поэт
смотрит на кровоточащие статуи,
а толпа швыряет в него дерьмом.
Уходи из этого сна,
как из кожи, иссечённой бичами.

4

В диком мотовстве ветра
вправо, влево, вверх, вниз
кружится мусор.
Смертный пар цепенит
людские тела.
Души
рвутся покинуть плоть,
они жаждут, но нет воды,
они тычутся, как в птичьём клею,
взад, вперёд, наугад,
бьются тщетно,
и уже им не поднять крыльев.

Край иссох –
глиняный кувшин.

5

Мир укутан в сновторные простыни.
Ему нечего предложить,
кроме этого конца.
Жаркой ночью
высохшая жрица Гекаты,
груди настезь, на крыше дома,
исторгает рукодельное полнолуние,
а две маленькие рабыни, зевая,
в медном размешивают котле
душные зелья:
завтра вволю насытятся любители.

Страсть её и белила –
как у трагической актрисы,
и уже осыпается гипс.

6

Под лаврами,
под белыми олеандрами,
под колючей скалой,
и стеклянное море у ног, –
вспомни, как хитон на глазах моих
раскрывался, соскальзывая с наготы,
и ложился вокруг лодыжек,
мёртвый, –
не так ли упал этот сон
между лаврами мёртвых?

7

Серебристый тополь в ограде –
его дыхание отмеряет часы твои
днём и ночью –
водяные часы, полные небом.
Его часы в свете луны
тянут чёрный след по белой стене.
За оградой несколько сосен,
Потом мраморы и огни,
и люди, изваянные, как люди.
Только чёрный дрозд
щебечет, прилетая пить,
и порою ты слышишь голос горлицы.

Вся ограда – десять шагов;
можно видеть, как падают лучи
на две красные гвоздики,
на оливу и на молодую жимолость.

Будь таким как есть,
а стихи
не отдай утонуть в густом платане:
вскорми их твоей скалой и почвой.
А лучше
закопай в нужном месте, чтоб найти.

8

Белый лист бумаги, суровое зеркало
отражает тебя таким, как был.
Белый лист, у него твой голос,
твой,
а не тот, который ты любишь.
Твоя музыка – это жизнь,
которую ты растратил.
Если хочешь, верни её,
коли сладишь с безразличным, которое
вновь и вновь
отбрасывает тебя к началу.

Ты странствовал,
видел много солнц, много месяцев,
прикасался к живым и мёртвым,
знал мужское горе,
женский стон,
детскую обиду, –
но всё познанное – лишь бесплотная груда,
если ты не доверишься этой пустоте.
может быть, ты найдёшь в ней свои утраты:
юный цвет и глубь праведной старости.

То, что отдал ты, – твоя жизнь;
То, что отдал ты, – это пустота:
белый лист бумаги.

9

Ты рассказывал им о том, чего они не видели,
а они смеялись
Всё равно – тебе плыть по тёмной реке
против течения,
идти по неведомой тропе
упрямо, вплотную,
и искать слова, пустившие корни,
как мозолистая олива, –
пусть смеются, –
и стремиться посеять мир иной
в это душное одиночество,
в руины времени, –
позабудь их.

Морской ветер, рассветная прохлада –
они есть, хоть их и не ищут.

10

В час, когда сбываются сны,
в первом сладком свете зари
я увидел, как раскрываются губы,
лепесток за лепестком.

Тонкий серп засветился в небе.
Я боялся, что он их срежет.

11

Это море называется тишь,
корабли и белые паруса,
тяжкий вздох бриза с сосен и Эгейской горы.
Твоя кожа скользит по коже моря
легко и тепло –
мысль неясная и тотчас забытая.

Но в раселинах
чёрным соком хлынул раненый спрут
в глубину –
где конец, как подумать, прекрасным
островам.

12

Набухает зной
в венах воспаленного неба.
Кровь взрывается –
она ищет обретения радости по ту сторону смерти.

Свет, как пульс,
реже и реже,
и вот-вот остановится совсем.

13

Солнце вот-вот замрёт.
Призраки зари
подули в сухие раковины.
Птица пела лишь трижды и трижды.
Ящерица на белом камне
неподвижная
смотрит в выжженную траву,
где вьётся уж,
чёрное крыло резким взрезом метит
синий высокий свод:
вглядись, и он распахнется.

Воскресение в родильных муках.

14

И вот,
в оплавленном свинце ворожбы –
блеск летнего моря,
обнажённость жизни,
путь, привал, уклон и подъём,
губы и лелеемая кожа –
всё хочет сгореть.
Как сосна в полдень,
взбухшая смолой,
рвётся родить пламя
и не терпит родильных мук, –

Созови детей собрать пепел
и высеять.
Что свершилось, то правильно свершилось.

А чего ещё не свершилось,
то должно сгореть
в этом подне, где солнце пригвождено
в сердце столепестковой розы.

ВЕРОНИКА КОВАЛЬ

МЕМОАРЫ ПАЛЬТО ИЗ МУАРА

рассказ

Яркая вспышка в памяти – момент, когда я начало оживать. Случилось это в примерочной магазина элитной женской одежды. Едва я легло на плечи хрупкой молодой женщины, как ощутило себя частью её. Я облегло женщину, как кожа. Мы дышали одним дыханием, у нас забилося одно на двоих сердце!

Тройное зеркало отразило сероглазую брюнетку, невысокую, худенькую, оттого изящную. Я, лёгкое пальто из муара благородной жемчужной гаммы с сиреневым отливом, длиной до узких щиколоток, с обрамляющим шейку воротником, сделало её величественной. Во всяком случае, её спутник, коренастый усатый крепыш в очках с золотой оправой, воскликнул:

– Перебрала кучу нарядов, довела меня до ступора, но не зря. У тебя отменный вкус! Берём!

– Ну, не знаю, – капризно протянула женщина, хотя я-то всем шёлком подкладки чувствовало, что она не хочет расставаться со мной. – Куда здесь в нём выйдешь? Жарень, как в аду!

– Но нам же в Мельбурне осталось всего полгода, потом – домой. Для нашего сентября-октября самое то!

Так мне полгода пришлось висеть в гардеробной хозяев – дипломата Леонида Затонского и его супруги Инны. Но всё-таки доводилось видеть белый свет. Поскольку хозяйка буквально страдала оттого, что нет возможности сделать дефиле по городу, она то и дело надевала меня дома и крутилась перед зеркалом. Поразительно, необъяснимо: даже без присутствия на её плечах мне довелось чувствовать то же, что и моя красавица – то грусть, то ликование, то ничем не объяснимую хандру, то восторг. Для меня было естественным смотреть на происходящее со стороны и выносить суждения. Какая жалость, что невозможно в гардеробной перекинуться словом с другими вещами ни на языке хозяев, ни, тем более, на моём родном французском. Впрочем, не удивительно. Только я была королевских кровей!

Хозяйка оказалась натурой весьма эмоциональной, с резкими перепадами настроения. Манеры и речь выдавали в ней простодушную. Видимо, поэтому жёны дипломатов неохотно пускали её в свой круг, что она переживала весьма болезненно, чем делилась по телефону с приятельницей Диной в каких-то диких выражениях. А мне кажется, они просто чёрной завистью смотрели на Инну. Она была дивно хороша! Её хрупкость подчёркивала копна волос. Иссиня-чёрные, в солнечном луче они вспыхивали и блестели, как корона. Ходила она, еле касаясь земли. А когда сидела на ручке кресла, обняв читающего мужа, мне казалось – она вот-вот взлетит. Приземистость Леонида только подчёркивали воздушность его супруги.

Мы жили в превосходной гостинице при посольстве. Стеклопанельная стена наших апартаментов выходила на набережную, дальше простиралась необозримая гладь океана. Он был похож на меня муаровыми оттенками, в которых преобладало индиго, то фиолет, то жемчужный блеск. По лёгким волнам скользили белоснежные яхты. Их можно было принять за стаю чаек. Хозяйка частенько распахивала дверь и стояла, глядя на белые гребешки. Мне же безумно хотелось вырваться, раскинуть крылья, полетать над водой, освещаться в потоках ветра, покачаться на волнах. Впрочем, может быть, в меня переливались чувства Инны?

На больших белых птиц походили и рассыпанные по берегу отели и виллы. Днём, в жару, всё замирало. А вечером, когда легче дышалось, в городе начиналась жизнь. Женщины в нежнейших, как дуновение бриза, платьях всех оттенков радуги под руку с солидными спутниками фланировали по набережной.

Мои хозяева совершали променады редко. Леонид висел на телефонах, часто исчезал, а потом наговаривал что-то непонятное мне, очень-очень серьёзное, на диктофон. Инна расшифровывала эту скороговорку, набирала на компьютере. Иногда супруги ходили на занудные, по словам Леонида, дипломатические рауты. Пару раз выезжали на пикники, что Инне нравилось куда больше. Она рассказывала Дине о бивуаках под эвкалиптами, о том, как они уплетали обалденное жаркое из кенгуру под ананасовым соусом, как на неё запал сотрудник Внешторга Станислав и как у неё кружилась голова после бокала шпирита...

В будни Леонид с утра до вечера был занят, а если и выпадали свободные часы, он погружался в чтение газет. Инна пыталась отвлечь его, заигрывала, но он бросал: «потом, потом» и нырял в газеты ещё глубже. Только однажды я видело, как они, обнявшись, полулежали на софе. Инна тихонько запела: «Утомлённое солнце...», а муж подхватил баском: «...нежно с морем прощалось». Как приятно было смотреть на семейное счастье!

В Австралии был сезон жары. Инна надевала только невесомое платье на бретельках или шорты с футболкой. А мне было так скучно в гардеробной! Утешалось только надеждами на смену места жительства, которое откроет для меня перспективы явить себя миру во всём блеске. Разве не в этом моё предназначение?

Не скажу, что хозяйка сильно переживала из-за отсутствия бурной светской жизни. Её обуревала другая страсть. Шопинг! Свободное время она проводила в бутиках. Возвращалась с водителем, который сгибался под тяжестью коробок. Инна раскладывала по комнате ткани, десятки пар обуви, бельё, платья, брюки, меховые накидки, шарфы, шляпы...

Хозяйка относилась к вещам трепетно, с благоговением. Она целовала их, примеряла, поглаживала! Она могла часами сидеть у зеркала и менять серьги, кольца, браслеты. Иногда она наряжалась, как светские дамы и расхаживала по квартире. Ей это доставляло истинное наслаждение! Приобрела, кроме меня, ещё пальто и две шубы, и я ревниво посматривало на них. Утешало то, что мою красоту превзойти невозможно.

Хобби Инны мужу, как видно, не особенно нравилось. Он молчал, морщился, но вдруг его прорвало: – Зачем столько барахла? Мы вернёмся в свою квартиру, там гардероб забит твоими вещами. Да теперь в любом нашем городе можно купить, что душа пожелает!

Инна, неожиданно для меня, разозлилась и стала похожа на ощерившегося котёнка. Она крикнула с вызовом:

– А я всё старье повыбрасываю! Всё – мебель, посуду, тряпки. Начну новую жизнь. А такого, как я тут надыбал, у нас фиг купишь. Пусть все завидуют!

– А как ты себе представляешь новую жизнь?

– Увидишь!

Леонид покачал головой, обнял её и сказал – с печалью:

– Я женился на скромной медичке в вязаной шапочке. Приходил к тебе в общежитие, мы пили чай из гранёных стаканов, но нам было так классно!

Инна молчала, утонув в кресле, только губку покусывала.

– Скажи, эти тряпки делают тебя счастливее?

– Да! – выкрикнула она.

Инна вскочила и бросила мужу в лицо:

– Ты сын члена-корреспондента, по жизни как на эскалаторе поднимался, а я в коммуналке с тараканами выросла. Мать была техничкой в детсаду, от неё несло карболкой. Я стеснялась показывать её девочкам. А платье donaшивала после Наташки, дочка маминой подруги! Когда меня пригласил на свидание лучший мальчик класса, я не пошла – у туфли подошва оторвалась в последнюю минуту, а других не было.

– Ну, у каждого своя Голгофа. Меня жизнь не так уж баловала, как ты думаешь. Родительского тепла я никогда не чувствовал. Наказывали меня за малейшее моё несоответствие их идеалу ребёнка. В институте со второго курса отчислили – так, ни за что. Невинную вечеринку партком представил чуть не борделем, и троих из группы вышибли. Отец сказал, что я его опозорил. Я уехал в Сибирь, больше двух лет со старателями пштал. Всякого насмотрелся и натерпелся. Тонул в болоте, в меня стреляли. Еле в институте восстановился. А сколько лет добивался хорошего назначения! Так что нынешняя твоя райская жизнь не с неба упала.

– Ты мне этого не говорил... А я хотела стать врачом, но мать не могла меня тянуть, и вот я медсестра. Капельницы, уколы. А могла бы...

– Зато какая медсестра! Таких ласковых рук я ни в одной больнице не встречал. Я и влюбился-то сперва в твои руки, когда после аварии пришёл в сознание, но ничего кроме них ещё не видел.

Они долго сидели молча.

Мне было так тяжело во время их перебранки, что дыхание остановилось. Ах, как горько было мне от своей немоты! Кто-то вложил в меня разум и чувства, но я не могу их высказать! Мне хотелось крикнуть им: «Вы не радуетесь тому, что вам дана способность говорить – говорить слова любви, а не раздражения. Вокруг такая красота, а вы её не видите, а видите только свои обиды. Не надо, не надо вспоминать былое, – мысленно шептало я, – будьте счастливы сейчас, мои любимые!»

Леонид сник. Он как будто услышал меня и погладил жену по прекрасным густым волосам:

– Прости, Иннуса! Делай, как знаешь.

Уф! Наконец-то глоток свежего воздуха после удушья в контейнере! Мы дома! Меня повесили на плечики и расправили каждую складочку.

Что ж, неплохо. Двери из круглой гостиной вели в несколько комнат. Безделушки и картины придавали уют, не то что холодная чистота отеля. Инна утопала в ворохе нарядов, выныривала с чем-то, развешивала в гардеробной в одной ей ведомом порядке. А меня опять повесила на виду и любовалась мной, как картиной. Скорей бы на публику!

Леонид долго не показывался из кабинета, затем вышел, потянулся:

– Хорошо-то как! Кончилась южная ссылка!

Он и в самом деле как-то расцвёл. И с Инной нежничал.

– А я бы из ссылок не вылезала. Слушай, попросись теперь в Эмираты. Там, говорят, сказка тысячи и одной ночи!

– Ты же знаешь, я не арабист. И возраст... Скорей всего, буду штаны протирать в министерстве.

– Ну-у, – капризно протянула Инна, – а как же – желание любимой жены? Муж шуточно прикрыл ей рот ладонью.

Шли дни. В доме царил суматоха. Двери не закрывались. Увозили старую мебель, втаскивали новую, налаживали технику, вешали шторы, размещали утварь... Инна, как птичка, порхала и с удовольствием командовала мастерами. Скорей бы выйти в свет. Мне же хочется блеснуть! Но она с упоением предавалась благоустройству. А если и выходила, то в жакете или куртке.

В один прекрасный день оказалось, что гнёздышко свито. Ни убавить, ни прибавить.

Чем же теперь займётся моя хозяйка?

Не знало я масштаба её замыслов! Она начала готовить грандиозный журфикс. Опять какие-то люди, переговоры по телефону...

Компания собралась странная. Чинные жёны дипломатов и простушки, подруги Инны. Стол сверкал. Пробки в потолок, изощрённое славословие коллег, нервный смешок Инниных подружек, натянутые улыбки дипломатш... Застолье понемногу начинало превращаться в тусовку. Подруги пытались запеть «Что те надо», но осеклись, мужчины сыпали анекдотами.

– Сюрприз! – вдруг объявила хозяйка. – Прошу в залу!

Там была расстелена ковровая дорожка. Гости расселись по обе стороны и с любопытством оглядывались в ожидании.

Инна исчезла и через минуту вышла в изумительном синем платье и жемчужном ожерелье. Она ходила по дорожке, как по подиуму. В её глазах читалось торжество.

Ты дивно хороша, моя красавица. А наденешь меня – и будешь королевой!

И публика застыла в изумлении.

Инна опять исчезла и явила себя миру в элегантнейшем костюме с меховой оторочкой.

«Так вот оно что, – осенила меня догадка. – Ради этого и замышлялся журфикс!».

Меня пробирала дрожь в ожидании своего выхода. Однако, взглянув на хозяина и гостей, мне стало понятно, что бедняжка сделала роковую ошибку! Это был полный провал. Успеха не прощают! Хозяин это тоже понял. Он сидел, опустив голову, а потом увёл мужчин курить. Жёны дипломатов сидели с каменными лицами. Только подруги неестественно восторгались и аплодисментами встречали каждый туалет.

А Инна ещё надумала подарить каждой гостье прелестный шарфик «оттуда». Но дамы демонстративно отказались и пошли за мужьями. Вскоре компания потянулась прощаться. Мой выход не состоялся. Обидно до ужаса!

Однако моё горе было несравнимо со страданиями Инны. Она съёжилась в кресле, как подбитая голубка, и рыдала. Как мне хотелось укутать плечи бедной девочки и вывести её на прогулку! Но что делать?

Несколько дней в доме висело облако ледяного молчания. Но постепенно жизнь вошла в привычную колею. Леонид с утра до ночи был в министерстве. Инна давала задания приходящей кухарке, потом вликала в компьютер. Иногда болтала по телефону с Дианой. Иногда, как и прежде, печатала бумаги Затонского. Вечером она надевала красивое платье, укладывала волосы и встречала мужа. Она вилась вокруг него, кормила вкусеньким, весело чирикала. Леонид расслаблялся, запевал что-то, Инна подхватывала. Получался гармоничный дуэт. Как славно!

Супруги бывали на официальных приёмах. Однако ни разу хозяйка не вывела в свет меня! Почему? Но куда уж мне проникнуть в стратегические замыслы Инны!

А она ждала нашего звёздного часа. И дождалась!

Однажды супруги получили приглашение на приём по случаю какой-то круглой даты Министерства иностранных дел. Приглашение было подписано Президентом! Инна прыгала от радости. Она с упоением читала программу. В ней значился концерт в музыкальной гостиной и барбекю на лужайке президентского особняка.

На лужайке начальники департаментов представляли сотрудников Президенту. Вот очередь дошла до Затонских. Мой блеск буквально ослеплял. А Инна гордо держала свою чудную головку с короной светящихся волос. Президент задержал её руку в своей руке, и это о многом говорило! Первая леди не оставила инцидент без внимания. Она оглядела Инну с головы до ног и... померкла. Ей стало ясно, кто королева барбекю!

Мужчины вились вокруг Инны, а она мило улыбалась, но от супруга не отходила.

– Наконец-то ты показал своё сокровище! – обратился к Леониду грузный мужчина, весь в орденах.

– Держи супругу крепче, а то уведут, – шутливо грозил ему коллега.

Леонид усмехался в усы. Интересно, нравилось ли ему быть в роли мужа королевы праздника? Но Инна и я – мы ликовали. Жизнь удалась!

Дни летели. Вот уже и Новый год подкрадывался. В доме ещё не угас отзвук головокружительного визита к Президенту. Тишь да благодать, казалось, поселились в семье навсегда.

Тем неожиданней был тот страшный вечер.

Леонид обычно был на работе допоздна, а тут явился рано. Судя по запаху, выпивши. Инна оторвалась от компьютера, бросилась переодеваться, но он остановил её:

– Сядь! Надо поговорить.

Инна изменилась в лице и послушно села на краешек кресла.

– Не буду ходить вокруг да около, – проговорил Леонид. – Я ухожу от тебя.

Инна молча переваривала услышанное. Лицо её мучительно напряглось.

– Кто она? – наконец вырвалось у неё.

Леонид поморщился:

– Почему вы, бабы, сразу ищите соперницу? Разве не может быть других причин? Нет у меня любовницы. Я тебя – он споткнулся – любил.

Инна опять замолчала. Затем решилась:

– Ребёнок! Да, понимаю, из-за ребёнка. Я не родила. Но хотела! А ты всё: «Потом, потом!».

Леонид дёрнулся:

– Ты женщина! Захотела бы, никуда бы я не делся. Тебе нравилось быть моей любимой игрушкой. Но причина не в ребёнке. Ещё хуже – пришлось бы ему расти без отца.

– Тогда почему? – закричала Инна, тряся его за плечи.

– Возьми себя в руки. И послушай. Не знаю, поймёшь ли ты, но мне с тобой скучно. Невыносимо скучно! Так, что выть хочется. Сижу, как дурак, в кафе после работы с кем-то из наших, но они все домой торопятся. А у меня к тебе ноги не идут.

– Почему? Разве я не помогаю тебе в работе? Разве мы вместе не ходим на всякие выставки и презентации?

– Да, ходим. Но в твоих глазах ни разу не вспыхнул интерес. В твоей прекрасной головке не задерживается ни одна мысль. Ты можешь только – извини! – чуть пороть. Мне тошно от этого.

– А любовь?

– Была. Если принимать за любовь позывы молодого здорового тела. А ведь должно же быть нечто более существенное! Мне нужна женщина-друг, мыслящий, глубокий. А поесть я и в нашем кафе могу. И обслужить сам себя могу.

– Но я тебя люблю! Ты моя жизнь!

– У тебя должна быть своя жизнь. Иди учиться чему-то или работать, как я тебя уговаривал. Я договорился – ты можешь пойти статистиком в нашу поликлинику. А дальше всё зависит от тебя. Первое время буду тебе помогать.

Инна окончательно растерялась.

– Я всё оставляю тебе, – продолжал Леонид. – Но квартиру придётся поделить. Мне жить негде. А перекантуюсь я в нашем общежитии.

Он побросал в дорожную сумку кое-что из одежды и тихо закрыл за собой дверь. Даже не попрощался, не утешил, не поцеловал. Какая жестокость!

Мне было безумно страшно. Вдруг Инна что-то с собой сделает! А если истерика? Кто её приведёт в чувство?

Однако вышло не так. Хозяйка не проронила ни слезинки. Бродила по комнате, спотыкаясь о кресла, перебирала безделушки на подзеркальнике. Потом вдруг принялась мыть пол. Так прошла ночь. Утром Инна по телефону уволила домработницу и куда-то ушла. Вернулась, поспала и опять ушла. Где она бродила, что делала – не знаю.

Мы перебрались в скромную двушку. Она стала похожей на склад. Коробки, коробки... Они громоздились до потолка, то и дело падали. Инна запиховала вещи обратно, потому что разместить их в крохотной кладовке было невозможно. На кухне посуда стояла даже на полу. Инна натыкалась на кастрюли и пинала их. Впрочем, она почти не готовила. Утром пила кофе и уходила в поликлинику. Что-то приносила на ужин. Телевизор и компьютер пылились на тумбе. Телефон молчал.

Как быстро горе старит женщину! Личико Инны заострилось и померкло. Потерявшие блеск, сколотые в пучок волосы теперь не прятали морщинки на лбу и большие уши. Инну, однако, это не беспокоило. В зеркало она не смотрелась. На работу надевала что поскромнее. Не разговаривала, только иногда бормотала что-то себе под нос.

Сердце моё буквально разрывалось от жалости: «Так неправильно! Неужели женщина может жить только чужой жизнью? Если нет мужчины – что, превращаться в ничтожество? Нет! А если не можешь одна – встряхнись! Воскресни! Оденься в самое красивое и выйди на люди! Помнишь, как мужчины увивались вокруг тебя?».

Через какое-то время Инна нашла занятие. Вечерами она одну за другой распаковывала коробки, раскладывала одежду, – ни разу ничего не надел! – составляла список содержимого и приклеивала его к крышке. Ей хватило дел на зиму. Весной всё началось по новой. Она вытаскивала одежду, сверяла со списком. И приходила в ужас: ей казалось, вещи исчезают. Она стала искать воров во всех углах квартиры. Однажды ночью схватила давным-давно замолкший телефон и начала в него кричать, что из-за плинтусов вылезает какой-то Жиртрест в белых кроссовках и утаскивает всё подряд.

Затонский пришёл всего один раз, когда Инна ещё не совсем опустилаесь. Он принёс коньяк, она сварила кофе. У меня теплилась надежда, что он вернётся – хотя бы из жалости. Напрасно! Леонид стал уговаривать хозяйку найти интересное занятие – вышивать, ходить на фитнес – да мало ли... Инна только морщилась.

– О, я знаю! – вскрикнул Леонид. – Я принесу тебе щенка. Пуделя! Абрикосового!

Инну даже передёрнуло:

– Вместо тебя? Равноценная замена?

– Как знаешь, – шепнул Леонид и ушёл.

Осенью Инна перестала ходить на работу. Одевшись во что попало, она слонялась из угла в угол, бормотала, хихикала. Редко выходила из дому, к ней тоже никто не захаживал. Только однажды в дверь отчаянно застучали соседи, крича, что она их заливает. Инна с перепугу не знала, что надеть, и набросила меня. Оказывается, как обнаружила соседка, из крана текла вода, а раковина засорилась. Инна, не сняв меня, принялась бороться с потоком. Можете представить, что со мной стало! Меня, насквозь промокшее и полинявшее, трясло. А Инне, видно, с того дня пришлось по вкусу использовать меня вместо халата. Она варила во мне кофе, брызги жгли мою нежную плоть. Она вытирала моим рукавом со стола, и от меня теперь шло такое амбре!

Однажды в дверь позвонили. Инна, как обычно, лежала, свернувшись калачиком. Она закрыла уши подушкой, но звонили резко и долго.

– Открывайте, полиция!

Инна трясущими руками еле повернула ключ. На площадке стояли соседи и мужчина в форме.

– Почему не открываете? Соседи волнуются. Да и мало ли что вы можете натворить!

Полицейский позвонил по телефону, и вскоре приехала «Скорая». Врач хотел осмотреть Инну, но та сопротивлялась.

– Санитары, забирайте! – распорядился доктор.

На улице удалось хлебнуть свежего воздуха, но лишь на мгновение.

Теперь я, замызанное и скомканное, задыхаюсь в мешке с остальными вещами хозяйки. Сквозь дырку я вижу людей в белых халатах. Небеса, за что мне такое наказание? Ведь мне хотелось сделать маленький мир вокруг меня наполненным красотой!

Я вспоминаю хозяйку. Непрестанно думаю о ней. И вдруг однажды меня обожгла мысль: может быть, Инна – тоже, как и я, просто оболочка, оболочка человека, который в ней не проявился?

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОГРАДСКАЯ

ДЕРЕВО рассказ

Это было давно. Собственно говоря, ему казалось, что он жил всегда. Сладостный миг рождения, когда из темноты небытия нежным зелёным каювиком взошёл он на поверхность земли и, вздрогнув от неожиданности, прозрел, встретив солнечный луч – превратился для него в выплывший фотоснимок в пухлом семейном архиве памяти. Тополь, пошевелив ветвями пышной кроны, тяжело вздохнул. Сегодня был День Воспоминаний. Ему хотелось листать страницы прошлого. Он желал найти причину, главный смысл своего существования, всегда почему-то ускользавший от него, когда он погружался в пучину утекших дней и лет. Какой-то момент событий прошлого вдруг приковывал его внутренний взгляд к себе, и тогда он оставался там, остолбенев от счастья или от горя, а потом снова всё шло пёстрой и однообразной лентой из смены времён года, погоды, времени суток. Главная цель, суть жизни принимала в его медленном сознании разные образы. Он был ещё молод для того, чтобы попытаться что-то изменить, но и не юн, чтобы думать, что всё должно случиться само собой и без его личных усилий.

Жара в городе стояла изнуряющая. День сменялся ночью. Палящее солнечное око скрывалось за раскалёнными крышами зданий большого города, за высокой стеной деревьев ботанического сада, живущего с ним по соседству, через дорогу, и тогда, величаво и царственно одиноко, над спящим мирозданием всходила бледный зрак луны, окутанный звёздным мраком – душным и горячим.

Воздух был недвижим, и птицы молчали. Тополь со своими собратьями образовывал длинную шеренгу, стоящую вдоль берега городской речки с одной стороны и дороги с другой. И вот эта дорога доставляла им всем пытку адову. Асфальт под жгучими лучами солнца раскалялся и плавился, и от него поднимался вверх горячий пар, обжигая нежные листья деревьев. К вечеру асфальт становился мягким, как пластилин, и мчавшийся транспорт и острые каблучки дам оставляли в нём узорные иероглифы вмятин. При желании и фантазии можно было расшифровывать странные послания, и тем занять себя, чтобы мысленно не умирать от адского пекла и невозможности покинуть круги ада. Но такого рода разоблачениями Тополь не занимался. Ему хотя бы со своей жизнью разобраться. Узкая речушка, закованная в гранит, уже сильно обмелела и не давала прохлады, даже ночью. Трава местами пожухла, а листва у деревьев поникла и выглядела жалко. И если с небес не хлынет ливень в ближайшие два-три дня, то катастрофы не миновать. Тополь загрустил. Недобрые предчувствия всколыхнули его от самых корней до мягкой сердцевины под шершавой корой.

Поначалу ему казалось, что он будет жить вечно! Любопытный и настырный, как все младенцы мира, он жадно тянулся к свету тонким телом,пил дождевую влагу клейкими зелёными листочками гибких веточек кроны, крепил, наращивал под землею робкие ступни корневища. И он был не один, а в тесном кругу таких же, как и он подростков, растущих на свободном участке просторного сада под присмотром больших взрослых деревьев: горделивых старцев, заносчивых красавиц и красавцев, совершенно равнодушных к соплявому поколению саженцев. Но в один тихий весенний день судьба молодого дерева резко переменилась. Чьи-то руки выхватили его с силой с привычного места так, что влажные комья земли, как капли крови, полетели в разные стороны, и понесли, как ему показалось, на край света, где и высадили в подготовленную заранее ямку. Он огляделся. Прекрасный сад остался стоять, где и всегда – совсем рядом, на расстоянии пяти метров, окружённый высокой чугунной оградой. А он с такими же неудачниками, как и сам, стал полным беспризорином, выброшенным на простор вне её оградительной черты.

С этих пор им – колонистам речного берега – пришлось сражаться за жизнь в трудных условиях. Но тополь мужал в битве со стихиями. Он стойко выдерживал натиск свирепых бурь, идущих с Северного Ледовитого океана, аномальную жару летом со сменяющимися её грозными ливнями, шквальные

снегопады, затяжные метели и лютые морозы, когда иней покрывал весь ствол, все ветки, а корни в земле индевели так, что издавали звон по всему позвоночнику впавшего в зимнюю спячку дерева.

Он глубоко вздохнул. Ему с детства казалось, что он не такой как все. Особенного повода так думать не было, но он чувствовал это: он – особенный. С ним приключится в жизни нечто необыкновенное! Он – герой или святой. Или – гений. И вера эта с годами – как и он сам – росла и крепла. Хотя он конкретно не знал, что же его выделит из зелёной массы сородичей, пребывающих вдоль дороги и стойчески претерпевающих невзгоды капризного климата – места заключения, выпавшего на их долю. Почему?

– Карма! – донёсся до него однажды шелест из Ботанического сада. Он переспросил, и древний могучий Дуб, не торопясь и благосклонно, вкратце изложил величественную суть – закон, по которому живёт всё мироздание. От червяка – до звёзд на небе.

– И ничего изменить нельзя? – ужаснулся Тополь.

Дуб, похоже, рассмеялся.

– Что именно ты хотел бы изменить, молодой и неопытный? Мы, взрослые деревья, можем продолжать битву за жизнь или умереть. От старости или из малодушия. Но мы можем изменить своё отношение к жизни и смерти раз и навсегда. Я верю, что мой дух однажды вернётся к источнику, он вернётся к солнцу. И эта вера даёт мне силы и счастье свободы. Понимаешь?

Тополь погрузился в молчание, тянувшееся довольно долго. Ни мысли, ни облачка, её тени, не тревожило зеркальную гладь его сознания.

– Любовь! – вдруг послышался смех кудрявой Берёзы из сада, и его обоняния коснулся терпкий запах её серёжек. – Любовь способна творить чудеса!

– Кто она такая и где мне её встретить? И как я узнаю, что это – Любовь? – испугался он.

– Не задавай глупых вопросов. Любовь приходит и не оставляет в тебе ни единого кусочка тьмы. Она делает тебя солнцем! Ты сразу узнаешь её.

Шли годы. Он достиг возраста зрелого мужа, но оставался всё тем же тополем, стоящим в шеренге вдоль дороги, вдыхающим бензинные пары мчащихся авто, отражающим в зеркале узкой речки свою великолепную нестриженную шевелюру, которой любитесь он один. Тополь не страдал нарциссизмом, и ему было одиноко, и его героизм в битве за жизнь ему наскучил. Он чувствовал свою никчемность и страдал не по-детски. Собаки, которых выгуливали их хозяева рано утром или поздно вечером и которые, тщательно обнюхав, иногда удобряли землю вокруг него, были не в счёт. Тополь не чувствовал красоты бескорыстия в их действиях, в их выборе, в их дружбе, если это можно было так назвать. Он воспринимал это как унижение достоинства дерева и испытывал боль и стыд подобной участи.

– За что? Нет. Я не святой. Нет. Это точно, – признался он себе однажды, ощущая, как гнев поднимается по стволу и переполняет всю его душу. – Любовь! Надо мной зло подшутила Берёза. Как я сразу не догадался? – вдруг озарило его. – Но с другой стороны Берёзы известны своей чистотой и правдивостью, своей отзывчивостью и состраданием. Нет. Это я, не благодарный, не стою появления Любви в моей жизни. Я – глупое самовлюблённое дерево, поглощённое своими мелочными переживаниями, может, потому я просто не заметил её свет? – самобичевал себя в испугании Тополь. – Где же истина? Я жажду её не меньше, чем жаждет влагу моё тело в такую сумасшедшую жару, – продолжал он пытаться себя и выплескивать накипевший негатив в воздушное пространство вокруг, атмосфера которого была и так накалена до невозможных пределов.

– Слава! Признание! Мудрость пророка и сказителя сделают твою жизнь легендой, ты станешь личностью, и миф о тебе будет передавать из уст в уста не одно поколение. Твоё имя обретёт бессмертье! Все деревья чрезвычайно чутки и видят глубже и дальше других созданий земли, – не выдержала, наконец, Липа, и её аромат перелетел высококую ограду сада и магически окутал Тополь, проникнув в самую его сердцевину.

Дуб в ответ презрительно и глухо охнул, приказывая взглядом замолчать болтушке. Строгая вера аскета довольствовалась знанием вечной жизни и в том обретала восторг, экстаз воссоединения с божественной энергией, сотворившей в давние времена этот мир, небо и звёзды. Так жили его предки, и он не собирался нарушать традиции. За их породой издревле повелась слава богатырей и долгожителей, и она делала их дубравы священными. Отдельные особи достигали почестей мудрецов, потому что в их кронах жил особый дух, выступавший в роли оракула и верховного судьбы в спорах между людьми.

– Быть пророком – это дар небес. А славой и признанием заведует Колесо Фортуны, которое известно своим непостоянством. Исполни с достоинством выпавший на твою долю жребий и считай, что ты

честно исполнил свой долг. До конца боролся за жизнь. Создатель знает: в чём её суть. А это, поверь, большая награда и утешение в старости. Час смерти и есть час истины. Нам, деревьям, надо быть готовыми всегда. Многие из нас, как солдаты на поле битвы, умирают молодыми, знаешь ли ты это, мой друг? Но нет ничего хуже и безотраднее, в один час превратится в старый, ни на что не способный и никому не нужный пень с комплексом несбывшихся надежд и напрасных воспоминаний!

Дуб крикнул и торжественно умолк.

Тополь смутился, не зная кому верить.

– Но можно попытаться испытать в жизни счастье! О, счастье. Длится краткий миг, но память о нём согревает душу долгие годы. Случай! В жизни многое решает случай. Смотри: непусти его! – предостерёг жаждущего истины неожиданно старый Клён и в знак того тряхнул сухой, без единого листка веткой.

Тополь обомлел от свалившейся на него информации и стал благодарить судьбу, что живёт вблизи такой мудрой компании.

– Вот что значит порода и воспитание, вот что значит родиться аристократами! – восхищался он. – Что ж, и мне досталось, живя по соседству, немало. А рос бы где-нибудь в овраге или в пустыне – так самому бы пришлось до всего доходить. А на это ушла бы не одна горькая жизнь, полная страданий, лишений, не зная ни слов утешения, ни улыбки сострадания.

И Тополь стал ждать Случай.

Когда это случилось? Жара не давала сосредоточиться. Временные события сместились в нём, вчерашнее перепуталось с прошлогодним, а его прозрения будущего вдруг произвели в нём неожиданный всплеск. Это было как яркое и очень страшное видение. Встревоженные голоса из ботанического сада заставили его отринуть ожидания и прислушаться. Эмоции говоривших зашкаливали. Великолепные экземпляры деревьев, достойные созерцания за входную плату, ухоженные аристократы, сумевшие в почти тепличных условиях и в избранном кругу себе подобных, раскрыть красоту своих дарований, показать все достоинства породы и искусство садовников, умело подстригающих их торчащие вихры и своевременно проводящих лечебные обрезания и прививки – были не на шутку встревожены.

О, профессора своего дела, алхимики скрещивания, создатели новых династий мутантов, способных переносить не только невзгоды меняющегося климата, но и все новые нарождающиеся вирусы, убивающие всё живое, обычное, не опылённое волшебной смесью. О, учёные генетики, вторгающиеся в ДНК, меняющие наследственные характеристики и программы растений, делающие их сильными и нечувствительными к страшным нашествиям других мутантов – серийным убийцам из насекомых и химическим атакам конкурентов. Новые виды, правда, приводили в трепет восхищения одних и священный ужас других. Дуб, например, теперь приносил желуди, похожие на грибы, которые употреблялись людьми в пищу, заметно продлевающую жизнь. Клён вдруг стал два раза за лето плодоносить ягодами ежевики, а берёза – молодильными яблоками, которые не портились круглый год! Кто не хотел стать долгожителем? Не всем, правда, такая затея по карману.

– Я чувствую себя доильной коровой, – расслышал Тополь вымученный шёпот и понял, что это признание исходило от красавицы Берёзы.

– А я потерял веру – застонал Дуб.

– Я был долго счастлив, пока не почувствовал внутри себя какое-то существо. Оно растёт и пьёт мои соки. Посмотрите, скоро я засохну совсем. Но главное – это неприятное чувство чего-то враждебного, что созревает у тебя внутри, этот ужас неизвестного! – признавался товарищам Вяз.

– Все мы заложники опытов. Мы приносим пользу, чуждую нам от рождения. Мы теряем наши души и становимся прагматичными существами, безразличными к бескорыстной красоте! – подвела итоги старая мудрая Лиша.

Тополь обомлел.

– А я ведь завидовал этим бедолагам. Я готов был променять свободу на тихую, как мне казалось в неведении, гавань их существования. Он радостно тряхнул листвой и внезапно испугался: а вдруг доберутся и до него? Какая в нём польза, если подумать хорошенько? Ну да, он известный в городе чистильщик воздуха. Ну, даёт он в жару тень. Одна девушка повадилась этим летом сидеть у его корней и читать книжки, прислоняясь нежной спиной к тёплому стволу.

Тополь задумался. Он смог многое узнать нового из того, что она читала. В перерывах между чтением она смотрела на воду, на лодки, что плескались в воде напротив, и думала. Да, он забыл сказать, что на

другом берегу речушки располагалась Лодочная Станция, и почти всегда в такую жару кто-нибудь там возился, а потом отправлялся в круиз по многочисленным водным артериям города. Девушка приходила сюда.

– Почему не в ботанический сад? – задал он как-то вопрос и услышал ответ:

– В саду жарко сейчас, а здесь присутствие воды. Она освежает, можно окунуть ноги, помечтать, полюбоваться на лодки, побыть в благосклонной тени этого доброго Тополя, зарядиться от него силой жизни. Ведь стоит же в такую жару, молодец, и не жалуется. Всё терпеливо выносит. А – зимой, в морозы...

И Тополь увидел слёзы на глазах девушки. Он оторопел.

Жара длилась, и её силы не иссякали. Девушка стала приходить каждый день. Ещё с утра он готовился к встрече с ней и молил жару не покидать город как можно дольше.

В тот день она пришла и была особенно красива. И книга была особенно интересна. История про неплодоносящую смоковницу его потрясла. Вдруг он почувствовал, как надвигается Беда. Беда шла к его девушке и хотела забрать её у него. Он затрепетал от самых дальних корней до последней веточки своей пышной кроны. Он стал лихорадочно думать, чтобы он мог предпринять. Но почему он так беспокоится? Что случилось?

Да. Произошло неожиданное. Тополь почувствовал, что неравнодушен.

– Но кто я и кто она? – сокрушался он. – Она такая красивая, свободная, талантливая. Однажды я стал свидетелем, как она всего за пару часов, спасаясь в жару в моей тени, написала целую поэму! О своём дедушке, как я понял. Почему?

– Я любила дедушку. Он, занимая высокую должность, многим помогал. Он был щедрым человеком, ценил книги и искусство, любил поработать в саду. Когда весной зацветали яблони, вишни, сливы, высокие груши, когда распускались нарциссы, тюльпаны и ирисы – благоухание сада наполняло весь наш дом. Это был всегда праздник души. А когда дедушка умер, все его забыли. Кроме меня и бабушки, – услышал Тополь и так растрогался, что чуть не заплакал, но не смог по известной причине.

– Ещё она и рисует. Я видел наброски карандашом в тетради. А у неё дома, я знаю, есть картины, написанные маслом. Да. А что – я? Я могу давать лишь тень, защищать её от полуденного солнца, от его безжалостно палящих лучей. Но она выбрала почему-то меня? Почему? Может быть я – красив? И Тополь покраснел. Это было никому не заметно. Но девушка, кажется, что-то почувствовала и с интересом принялась разглядывать его ветви и листья, подняв лицо вверх.

– Я испытываю дискомфорт, когда она уходит. Почему? Почему моё желание видеть её возле себя растёт с каждым днём и часом, и я хочу слиться с ней, стать одним целым? Почему, когда она приходит, мне кажется, что я весь изнутри озаряюсь светом, а когда она уходит, то всё во мне меркнет. Это доставляет мне страдание. Я тоскую и по ночам мне холодно, как никогда не было, даже в лютый мороз. Свет – ключевое слово! Кто мне говорил, что любовь – это свет? Берёза, кажется. И как она оказалась права. Теперь я не только испытал это высокое чувство света, но и узнал о нём многое. Девушка приходит с книгой, иногда двумя. В красивом летнем платье садится на траву, облакачивается спиной к моему стволу, как спинке кресла, достаёт из сумки книги, раскладывает у себя на коленях и погружается в чтение. А я замираю, стою, затаив дыхание, боясь пошевелить ветвями, чтобы не шуметь и не отвлекать. И я слышу все слова, какие она находит в её умных книгах. О, это не какие-то глянцево-журналы, модные однодневки. Нет. Моя девушка читает книги о Боге. Чаще всего это Плотин и Дионисий Ареопагит в переводах. Но бывают и другие авторы. Случаются и стихи и романы.

Да. О, как она преобразила мою жизнь, какие оттенки внесла в неё! Знание о разных светах меня потрясло до основания и перевернуло представления об этом мире. Взять свет ложный, например, которым пропитан этот мир, о сложных конструкциях из мыслей, за которыми скрывается тьма, как за занавесом необитаемого, покинутого актёрами и зрителями театра. Свет искусственный, временный, зависящий целиком и полностью от энергоресурсов и накрученной техники, которая способна ломаться, погружая в ночь и хаос целые города планеты. Много света опасно. Ослепительный свет ядерной бомбы. И весь мир на грани исчезновения, вспыхни он в своей мощи. Много ещё свето-цветов. Но это вообще мираж, обманка, ловушка, сети для души. Эти танцполы, ночные клубы, наркотики – индустрия развлечения, и в результате – поломанные судьбы, ранние смерти, СПИД, больницы и тюрьмы. Нет. Я не ханжа. Я просто люблю чистоту. Чистота даёт силу видеть истинную цель каждой рождённой формы, её предназначение, её индивидуальный путь развития. Каждый обязан вернуться душой живою, зрячей к отцу веков – к источнику питания – к солнцу. А кругом так много слепых мертвецов. Мёртвые души ходят по планете, заражая пространство мраком пустой сцены.

И я научился, видите ли, страдать и терпеливо ждать. Я научился загораться внутренним светом при виде моей девушки. Вот таким видом искусства я научился за время, проведённое с ней вместе. Я страдаю, когда она уходит. Но её лучезарное лицо, её улыбка поднимает меня со дна моих страданий, и я становлюсь – счастлив! Прав был и Клён. Счастье, и страдание, и любовь – синонимы.

Совсем забыл. Идёт Беда за моей девушкой. Я должен отвести её. О, Боже правый, Отец Веков! Забери меня, но её оставь жить, прошу Тебя. Я никогда не просил. Я просто жил. Если пришло время жатвы, пусть я стану его частью. Всё в этом мире стоит на жертве, на выборе. Так сделай меня счастливым абсолютно.

По телу Тополя пробежала дрожь, и крона его тревожно затрепетала каждым листиком. И тут он вдруг увидел лодочника, направляющего свою лодку прямо к нему.

– Девушка! – весело сказал лодочник. – Не желаете ли прокатиться со мной по финскому заливу? Вы всё сидите одна в такую жару. Не волнуйтесь, я привезу Вас обратно и даю слово, что с Вами ничего дурного не случится. Даю честное слово отставного генерала.

Моя девушка засмеялась и вдруг села к нему в лодку. И как же я обрадовался, как обрадовался!

Дело в том, что как только они отплыли, разыгралась страшная гроза. Гром грохотал и молнии падали с небес. Случилось то, что я предчувствовал уже с утра. И я смотрел, как зачарованный, и не мог отвести глаз от ливня молний, ослепительными стрелами падающими на город, пока одна из них не понеслась ко мне и не сразила меня под самый корень. И я рухнул. Я упал, сражённый в самое сердце. Я умирал медленно, перегородив дорогу. Движение на ней остановилось. Я занимал весь асфальт, и мои дальние веточки достигали ограды ботанического сада. Его умные обитатели испуганно молчали.

Девушка приехала отдохнувшая и радостная, но увидев вместо дерева останки пня, свежее мясо щепок и меня, беспомощно лежащим на дороге, чьи листья в каплях дождя ещё нежно подрагивали и смотрели на неё, она разрыдалась так сильно, что мне стало не по себе. Она долго стояла, не решаясь уходить, и всё смотрела, как покидает меня жизнь, как моя душа поднимается в небо. А я вдруг понял, что такое Любовь, её Свет и мне стало хорошо и спокойно. Я стал легендой для неё – для моей любимой девушки. Пусть только для неё одной. Бессмертен ли я? Но разве *это* важно, друзья?

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

НИТИ рассказ

Двор встретил меня молчанием.

В лицо ударил порыв горячего ветра. Без скрипа и стука, будто тягучая жара проглотила все звуки, закрылась и вновь открылась форточка чьей-то квартиры.

Я нащупал в кармане сплетённые нити, сжал в кулаке. Узелки врезались в ладонь, и мне на миг стало легче. Показалось – я снова мальчишка, вот-вот из окна выглянет Дора, мы побежим к старому колодцу и будем до темноты сидеть, облокотившись о волглый камень, и пить большими кружками компот бабушки Ланбро, перекачивать во рту вишнёвые косточки, хвастаться, у кого их больше, и, конечно же, болтать о тумане...

Капля пота скатилась на переносицу, глаза защипало. Я проморгался и направился к парадной. Деревянная дверь моего детства, повывавшая не одну стычку пьяных соседей и разборку дворовых котов, одряхлаела и рассыпалась в прах. Поставили бронированную – надёжную и безликую. Но таблички с именами жильцов у старых звонков остались – и я сумел разобрать полустёртые буквы: Ланбро... Когда-то у меня была подруга Дора Ланбро...

Повинуясь импульсу, я нажал на звонок – будто вдруг поверил, что прошлое откроет мне двери, те двери, которые если и существуют, то навсегда спрятаны в дымке времени и тумана.

К парадной подошла молодая девушка – в модно-дырявых джинсах и с огромными серьгами-тоннелями, в них можно было просунуть небольшой огурец. Девушка недоумённо глянула на меня, прижала ключ-таблетку к двери.

– Вы в какую квартиру?

– Тридцать седьмую.

Сам удивился, что до сих пор помню номер.

Девушка так и застыла, придерживая рукой дверь.

– И что вы забыли у меня дома?

– Вчерашний день.

– Нет, мужик, ты меня так не купишь. Нагулял простой способ обчистить квартиру? Думаешь, самый умный?

– Спасибо! – не обращая внимания на сердитые взгляды из-под татуированных бровей, я вошёл в парадную и принялся подниматься. Второй этаж, и сразу направо.

– Вызываю полицию! – понеслось мне вслед.

– На кухне у тебя стоит старый сервант, в нём разные стекла: справа – разноцветный витраж, слева – матовый. Ящик посередине плохо выдвигается, наискосок идёт зазубрина от ножа...

Сказал наугад. За столько лет всё могло измениться. Но сервант бабушки Ланбро мне всегда представлялся вечным. Первое время, когда семья Доры уехала, я частенько напрашивался в гости к новым жильцам: надеялся, что Дора оставила мне какое-то послание, но сколько ни искал – тщетно, только сервант восседал на прежнем месте...

Я остановился на втором этаже, моя новая знакомая забежала вперёд, загородила собой дверь.

– Откуда знаешь?

Серые глаза стали грозowymi. Эх, будет буря среди пекла!

Хотел опшутиться, прикрыть неловкость остротой, но знал: не сработает. Набравшись смелости, сказал:

– Здесь жил мой близкий друг. Я должен кое-что для неё сделать.

Девушка изучающе на меня посмотрела. Что она пыталась разглядеть за фасадом морщин и лет, не

стал гадать. Но, кажется, визуальную проверку на вшивость я прошёл. Девушка открыла дверь, посторожилась, впуская меня в квартиру.

Задержав дыхание, я переступил порог. Боялся: неосторожный вдох – и я безвозвратно уничтожу хрупкую дымку воспоминаний, то единственное, что осталось от Доры. Осмотрелся, мысленно заменяя мебель и перекрашивая стены. Современная тумбочка для обуви и стеклянный столик уступили место дореволюционному трюмо с мутным зеркалом, плиты ламината облущились в старые доски, я уже чувствовал, как играет под ногами пол, кокетливая люстра потеряла свой абажур и тускло засветила одинокой лампочкой. Как зачарованный я прошёл на кухню – сервант стоял в углу, нелепый анахронизм на фоне блестящей металлом кухонной мебели. И сразу увидел бабушку Ланбро. Внимательный взгляд васильковых глаз, тонкий длинный нос, светлая, будто выбеленная кожа, из-под завязанного на цыганский манер цветастого платка выбивается витая седая прядь. Руки ловко управляют с посудой – на столе расставлены банки, на полотенце сушится вишня. Рядом крутится Дора – худенькая, тёмноглазая, но тоже с хрустально-прозрачной кожей. Бабушка Ланбро, наш кухонный генерал, отдаёт команды, и Дора послушно сыплет в миску сахар. Рот наполняется слюной – я бы многое отдал, чтобы снова попробовать того вишневого варенья...

– Эй, с тобой все в порядке?

Хозяйка квартиры коснулась моего локтя.

– Нет, Лика, – имя я прочитал на кружке, которую машинально схватил со стола. – Кажется, я ошибся.

Надеялся, что квартира даст подсказку, и я пойму, как поступить. Совесть мучила меня все эти долгие тридцать лет – с разной интенсивностью и краткими перерывами на срочные дела: свадьбы, рождения, похороны, разводы. Я ведь не сразу понял, чем Дора поступила ради меня. Только когда сам пережил инфаркт – в том же возрасте, в котором он нагнал мою мать, – что-то начало доходить. Сплетённая в узелки нить – Дорин талисман – прошла со мной все реанимации и больницы. Знаю, глупо так думать, но уверен, она снова спасла меня. На сей раз мою жизнь. А тогда, давным-давно – моё детство...

– Мне кажется, ты не там ищешь, – неожиданно спокойно сказала Лика. – Начни отсюда! – и она ткнула пальцем мне в грудь.

Я криво усмехнулся, там искать точно нечего... Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я принялся рассматривать фото в рамках на подоконнике. Разглядел Лику в обнимку со стариками, рядом – парень в инвалидной коляске.

Девушка уловила мой взгляд, поспешно пересела на подоконник, загораживая фото. Вся её фигура будто сжалась, на лице проступила тревога и какая-то болезненность. Я вдруг перестал видеть нелепые дырки в ушах, вызывающий татуаж, рваные джинсы... В глаза бросилась белая фарфоровая кожа. Как у Доры. Почему я не заметил этого раньше?

– Извини... Может, нужна помощь?

– Справляюсь, – быстро ответила девушка. – Я при работе, если что. Медсестра. Ухаживаю за тяжелобольными...

– Там... в кресле... твой пациент?

– Брат... – нехотя выдавила Лика. – Неудачная авария. Хотя, что я говорю, разве бывают аварии удачными... Мама с папой...

Лика загнулась.

Вот почему на семейном фото пожилые люди – наверное, остались только бабушка и дедушка. Для родителей авария была не просто неудачной – последней.

Почему-то я почувствовал себя виноватым. Полез за бумажником, не глядя достал пачку купюр – с деньгами проблем у меня не было – протянул Лике... И наткнулся на уничтожающий взгляд.

– Думаешь, всё можно купить, да? Думаешь, твои бумажки что-то исправят? – девушка словно выплевывала слова.

Я видел, чего ей стоило не расплакаться. Хотел успокоить, но не знал как.

– Сказала же, не там ищешь, – совсем тихо добавила Лика.

Я спрятал бесполезные деньги в карман. Она права, это лишь бумажки. Неужели я обнищал настолько, что мне больше нечего дать?

Развернувшись, я пошёл из квартиры прочь – и снова окунулся в жару и навязчивые воспоминания.

В середине двора доживал свой век колодец – мраморный, пузатый, обхваченный поржавевшим железным обручем. Я никогда не видел, чтобы из него набирали воду. Ворот давно скрутили, ещё во времена моего детства, шахта была прикрыта крышкой, на которую соседки ставили горшки с цветами. Открыли колодец мы лишь раз...

От жары над плитами плывёт марево. Мы сидим у старого колодца – наше любимое место для игр. Красная нить в руках Доры причудливо вьётся узелками и петлями.

– Бабушка научила, – бросает Дора, не отрывая взгляда от нити. – Сделаю для тебя...

Её лицо становится белым-белым, почти прозрачным, тонкий профиль размывается, и Дору обволакивает сладкая вата тумана. Конечно, мне это кажется, так шутит надо мной марево раскалённого воздуха. Дора верит в свой туман, и мне нравится слушать её истории, но ведь они ненастоящие.

Мраморный бок колодца приятно холодит спину, полбанки компота выпито, под рукой новый футбольный мяч – отец ни с того ни с сего расцедрился на подарок. Со мной дружит Дора-недотрога, ни одного мальчишку со двора она больше не подпускает к себе. Чего ещё желать? Но меня гложет тревога. Маме плохо. Мы ходим к ней в больницу, папа пытается шутить, но мама не обращает на него внимания. Она смотрит на меня, её лицо – такое маленькое – утопает в необъятной подушке, я знаю – она хочет что-то сказать, вот только я не хочу это слышать. Папа, наверное, тоже не хочет, поэтому всю дорогу сам трещит без умолку. Но домой мы идем уже в молчании. На ужин – подгоревшая картошка. Я без напоминаний мою посуду, делаю уроки. В гостиной во всю громкость стрекочет телевизор, но квартира кажется брошенной и пустой...

Дора будто чувствует моё настроение, поворачивает голову, внимательно смотрит. Её взгляд совсем взрослый, мне становится не по себе. Но Дора берёт меня за руку, запястье щекочут узелки нитяного браслета, и я успокаиваюсь.

Теперь точно вижу – вокруг нас клубится настоящий туман. Жара сменяется влажным холодным ветром. Дора оглядывается, ёжится. Её руки в моей начинают дрожать.

Не верю своим глазам. Выходит, истории Доры про туман – правда!

– Открой крышку! – шепчет Дора мне прямо в ухо. – Открой крышку!

Я оттаскиваю горшки, отскакивает ржавая петля, и я тяну на себя люк колодца. Крышка медленно сдвигается, а из шахты колодца, как из кипящей кастрюли, валит пар-туман. Он заполняет всё вокруг, и я перестаю видеть двор, сам колодец, Дору, только чувствую руку девочки и шершавую нить на запястье. И этого достаточно – я доверяю Доре.

Мы куда-то идём, я выхожу влажный воздух и, кажется, сам становлюсь туманом.

– Проси его о чем-то! Проси! – Дора повторяет все фразы по два раза, будто молитву читает.

О чём можно просить туман? Дурацкая идея. Но Дора настойчиво сжимает мою руку, и меня будто прорывает.

– Пусть мама поправится! – кричу я белёсой мгле. – Пусть она выживет!

Вихрь подхватывает нас, отрывает от земли, я кувыркаюсь, но даже тогда не выпускаю руки Доры...

Снова сижу у колодца. Под рукой мяч, рядом – Дора. Недоумённо оглядываюсь. Встаю. Крышка на месте. Горшки с цветами, правда, сдвинуты. Но их могла переставить соседка. Разжимаю кулак – в нём плетёная узелками нить.

Дора улыбается. В её глазах стоят слёзы.

– Всё будет хорошо, – говорит подружка. – Обещай, что не забудешь меня.

Растерянно пожимаю плечами. Мы все дни проводим вместе. И так будет всегда. Как я смогу её забыть?...

Из воспоминаний меня выдернул рыжий кот. Потёрся о ноги, запрыгнул на крышку колодца, деловито обнюхал руки. И недовольно дёрнул хвостом. Я был с ним согласен: мне тоже не нравился запах сожалений и разочарований.

На всякий случай я попробовал приподнять крышку. Приложил все усилия, на которые был способен сорокалетний мужчина в неплохой физической форме – тщетно. Крышка не сдвинулась и на сантиметр. А десятилетним мальчишкой я поднял её с легкостью!

То был последний раз, когда я видел Дору. Они с бабушкой Ланбро уехали внезапно, в один день. Я заметил чемоданы возле парадной, стучал в дверь – не открыли, обошёл дом, чтобы подобраться к окну Доры, но так и не докричался. Наверное, тогда я обиделся на неё. У меня появились новые друзья, и Дора постепенно забылась. Но оглядываясь назад уже во взрослом возрасте, я не мог простить себе, что не попрощался с ней. Не понял её слов.

А мама выздоровела. Пережила две моих свадьбы, развод с папой, дождалась внуков. И долг до сих пор не закрыт. Я чувствовал, нет, знал, Дора уехала из-за меня. Она чем-то поплатилась за свою помощь, чем-то важным. Не просто привычной квартирой и размеренной жизнью. Были тысячи вариантов, куда могла уехать семья Ланбро. И я потратил немало времени, перерывая архивы и соцсети в поисках хоть намёка на их имена. Всё без толку. Иногда во сне я вижу, как девушка с прозрачно-белой кожей и пожилая женщина в цветастом платке уходят по ту сторону тумана, и мягкая дымка превращается в непроницаемую стену. Но я не мистик, не шаман, без Доры я не смог поднять даже крышку старого колодца. Чем мне помочь ей? Как отплатить за её добро? Как вернуть оттуда?

Я снова побрёл к знакомой парадной – как зверь, мечась между прутьями в клетке воспоминаний.

Застыл у двери, уставился на табличку с фамилией. Рука машинально скользнула в карман, нащупала узелки нити...

«Не там ищешь» – всплыли в голове слова Лики.

Ответ пришёл внезапно. Боже, какой я дурак! Ведь было столько подсказок!

Я бросился за дом, к окну.

– Лика! – закричал я. Сердце замерло.

Только не звенящая пустота, пусть кто-то ответит!

Дрогнула занавеска, в окне показалась девушка.

– Я знаю, где искать! Я нашёл! Открой дверь, прошу!

Это был самый долгий путь до двери тридцать седьмой квартиры. Каждую секунду боялся – не успею!

– Возьми! – прямо с порога я протянул Лике связанную узелками нить. – Дороже вещи у меня не было и нет. Обязательно поможет!

Я верил, что так и будет. Стало неважно, каким именно образом спасают узелки и существовал ли загадочный туман на самом деле или память причудливо вывернула детские впечатления. Люди видят то, что хотят видеть. Помогли не туман и не узелки сами по себе, через них мне передалась уверенность Доры. В этом и заключалась большая часть волшебства.

Непроницаемое лицо Лики дрогнуло. Девушка сжала подарок в кулачке, часто заморгала.

– Это сделала моя подруга. Она дважды спасла меня. И много отдала за это – больше, чем я способен представить. Теперь моя очередь выручать из беды. Я должен, просто обязан кому-то помочь...

Я говорил и говорил – про удивительную Дору и её бабушку, про наши игры, про детство – надеясь, что хоть так сумею развеять белёсую дымку забвения, за которой скрылась когда-то моя подружка.

Лика слушала с интересом, её глаза блестели, и постепенно за спиной девушки проступало другое девичье лицо. Дора улыбалась. А, значит, я всё сделал правильно.

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

НИМФА рассказ

*– Чёрт возьми! – вскричал Гопкинс. – Не думаете же вы, что автомобиль обладает сознанием, душой?!
– Да, обладает, – сказал я. – В той мере, в какой мы наделяем его этой частью нашего существа.*

Александр Грин. Серый автомобиль

Георгий Иванович был в том возрасте, когда строить планы на будущее уже, наверное, несколько поздановато, хотя и записывать себя в старики было ещё рано. Если считать, что возраст определяется не прожитыми годами, а состоянием души, то многие из нас, считая себя молодыми, страдают гипертонией, радикулитом, склерозом и прочими недугами, называемыми, мягко говоря, возрастными изменениями организма, а если сказать несколько грубее, то старческими болезнями. Естественно, и у Георгия Ивановича всех этих возрастных изменений имелось предостаточно, но была у него ещё одна неизлечимая болезнь, которая приносит не меньше страданий, чем все остальные, – он был писателем.

Возможно, более точно его следовало бы назвать графоманом, поскольку писатель – это профессия, которая даёт некоторые средства к существованию в виде гонораров за опубликованные сочинения, а графомания – это уже болезнь, которая ничего кроме душевных страданий принести не может, но Георгий Иванович графоманом себя не считал. Не будем и мы его называть таковым, хотя страсть к сочинительству не приносила Георгию Ивановичу ничего, кроме творческих мук, переживаний, колебаний состояния души от восторженности, эйфории до глубочайшей депрессии.

Сочинения Георгия Ивановича публиковались в некоторых литературных журналах, сборниках прозы и поэзии, и, конечно же, на необъятных просторах интернета. В бумажных изданиях публиковались лишь произведения небольшого объёма – стихи, рассказы, а повести и романы, которые у него тоже были, Георгий Иванович публиковал в интернете. Конечно, можно было бы издать за свой счёт и роман, и сборник повестей и рассказов в виде отдельных книг, но финансовых возможностей для этого у Георгия Ивановича не было – с работы он давно уволился и существовал лишь на одну пенсию, не имея никаких дополнительных доходов.

Для чего он писал? А для чего вообще пишут стихи, поэмы, рассказы, повести и романы? Один довольно известный русский писатель, Иван Солоневич, утверждал, что литература – это кривое зеркало жизни, а кривизна русской литературы вообще уходит в четвёртое измерение. Но дело в том, что писатель не отражает жизнь, те, кто хотят отобразить жизнь как можно точнее, пишут социологические исследования, экономические трактаты, монографии по психологии и прочие научные труды, писатель же занят несколько иным делом, он не отражает реально существующий мир, он строит свой. Он убегает от реальности, от несправедливости существующего мира в тот, который создал себе сам, создал таким, в котором ему живётся комфортно, по крайней мере, комфортнее и уютнее, чем в той реальности, на которую обрекла его судьба.

Писатель, как наркоман, уходит в мир грёз, в мир, созданный своим воображением. И ни время, ни пространство не могут никак ограничить воображение сочинителя, он может построить свой мир в глубине давно упрежденных веков или в далёком будущем, в его распоряжении вся земная география, а если и планеты нашей ему покажется мало, то он легко строит мир свой в неведомых звездных мирах. И вовсе не имеет значения, известен ли этот сочинитель широким кругам читателей, либо единственным

читателем своих сочинений является он сам. Ведь пишет он не ради каких-либо литературных премий, не ради призовых мест на престижных литературных конкурсах, и даже не для того, чтобы однажды ему вручили удостоверение члена союза писателей, он просто создаёт свой мир. Именно по этой причине и писал свои сочинения Георгий Иванович.

Конечно, как и любой пишущий человек, будь то признанный писатель, или никому не известный графоман, Георгий Иванович мечтал о том, что когда-то все сочинения его будут изданы большим тиражом, будут покупаться благодарными читателями и приносить автору некоторый доход. А ещё мечтал он о том, что когда-нибудь по его роману снимут фильм, который, несомненно, принесёт ему славу и деньги.

Если в более раннем возрасте мечта может стать целью, воплотиться в конкретных планах и, в конце концов, превратиться в реальность, то в возрасте Георгия Ивановича планировать свою дальнейшую жизнь было уже поздно, и оставалось довольствоваться лишь мечтой. Мечта – это тоже своеобразная форма творчества, и иногда она самым непостижимым образом может реализоваться в действительности. Об этом людям было известно ещё со времен античной древности, когда скульптор Пигмалион силой своей мечты сумел оживить созданную им статую девушки – Галатеи. И если скульптор смог оживить статую, вырезанную им из слоновой кости, то почему же писатель силой своей мечты не может оживить созданные им образы, воплотив их в кинематографе?

Естественно, для воплощения этих образов в кинематографе нужен режиссёр, продюсер, актёры и ещё много-много всего разного, что не подвластно мечте писателя, но ведь и Пигмалиону осуществить свою мечту помогла Афродита, приняв мечту скульптора так близко к сердцу, что оживила созданную скульптором статую. Примерно так рассуждал Георгий Иванович, мечтая об экранизации своего романа. А, может быть, ничего такого он и не думал, не пытался сравнивать себя с древнегреческим скульптором, но произошло всё примерно так.

Однажды вечером, когда Георгий Иванович пил чай, собираясь лечь спать, ему позвонили. Звонивший представился режиссёром и спросил, как бы Георгий Иванович отнёсся к тому, чтобы снять фильм по его роману, опубликованному недавно в интернете? Сперва Георгий Иванович решил, что его попросту хотят разыграть, но приехав на следующий день на киностудию и переговорив с режиссером, он понял, что это не розыгрыш, и дело обстоит серьёзно. Обговорив эту идею в общих чертах, заинтересованные стороны составили договор, согласно которому Георгию Ивановичу причитался определенный гонорар. На него также возлагались определённые обязательства по переработке своего романа в соответствии с требованиями, предъявляемыми к текстам сценариев.

С этого момента монотонная жизнь Георгия Ивановича резко изменилась, он сразу же включился в работу. Он писал, согласовывал текст с режиссёром, правил, опять писал, присутствовал на съёмочных площадках, выслушивал претензии к тексту актёров, снова правил, снова согласовывал, и так продолжалось изо дня в день.

В ходе этой работы на его счёт стали поступать деньги, сперва их было не так уж много, но когда фильм был снят и появился на экранах, у Георгия Ивановича уже скопились некоторые средства, позволяющие подумать о том, что можно было бы поменять давно требующую ремонта квартиру в «хрущёвке» на небольшой уютный домик на побережье. Он перечитал объявления и, обойдя вниманием роскошные, словно сошедшие со страниц зарубежных журналов, особняки, остановился на небольшом недостроенном домике вблизи моря. Строение это не впечатляло своими размерами, но Георгий Иванович подумал, если вложить средства и приложить усилия, то из этого недостроенного дома можно соорудить весьма уютное гнездышко, в котором можно будет без суеты провести остаток своих дней.

Не надеясь на свои способности к оформлению, Георгий Иванович пригласил в качестве дизайнера своего приятеля, с которым он познакомился на литературных вечерах, Виктора Петровича, работавшего художником-оформителем в местном театре. По специальности Виктор Петрович был скульптором, но скульптур ему никто не заказывал, и он довольствовался тем, что с воодушевлением ваял из папье-маше чудесные статуи для театральных декораций.

Было начало марта, когда Георгий Иванович пригласил Виктора Петровича в загородный посёлок. Зимний снег уже почти сошёл, и лишь местами лежали грязно-белыми пятнами не успевшие растаять сугробы. Было ещё холодно, и порывистый ветер заунывно гудел в трубах, свистел в проводах, пронося над посёлком рваные клочья тёмных, мрачных облаков.

Показав Виктору Петровичу своё приобретение, Георгий Иванович спросил:

– Как думаешь, можно из этого всего сделать что-либо приличное, так, чтобы не очень дорого, но со вкусом.

- Ну, это смотря на чей вкус, – ответил Виктор Петрович.
- О своём вкусе говорить не буду, полностью полагаюсь на твой.
- Давай посмотрим, подумаем.

Виктор Петрович несколько раз обошёл дом, что-то бурча себе под нос, делал какие-то заметки в блокноте, и, показав на котлован перед самым входом, спросил:

- А это что? Что тут прежний хозяин задумывал сотворить?
- Тут должен был быть плавательный бассейн, – ответил Георгий Иванович.
- Мда, – пробурчал Виктор Петрович, – полнейший абсурд. А тебе, вообще, плавательный бассейн нужен? Море ведь рядом.

– То-то и оно. Я думал его засыпать и на этом месте какую-нибудь клумбу соорудить.

– Клумбу, говоришь? А если здесь соорудить небольшой прудик, ну, такой водоём, замаскированный под естественный, форму, конечно, мы изменим, ну, примерно вот так.

Виктор Петрович нарисовал на листе бумаги овал неправильной формы.

- Думаю, было бы уютно, – ответил Георгий Иванович.
- Здесь, – Виктор Петрович показал на проём входной двери, – будет веранда под стеклом от потолка до самого пола, тут лавочку и столик поставим недалеко от пруда, можно будет и чай попить и поработать над романом, сзади мы пруд обсадим плакучими ивами, так, чтобы ветви свисали над водой, а перед водоёмом соорудим какую-нибудь скульптуру, ну, например, нимфу, сидящую у края воды. Как тебе такой вариант?

- Согласен, – ответил Георгий Иванович.
- Ну, тогда я проект готовлю, смету составляю, и приступим.

К началу августа все работы были закончены, и Георгий Иванович поселился в своём новом доме. Почувствовав прилив творческих сил, он вновь приступил к работе над романом, который забросил почти год назад, зайдя в тупик в поисках новых поворотов сюжета. Он сидел за столом перед озером и писал, писал увлечённо, мысли возникали из пространства и ложились на экран ноутбука. Когда было прохладно или шёл дождь, Георгий Иванович работал в своём кабинете, сидя перед сплошным стеклом, открывающим вид на искусственное озеро.

В этом доме ему нравилось всё, всё вызывало умиротворение и покой, но особенно нравилась ему скульптура нимфы, высеченная из мрамора. Виктор Петрович, истосковавшись по работе над скульптурой, вложил в неё весь свой талант, всё своё чувство прекрасного, нимфа сидела, облокотившись на парапет водоёма, и смотрела на дом, на то огромное стекло, отделявшее веранду от сада. Только взгляд её казался необыкновенно печальным, и где бы ни работал Георгий Иванович, то ли в своём кабинете, то ли на открытом воздухе, он постоянно встречался с ней взглядом, смотрел на неё долго, не отрываясь, и, казалось, это бездушное каменное изваяние неотрывно смотрит на него, глаза в глаза. Скульптура была выполнена так, что под каким бы углом на неё не смотрели, создавалось впечатление, что она смотрит Вам прямо в глаза.

Каждое утро Георгий Иванович здоровался с нимфой, в ненастную погоду стирал с неё капли дождя, вытирал ей полотенцем лицо, поглаживая рукой её каменные волосы. Через некоторое время он поймал себя на том, что мысленно разговаривает с ней. Это не было удивительно, после развода с женой Георгий Иванович жил один и, чтобы как-то развеять это одиночество, постоянно мысленно разговаривал с кем-нибудь. Он говорил с людьми, которые жили где-то далеко, или же существовали только в его воображении, он и сам не заметил, как стал разговаривать с каменным изваянием. Сперва он говорил с нимфой мысленно, затем, когда вокруг не было никого кроме него и каменной скульптуры, он говорил с ней вслух.

Иногда он спорил с ней, что-то доказывал, он создал некий образ, и наделил его характером. Георгию Ивановичу стало казаться даже, что он слышит её голос, её особый мягкий тембр, красивый, тихий, несколько печальный. Он готов был покаяться, что узнал бы этот голос среди сотни других голосов. Когда что-то не получалось в работе над романом, он советовался с нимфой, спрашивал её, и, как казалось ему, получал ответ. Он зачитывал ей главы из своего романа, и правил те места, которые ей могли не понравиться. Она сделалась настолько близким ему существом, что Георгий Иванович уже и забыл, что это всего лишь скульптура, бездушное каменное изваяние. Георгий Иванович даже дал ей имя, отыскав в литературе по мифологии древней Греции имена водных нимф, он стал звать её Лилея. Он настолько свыкся с ней, что прежде, чем совершить какой-либо поступок, думал, а как Лилея к этому отнесётся? Лилея стала как бы частью его самого, везде, где бы он ни был, что бы ни делал, он повсюду ощущал её живое присутствие.

Нет, нет, Георгий Иванович не сошёл с ума, он, как и прежде, оставался в здравом рассудке, и в том, что из каменного изваяния он создал образ реальной, живой девушки, наделил её чертами характера, ничего удивительного не было.

Разве мы, живя бок о бок с реальными живыми людьми, воспринимаем их такими, какими они есть на самом деле? Мы создаём себе образы, наделяя их теми чертами, которые хотели бы видеть в близком человеке, мы считаем, что достаточно хорошо знаем их, но на деле, мы знаем и любим лишь то, что создали себе сами, и когда кто-то близкий нам совершает поступок, который не укладывается в нашем понимании, мы удивлённо восклицаем: «Как он мог? Разве можно было от него ожидать такого?», не понимая, что реальный человек, совершивший не понравившийся нам поступок, имеет порой мало общего с тем образом, который мы создали себе сами, мы приходим в разочарование, в отчаяние, не понимая, что любили не того, кто был с нами всё это время, а тот образ, который сами сотворили и полюбили, поверив в реальность призрака, построенного в нашем воображении, а тот, другой, реальный человек всё это время жил своей жизнью, своими интересами, о которых мы не подозревали, поскольку интересы эти были так далеки от наших.

В некотором смысле Георгий Иванович был счастливее нас всех, поскольку за образом, сотворённым им, не было реального человека, чьи интересы отличались бы от интересов самого автора этого творения, потому разочарование Георгию Ивановичу не грозило, каменное изваяние не совершало никаких поступков, не жило своей жизнью, а находилось полностью под властью воображения Георгия Ивановича.

Он часто вспоминал миф о Пигмаллоне и Галатее, думал и не находил ничего необычного в том, что скульптор силой своего воображения и любви смог оживить созданную им скульптуру. Он создал образ, и Афродита, чьи творческие способности были выше, чем способности любого из смертных, восприняв образ, созданный автором, помогла Пигмаллиону оживить статую. Наши предки, не обладавшие достижениями современной цивилизации, живя среди природы, завися от стихий, считали, что всё существующее в этом мире имеет душу. Они наделяли душой и лес, и горы, и моря, и прочие водоёмы, считали, что даже камень, неподвижно лежащий у дороги, тоже имеет душу.

Значит, думал Георгий Иванович, если наши предки были правы, то и у этой мраморной статуи есть душа, и образ, который нарисовал себе Георгий Иванович в своём воображении, оказывает воздействие на душу каменного изваяния, преображая её, и это уже душа не камня, обработанного рукой скульптора, а душа девушки-нимфы, душа Лилей.

Нет, он не думал, что может силой воображения своего оживить каменную скульптуру, он прекрасно понимал, что, несмотря на то, что человек наделён силой воображения, никому из людей, даже гению, не подвластно то, что подвластно богам, но сама мысль о том, творение из камня может обрести человеческую плоть, казалась ему не такой уж нелепой.

Время шло, работа над романом продвигалась, и Георгий Иванович не заметил, как лето сменилось осенью, над поселком потянулись дымки догорающих листьев, всё чаще небо хмурилось низкими, тёмными облаками, проливаясь на землю монотонным, затяжным, серым холодным дождём.

К вечеру дождь, начавшийся с утра, прекратился, и Георгий Иванович подумал, что надо бы сходить в магазин за продуктами, пока нет дождя, метеопрогноз ничего утешительного не обещал, дожди прогнозировались недели на две, не меньше.

В центре посёлка находился небольшой универсам, где можно было купить всё необходимое, начиная от продуктов питания и кончая одеждой, туда и отправился Георгий Иванович за покупками. Только он вошёл, как внимание его привлекла какая-то возня, толкотня, крики у самого входа, Два здоровенных охранника держали за руку хрупкую девушку, одетую явно не по сезону, прижимавшую к себе какой-то свёрток. «Вызывайте милицию! – кричала продавщица на кассе, – она свитер украла!».

Что-то в этой несчастной девушке показалось ему удивительно знакомым, какой-то необъяснимо печальный взгляд затравленного зверька, растеряно стоящего перед сворой вооружённых охотников.

– Не надо милиции, – сказал он, забирая у девушки пакет, – отпустите девушку, я заплачу за свитер.

– Как же, как же, заплатит он! – не унималась продавщица. – Люди добрые! Да что же это делается! Он же сообщник! Кто она Вам?

– Это родственница моя, успокойтесь, пожалуйста, – он подошёл к продавщице, держа свёрток в руках, – возьмите деньги за свитер.

Возможно, дело приняло бы плохой оборот, и охранники, и продавщица были настроены воинственно и настаивали на вызове милиции, но тут продавщица узнала его, он часто покупал продукты в этом универсаме, а поскольку посёлок был невелик, то постоянных покупателей продавщицы знали в лицо.

– А, это Вы, Георгий Иванович! Следить надо за своими родственниками!

– Извините, я отвлёкся, она не краля, я должен был заплатить, но отвлёкся, простите.

Они вышли на улицу.

– Спасибо Вам, – тихо сказала девушка. Голос этот показался Георгию Ивановичу удивительно знакомым, таким знакомым, что он узнал бы его из сотен других голосов, и он узнал, только никак не мог вспомнить, кому он принадлежит? Где он уже слышал его? Какое-то странное состояние охватило Георгия Ивановича, он словно пребывал вне действительности, в каком-то ином мире, в нездешней реальности, в состоянии между явью и сном. Иногда просыпаясь утром мы никак не можем избавиться от только что увиденного сновидения, но дело даже не в самом сновидении, не в картинке, а в том необыкновенном состоянии, которое этим сновидением вызвано, состоянием, которое невозможно ни объяснить, ни передать словами, ни избавиться от него. Иногда в этом состоянии можно проходить целый день, что-то делая, отвечая на чьи-то вопросы, с кем-то разговаривая, но находясь в то же самое время где-то далеко, очень далеко, в совершенно иной реальности.

– Вот, возьмите, – Георгий Иванович протянул девушке свёрток со свитером.

– Простите меня, – так же тихо и печально сказала она, – мне стало холодно, а у меня совершенно нет денег, вот я и взяла свитер.

– С Вами что-то случилось?

– У меня украли сумочку с деньгами и документами, мне не к кому обратиться, я никого не знаю в этом городе.

– Вы в милицию обращались? Написали заявление?

– Да, заявление я написала, но, сказали, что вряд ли найдут.

– Вы давно приехали? Одеты Вы явно не по сезону.

– Да, я приехала, когда ещё было тепло, остановилась в гостинице, тут рядом, а на днях обнаружила, что сумочки с деньгами и документами нет. Совершенно не знаю, что делать.

– Идёмте ко мне, у меня можете пожить, места хватит.

– Нет-нет, что Вы! – она испуганно отстранилась. – Я никак не могу к Вам, я живу в гостинице, номер оплачен ещё до завтра, а завтра у меня пароход, уплыву домой.

– Куда? – спросил Георгий Иванович растеряно.

– Это далеко, очень далеко отсюда.

– Ну, тогда давайте вернёмся в магазин, купим Вам ещё что-нибудь из одежды, Вы ведь вся дрожите от холода!

Они вернулись в универсам, и Георгий Иванович купил девушке джинсы и кроссовки.

– Давайте, я Вас до гостиницы провожу, – предложил он.

– Нет-нет, не стоит, спасибо Вам за всё, нет, не стоит, здесь недалеко. Всё, прощайте, я побежала.

Она растаяла в сумерках, так ничего и не объяснив, а Георгий Иванович, вернувшись домой, долго сидел на скамейке перед озером и смотрел на мраморную фигуру нимфы, не понимая, что же произошло. Ночью ему приснился сон, странный, необъяснимый, тревожный.

Ему приснилось, что нимфа, его Лилея, заговорила с ним. Она говорила голосом той девушки, укравшей свитер в универсаме. Он сидел на скамейке перед озером, по поверхности воды плавали облетевшие жёлтые листья, а нимфа смотрела на Георгия печальным взглядом и говорила:

– Это ты создал меня, ты, до этого я была лишь каменным изваянием, но ты говорил со мной, ты создал образ, наделил меня всеми человеческими качествами, научил любить, моя душа – это уже не душа камня, лежащего у дороги, и даже не душа каменного изваяния, это душа живая, ранимая, страдающая, страдающая от того, что тело моё остаётся камнем, а душа, нежная, трепетная хочет ласки и любви. Я вся полностью в твоей власти, но я больше не могу здесь камнем лежать у этого озера. Если ты любишь меня – отпусти! Отпусти меня, прошу тебя, отпусти! Если ты отпустишь меня, я уйду, я обрету живую плоть, но никогда не буду твоей, и никогда больше сюда не вернусь. Ты можешь разбить меня на части, и я умру, умрёт и душа и тело, тело каменное, не живое, его не жалко, но душа, она тоже умрёт. Если любишь меня, прошу тебя, отпусти.

Георгий Иванович проснулся, но продолжал лежать, не открывая глаз, состояние, вызванное сном, не отпускало его, он медленно приподнял веки, стараясь не расплескать состояние, навеванное сновидением. Он продолжал слышать голос, повторяя мысленно всё, услышанное во сне. Он пытался сопоставить образ, увиденный во сне, то с незнакомой девушкой из универсама, то с каменным изваянием нимфы, и, совмещая их, пришёл к выводу, что это один и тот же образ. Нет, он не считал, что та девушка – это

ожившая скульптура нимфы, но образ, несомненно, был одним и тем же, объяснения этому не было, да он и не искал его. Существует нечто иррациональное, нездешнее, но осязаемое, что не имеет объяснений и не требует их, а при попытке найти рациональное объяснение иррациональному, ощущение это пропадает, тает, исчезает, оставляя лишь неясные воспоминания, тонкие, призрачные, едва уловимые.

Георгий Иванович спустился вниз, вышел в сад, подошёл к нимфе, снял прилипшие к мокрому от ночного дождя камню жёлтые листья, ласково погладил рукой каменные волосы и тихо сказал:

– Я отпускаю тебя, моя Лилея.

Он ощущал, что между той девушкой из универсама и этой каменной нимфой есть связь, ему захотелось снова увидеть её, ту девушку, имени которой он так и не узнал. Поблизости была всего одна гостиница, и если девушка остановилась в ней, то служащие должны её помнить.

Георгий Иванович пришёл в гостиницу, но, как ни старался он описать свою случайную незнакомку, никто из служащих не мог вспомнить её, хозяйка гостиницы утверждала, что никто из женщин, моложе пятидесяти лет в ближайшие два месяца в гостинице не останавливался. Тогда он помчался в местное отделение милиции, если девушка обращалась туда, то должно было остаться заявление, где указаны её имя, фамилия и место жительства, но дежурный ответил, что по поводу кражи сумочки никто в отделение за последнее время не обращался.

Георгий Иванович пошёл к морю, подошёл к обрыву и долго смотрел вдаль, пока его грустные размышления не прервал протяжный гудок теплохода, из порта выходил круизный белый лайнер. Георгий Иванович посмотрел на него, и ему на мгновение показалось, что на верхней палубе лайнера стоит та самая девушка, одетая в свитер и джинсы, купленные им вчера в том самом универсаме, и машет ему рукой. Показалось, конечно, показалось, теплоход был слишком далеко, и он не мог разглядеть стоящих на палубе людей, но помахал ей в ответ, повернулся и пошёл домой.

Когда он вошёл во двор, каким-то необычным показался ему такой знакомый, родной пейзаж. Что-то было не так, он ещё не мог понять что, и вдруг внезапно он понял, что было не так, как обычно – скульптуры нимфы у края озера не было.

«ОКОЁМ»

«45 КАЛИБР – 2018»: ПЯТЬ КОПЕЕК «ЮЖНОГО СИЯНИЯ»

От редакции: уже в который раз наш журнал, являясь партнёром, внимательно следит за подведением итогов ежегодного международного поэтического конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского, в этом году уже в шестой раз проводимого интернет-альманахом «45-я параллель», и, являясь партнёром конкурса, публикует понравившиеся нам конкурсные подборки лауреатов конкурса. Итак, в этом году победителем турнира стала Наталья Разувакина (Екатеринбург), а лауреатами: Михаил Базилевский (Иркутск), Юрий Бердан (Нью-Йорк), Лена Берсон (Израиль, Рамат-Ган), Игорь Бирюков (Владимир), Ольга Гуляева (Красноярск), Вячеслав Иванов (Смоленск), Ирина Карпинос (Киев), Любовь Колесник (Москва), Виктория Кольцевая (Ровно), Александр Крупинин (Санкт-Петербурге), Светлана Пешкова (Липецк), Павел Соловьёв (Гродно), Ня Сонина (Москва), Юлия Шокол (Николаев) и Владислав Южаков (Санкт-Петербург). Подборки пяти авторов мы публикуем в «Южном Сиянии».

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

Екатеринбург

Наша остановка – Психбольница. Посмотри, сыночек, – снегири. Нам бы улыбаться научиться, засветить фонарик изнутри. У тебя невидимая метка на челе, а может – на крыле. Получи волшебную таблетку, чтоб держался крепче на земле. Корпусов бездонные глазницы. Облаков бездомные стада. А у здешних псов такие лица, будто провожают навсегда. Я тебя доверю только Богу. Доктора и девочки не в счёт. Родина смирительной дорогой до седьмого неба вознесёт.

АКУНА МАТАТА

Она травки заваривает в ночи – он беспечно курит траву.
Она плачет без слёз и без слов кричит: Как нелепо я с ним живу!
У меня – Пастернак, альвеолами врос, у него – Боб Марли и дурь.
Я уйду сегодня же, не вопрос, пусть поищет других дур.
А вчера привела его в белый храм – он сбегал через десять минут.
Говорит – там прожекторы бьют по шарам и девки фальшиво поют.
А ещё молилась в слепую синь, в унитаз выливала коньяк...
Не отринь его, Господи, не отринь, и спаси – я не знаю, как.

И пройдёт ещё лет каких-нибудь дцать – на живульку, навзрыд, налегке.
 Она вдруг начнёт навсегда угасать, как свечка на сквозняке.
 Дурные вести в белых халатах – как ветры, и дверь с петель.
 А он свою акуну-матату положит в её постель.
 Все травы, все регги и все аккорды, и дреды, и косяки,
 Все силы его, будто волчьи морды, замрут у её руки.
 И небо укроет их синим взглядом, и дальний выстелит путь,
 И ангелы запоют где-то рядом, боясь налажать чуть-чуть.

ПЛОЩАДЬ ОБОРОНЫ

в коричневую хлябь на площадь обороны
 в начале февраля и в день любой другой
 шагали как в портал в портянках и погонах
 с сигарками у рта
 уверенной ногой

здесь яблони теперь балованные дети
 дышать смотреть терпеть
 собачки в поводу
 а небо голубей чем даже в сорок третьем
 и кляксы голубей
 и лужицы на льду

здесь яблони молчат и памятник на горке
 и только по ночам часа примерно в три
 гуляют ветерки
 дымок гоняя горький
 гуторят мужики до самой до зари

а мы стальных дедов пластмассовые клоны
 взираем поутру на памятник с мечом
 ложится первый снег на площадь обороны
 прижмись ко мне плечом
 прижмись ко мне плечом

и колокольный нимб медлительный и длинный
 и жизнь моя под ним привольна и проста
 и я стою одна невольной магдалиной
 и новая война читается с листа

РОДИНА

Стоишь – чужая, злая, испитая. Растрёпана, растеряна, больна. Ещё вчера была одна шестая, сегодня – одинёшенька-одна. На брачный пир неправильно одета, да курево... Не ладан, не «Шанель». Но мальчишки – солдаты и поэты – с небес раскинут белую постель, и снеговым согреют покрывалом, и ототрут запёкшуюся кровь. От сердца, от подола отрывала – они к тебе вернулись под Покров. Не узнаёшь – и ладно, им привычно. И дважды никому не умирать. Зато оттуда видится отлично, что ты лицом – ей-Богу! – Божья Мать.

Давай играть, что за окном пурга,
 Ночная глушь на сотни вёрст окрест.
 Ты старый кот, я – бабушка Яга.
 Придумаем себе волшебный лес,

Бессонницу, безрыбье, беспредел
Снегов и слов в словом блиндаже.
Ты чёрный кот, ты просто поседел –
Почти война, а может быть – уже...

А дети спят, и мы у них – одни,
И друг у друга (Господи, прости!)
Ты на часы, пожалуйста, взгляни –
Будильник будет около шести.
Но и его, конечно, заметёт,
Заглушит разгулявшаяся тьма,
И стрелка сонной рыбкой отомрёт,
И будет нам – зима, зима, зима...

Давай играть в несбывшуюся жизнь.
Давай играть – пока не надоест.
Войну, и лес, и зиму расскажи –
Тем более, что так оно и есть.

ИЯ СОНИНА

Москва

БУКАШКИ

сферический, в антеннах, луноход,
отринув притяжение, ползёт
(любая тварь на этом свете божья!),
скафандр его сиена и краплак,
кармическая надпись самодурак
неразличима для мохнатых ножек.

он следует по правилам игры –
сканирует все трещинки коры,
садов, как таковых, не постигая,
ландшафт ствола неровен и бугрист,
подсуну от жары засохший лист –
извольте исследовать пергамент?

не вышло! аппарат не так-то прост,
он лист зато использует как мост,
переползая на руку, на столик,
с планеты на планету, он упрям,
задраил люки, выключил экран,
почувствовав себя на минном поле.

оп! снова ожил – скользкий край, щелчок,
взлетел и промахнулся, мне в плечо
вцепился, завертелся, разобраться
где верх, где низ пытается – никак!
вот я сейчас возьму, сожму кулак –
подумает, что схлопнулось пространство?

не мыкайся, не тычь напрасный щуп,
я отпущу, я снова отпущу,
попутная невидимая сила,
спасу, не причиню тебе вреда.
самой представить страшно иногда
в каком пространстве, в сущности, висим мы.

не стоит пресекать чужих путей,
пусть все парят на должной высоте,
ведь чем у нас, людей, судьба иная?
обжоры, плодояжки, куркули,
мы ползаем по яблоку земли,
садовника за бога принимая.

мы так несовершенны и малы!
и всё-таки чудесны и светлы,
нам дали лето, прочее не важно.
полёт длиною в жизнь – экспромт, не бронь,
нам дали воздух, воду и огонь,
букашкам, повелителям букашек.

ЛАВЫ

единенье сетей и глубин
ожиданье когда их коснётся
красный коник вечернего солнца
только это и можно любить
только в этой заре можно жить
подчиняясь напльвам расплавам
а на озере высохли лавы
языки разложив у межи
между верхней и нижней водой
сторожа несказанного слова
обещая тепло и покой
и немного чего-то такого

ВЗЛЁТНАЯ ПОЛОСА

кашки, колокольчики, ромашки –
лугоцвет духмяный, пестряний.
всё, от человека до букашки,
на земной привито черенок.

но зачем повёрнуты желанья
к холоду нездешних земляник,
к розам на заоблачной поляне?
блазнится, возьми и протяни

руки для разбега и глассады
божинькиных аленьких коров
насекомоангельского стада,
лета отлетающего кровь.

ПОД ПЯСКИ НЕ ЗАДЫМИТ, НЕ ВЗВИЗГНЕТ
 ТЕЛОМ ОБОЗНАЧЕННАЯ ТЕНЬ.
 ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ, ЖИЗНЬ, ОБ ЭТОЙ ЖИЗНИ,
 И О ТОЙ, ЛЕЯЩЕЙ В ГОЛУБЕНЬ?

ВЕЧЕРЯ

венки и спутанные волосы,
 закат и прочая мура.
 мы как шоссе исполосованы.
 зачем мы топчем клевера?

от наших ног устали за лето
 пути родимых палестин.
 поля и реки небом залиты,
 мне всё равно куда грести.

чем тяжелей рулить на траверзе,
 железней корни якорей
 нас гнут,
 тем реже приземляемся.
 но прилуняемся верней.

у солнца в давленом стаканчике
 коктейль: свечение и тишь.
 всех утешают одуванчики –
 не постареешь, не взлетишь.

ПОЛЕТИ НА НЕБО, ПРИНЕСИ НАМ ХЛЕБА

небо заминается к закату.
 и покуда медлят, не дают
 занавес, проникни в тороватый,
 недоступный смертному уют.

принеси мне, добрая коровка
 с ангельского кормчего стола,
 от щедрот бесплатных столовки
 золотого хлеба мал-мала,
 и вина.
 да будь счастливым вором,
 ноги в крылья – скок, и наше вам!

если попадешь в момент раздора
 под руку верховным существам,
 за короны, скипетры, державы
 не погибни в драке невзначай,
 поморгай малявкой слепопарой,
 схватят – ни на что не отвечай.

ускользни со влагой мимо ватки
 из разбитой чьей-нибудь губы,
 капля крови, спрятанная в складку
 между голубым и голубым.

МИХАИЛ БАЗИЛЕВСКИЙ

Иркутск

Черепица изнеженных крыш и в земле – черепки
Побеждённых империй, столетий, зажатых в тиски.

Голоса, голоса, по земле – голоса, из земли –
Голоса, и, как стражи, над ними стоят ковыли.

И поди разбери, с чем весло опускается в Понт.
И поди разбери, что готовит ему горизонт,

Припадая мертвеющим солнцем к молчанью окна,
За которым, одна в целом мире, стоит тишина.

А за ней – голоса: по земле – голоса, из земли...
И темнеет лоза, корабли узнавая вдали.

И волна, приподнявшись, ложится на белый песок,
Заливая ладонь, натываясь на голый мысок.

И уже не смахнуть с этих крыш неизбежную даль,
И уже не лишит её нежного слова «печаль».

Не уйти со двора, где когда-то не был ко двору,
Где игру затеяв, в себя уходил поутру

Говорок поднебесный, где свет, омывая причал,
Прикасался семью плавниками к началу начал.

Им, выросшим из пинели, из котлована
Поднявшимся, чтобы, в хоре ночных дворов
Срываясь на шёпот, с колымского снять тумана
Свинцовую пробу, сойти в мерзлоту углов,
В безвременье, не прикрытом ничьей изнанкой,
Им, выпавшим из барачной лужёной мглы,
Ещё предстоит грядущему стать приманкой,
Нетленные кости толкая из-под полы,
Ещё предстоит из чёрной достать метели
Два скрещенных, истончающихся крыла,
Как два башмачка – из пепла, из канители,
И вывести нас под белые купола,
И выплавить нас из пыли, огня и смрада,
И лечь перед нами дорожной сырой трухой,
Оправленной в гул дождя или в гул парада.
Лежать и не ведать, что это и есть покой.

Кипарис, гиацинт, нарцисс...
 И ни слова о том, какими
 Шли путями, как воздух вис
 На плечах, поминал о дыме
 Лет, о доме, о ворожке
 Трав, плетущихся под ногами.
 Кипарис, гиацинт... Тебе
 Помолчать бы об этом с нами.
 Кипарис, говори. Стоглав
 Труб мятущихся горький солод.
 Кто там, веру свою поправ,
 Ходит – чист и душою молод, –
 Опираясь на тень твою,
 Со скамьи на скамью таская
 Скарб казённых ветров, семью
 Небесами повитых, рая
 Не ища? Заводи, морочь,
 Возноси лебединым пухом
 Отражённую в окнах ночь.
 Пусть она просвистит над ухом.
 Обожди. Родовитый хмель,
 В аравийской пыли рождённый, –
 Вот он. Солнце твоё досель
 Затмевает. С горы посконной
 Так дыханьем тугим река
 Сходит, виденная вначале.
 Помнишь – ноша её пока
 Не легка? В полутёмном зале
 Взгляд выискивает, дивясь,
 Блудной эры смолистый локон.
 Незаконную эту связь,
 Эту вязь у зимы под боком
 Память знойная обожжёт,
 Как гончар обжигает глину.
 И видений подручных сброд
 Сквозь туман потечёт в долину.

За сумятицей встреч – оловянных снегов легион.
 Город слышит, по зимнему небу плывя за буйки,
 То ли звон безоглядный, доставший до дна, то ли стон,
 Уходящий корнями в подножье уставшей реки.

Почивает Харон. А рассвет пожинает плоды.
 Под хитоном его – лишь пяток неприкаянных душ.
 Да какой-то чужак, с гефсиманской сойдя борозды,
 С лёгкой ношей спускается в эту прибрежную глушь.

Не за ними?.. За ними... за ними – доносит ответ
 От высоких камней. И блестят плавники подо льдом:
 То ли свет наплывает на город, которого нет,
 То ли пена ложится на берег в венце золотом.

Плач по солнцу живых, по следам западающим плач.
То ли ветер с иных берегов, где и пепел незряч,
И зрачок не воздет, то ли хрип стадионов и клнч
Подворотен – вослед чернозёмному слову «опричь»,

По стене просквозившему в ночь, где не видно ни зги,
Где по венам расходятся прочь омовений круги, –
То ли ворох заёмных зарниц застилает глаза,
То ли занавес падает ниц – это бьётся слеза

В паутине потерь, в частоколе ресниц кочевых.
И распахнута дверь перед сонмом побед моровых,
Перед плачем по тучным, под солнцем бредущим, стадам –
К заповедным, подручным, врастающим в нас холодам.

Плач по солнцу живых, окоlesiца давних времён,
Где в полях даровых вырастает созвездье имён,
Как трава, как дыханье травы, как роса на траве...
Это путь непреложный в повинной свербит голове.

ВИКТОРИЯ КОЛЬЦЕВАЯ

Ровно, Украина

ЩЕДРИК

Пока анисовой виной
до ободка наполнен глечик,
впадает выговор ночной
в листвянный шелест польской речи,
в ракушку уха,
в завитки
песка, дробящего минуты,
в явление царственной реки
с гортанным криком диких уток.
И в потаённые ходы
едва намеченных прожилок
с предопущением беды,
покуда счастливы и живы.

Из этой замеси густой
в цветные проруби стаканов
нырнёт рождественской звездой
сухая звездочка бадьяна.
Чтоб удержавшись на плаву
и губ коснувшись ненароком,
тебе шепнуть, что я живу
вне места, имени и срока.

ШАР-ПТИЦА

Всю ночь стою столбом,
 офонарев.
 Весомые константы на дворе
 подвижней, чем трава и мошкара.
 И плоскость кровли, и объём шатра.
 Осознанно крошится потолок.
 На одинарных рамах и двойных
 дрожит стекло.
 И падает лубок,
 затем что гвоздь не выдержал стены.
 И утром не подумаю присесть.
 Бревенчатый дебелий сопромат
 вращается по кругу наугад,
 то к лесу повернёт, а то бог весть.
 И в том *бог весть*
 взлетает белый свет
 как птица или шар. Одно из двух.
 Сводя перемещение на нет
 и фабулу, и зрение, и слух.
 Теперь и мне туда нужней всего,
 в шар-птичий расширяющийся круг.
 Не потому чтоб я её...
 но вдруг
 она меня не меньше моего.
 Вот-вот узнаю, кто кого любил!
 И белый шар уходит из-под губ,
 дробящийся
 и возведённый в куб
 по мере откровения и сил.

ПЛОЩАДНАЯ КУРКУМА

Всё лучше, чем в вечерней сказке,
 придуманной позавчера.
 Заплодоносил кедр ливанский,
 проросший посреди двора
 от скрещивания черешен
 с невыразимою тоской –
 чей смуглый лик почти безгрешен.
 Не больше грешен, чем левкой,
 чем крестоцветное семейство
 вдоль крестоносного пути.
 Конгениальное в злодейском,
 дешевле было бы найти.

И терпкий дух Тутанхамона
 наноскоп пронзает двор.
 В моих широтах вне закона
 мускат, стреляющий в упор,
 порыв санталового ветра
 и площадная куркума.

Но дух не призовёшь к ответу
за грех сведения с ума.
Он беспокоен и под кедром
привык искать земной покой,
его соломенные дреды,
напоминают наш левкой.
Мы все задумывали вместе:
ливан, черешни и тоску –
так не везло ничьей невесте
и никакому кошельку.

ШКОЛА ЧЕРНИ

Это каждый охотник желает, лущует и хлещет,
чёрно-белую радугу мнёт, разбирает по пальцам,
это беглость,
врождённая выучка неандертальца,
школа черни (почтение, Карл)
и подобные вещи.
Под землёй где-нибудь глубоко,
под водой и под рифом.
Совершенно, секретно, являясь другим наизнанку.
Не услышишь ни звука, быть может,
но выдохнешь в рифму,
вековечась, как пыль,
и струясь, как песчаные замки.
Оттого уже сладко,
что терпко внутри или горько.
Зарекаясь любой тишины,
рядовой и матросской,
выходящее вон
разорвёт и подёрнется коркой,
проникающим слоем забвения,
грунта и воска.
Кем уйду от тебя –
Магометом, горой или мышью,
облетевшей кувшин,
чёрно-белым (взле)гающим рядом.
Это каждый фазан догадается,
если услышит,
если ты, отрицая, продолжишь меня,
если надо.

ШЕЛКОПРЯД

Прилетай ко мне, шелкопряд,
мимо Огненных гор вдоль реки Меконг.
Это звук и русло сточной воды
и остывшие камни в один гнилозубый ряд.
Длинный список щебня, навеки почивший лонг
и над ним затрепещуг твои черты.
И пыльца вспорхнет, как иланг-иланг,
оживляя солнечную струю.

Скажут, парус белее в чужом краю,
а тебе, однодневке, менять жильё
пропадать между чёрным и голубым.
Промолчи, что прядёшь суровье.
А шёлк
выдыхаешь порой. Как дым.

ИРИНА КАРПИНОС

Киев

ВЕНЕЦИАНСКОЕ

В Серебряном веке, коротком и ярком, поэты любили в Венецию ездить и с чашечкой кофе сидеть на Сан-Марко и в небе полуночном трогать созвездья. Венеция рядом с времён Сансовино: крылатые львы и певцы-гондольеры. Поэты пируют, поэты пьют вина, поэтов ещё не ведут на галеры. И Блоку покуда не снятся двенадцать, и пуля не скоро убьёт Гумилёва. Поэты ещё не отвыкли смеяться и верят в могущество вещего слова. Не пахнет войной голубая лагуна, собор византийский с квадригой прекрасен, ещё не задрнули занавес гунны и хмель венецийский ещё не опасен. И можно до слёз любоваться Джорджоне и долго бродить по Палаццо Дукале, стихи посвящать беглым ветреным жёнам, катать их в гондолах, купать в Гранд-Канале... Поэты в Венеции пьют на пьядетте, война мировая вдали, как цунами. Запомните лица их в огненном цвете! Всё кончится с ними. Всё кончено с нами.

НОЧЬ

Ночь морозная, грузная, грозная, полусны пограничные розданы, догорает окурок в ночи, заговаривай боль, не молчи... Предают, привирают предания, до свиданья, двойник, до свидания, нет уже ни воды, ни вина, я на ведьмином спуске одна... На краю, на ветру, на ристалище, в ритуальном прокуренном залище херувимы хреново поют про любовь, про последний приют... Гарь такая, что рвется дыхание от убийственного польхания, никого не обнять, не спасти, лишь зола золотая в горсти... Не ищи меня в римах, лютециях и в оврагах да прагах, венециях – я уже далеко от земли, огонёк дотлевет вдали... Дряхлый мир, на крови обустроенный, обветшавший до дыр, грубо скроенный; беспробудно ваятель был пьян, налепив, как блины, поселян... Мы теряем, теряем, теряемся – и уходим и не возвращаемся... Равнодушно глядит Он с высот на погромный программный исход...

ЛУНА И ГРОШ

Мы родились в двадцатом веке, совки, поэточеловеки, и пьём, не чокаясь, до дна за участь, что на всех – одна... Эпоха нас не закалила, кровь ближних не опохмелила, стоим на ледяном ветру у края в чёрную дыру... Повремени ещё, мгновенье, покуда догорят поленья всех наших помыслов и слов, летучих золотых ослов... Куда нас молодость водила, каким залётным был водила! Кто ляжет рядом – тот хорош, вся наша жизнь – луна и грош... Свеча горела, до упаду плясали мы свою ламбаду и гибли в долбаном бою за рифму – родину свою... В конце времён мы дали слово, что сочиним многоголовый молитвоблуд – наш пропуск в рай. Пётр, кого хочешь, выбирай...

НА КРАЮ

Сирота – вот и найдено слово, сирота среди мира пустого, позади – разноцветный обман, впереди – только чёрный туман... На краю провороненной жизни, в эпицентре бродячей отчизны сердце реже и глуше стучит, дней, часов не осталось почти... Я тебя никогда не забуду... и никто не увидит оттуда, как

моя погорелая жизнь на промерзшей дороге лежит... И не встать, и не выразить боли в бесприютной сиротской юдоли, не нащупать у пропасти дна... пей до дна... жизнь одна... смерть одна... Я – невидимый призрак, когда-то сочинявший плохие баллады о безмерной бессмертной любви на ветру... на краю... на крови... Я неслась по болотистым кочкам, чья-то жёнка, любовница, дочка, и летела сквозь небо звезда в никогда, никому, никуда...

Последнее пристанище – стихи: приют, надежда, гибель, воскресенье, отмоленные, наконец, грехи и чьё-то безымянное спасенье... Я – каторжник, я – полупроводник, такая вот сизифова работа: услышать звон и записать в дневник потерянные разумом частоты... В такую ночь ты с Богом визави и тет-а-тет передаёшь молитвы – и храмы вырастают на крови, и перемирие дольше длится в битвах... И можно, наконец, уже уснуть и видеть сны, по-гамлетовски, в лицах, и все долги, и всю вину вернуть, и вовремя с ушедшими проститься... Почто живу и что такое жизнь, кого люблю, когда уж нет любимых? Какие на рассвете миражи неузнанные проплывают мимо? Мне снится мама в ледяном гробу... Нет, это я – и сон всё длится, длится... Кому повем свою тоску-журбу? Я просыпаюсь... иней на ресницах...

ЛЕОНИД ВОЛКОВ

ПРОТЕСТУЮ КРАСОТОЙ

Поездка в Турцию из весны

Постичь тайну!

...Крепко тесное объятье.
Время –
кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас –
его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

Александр Кушнер «Времена не выбирают»

В день отъезда, 13 апреля, в воздухе стоял запах серы после бомбёжки американцев по Сирии... А 30-го на даче у меня был ураган, который едва не сломал сосну с гнездом дроздов, которое **уцелело**, хотя было страшно смотреть, как дерево гнётся под порывами ветра...

Тогда я понял – в мире есть ещё кое-какой **запас прочности**...

1

В начале мая я был ужасно занят: **вживался в весну**... Зато теперь, не отвлекаясь (на всё, что *увидило*), могу отдаться рассказу.

Май, время, когда **всё – на глазах**... И, если за неделю в середине апреле, пока мы были в Турции, контраст состоял в том, что до отъезда я имел удовольствие плавать в **проруби**, а вернулся – **половодье**, то 28 апреля, покидая на Первомай ради дачного раздолья Москву, не ожидал, что через неделю встречу Белокаменную **сплошь в зелени**.

Даром, что последние дни апреля *томился в ожидании*: накатывали то и дело запахи юности... душа пела... Как это было после майского моего похода на Московское море пятьдесят лет назад, в предвкушении счастья перед отъездом в экспедицию на Мангышлак...

А теперь по дороге на дачу – вновь впереди май.

Душа к чему-то готовится. Выходишь из автобуса – в лес, а вокруг – пробуждение... И – медунницы!.. Шаг за калитку, а встречу – побегими отовсюду, птичьими голосами – весна...

Спозаранку – на перезимовавшую лужу лесную. Плеск...

А едва – сумерки, у горизонта – огромная, наподобие солнца, луна...

И вот посереде ночи **переваливает на май**: первое!..

К полудню же – слёт гостей. Один за другим из-за калитки. Дюжина!.. Шутки, смех, лица родные, вино, песни (день-то какой!), тосты...

Повод? Была среди нас **новорождённая**... Её-то рождение (заодно и вступление мужа её в СП) мы отмечали.

И кто только не поздравлял! Ветр с утра пораньше – заглянул и улетел куда-то... Дождь следом: брызнул, а туг – солнышко из-за туч... Накануне – гроза с неуместными, раньше времени поздравлениями: громыхнув, пролилась, залила по края грядки...

Что на следующий день не помешало нам сесть под дубом.

Сели, и вот в разгар веселья: – Тр-р-р! – трель сверху. Дрозд. Возмущённо (то гроза с ветром, то шумные мы...) шмыгнул у нас «под носом» себе в гнездо, не замеченное до этого нами, к вершине сосны.

Но мы не придали значения.

Отместку за что (и за грозу в придачу) дрозды чуть погода **отыгрались**. В полчетвёртого ночи мы с женой вскочили от невообразимого гвалта: что за переполох? А это – дрозды. Устроили на мансарде нам побудку в преддверье рассвета...

*

И это всё? Нет же! Главное из общего повествования выпадает. Что-то ещё в тот день, помимо гульбы со скворцами, было! Всплывает: «меж делом» я сгонял в магазин, благо он – в трёх шагах.

Вхожу, в очереди передо мной – двое. Смутно знакомые: мама и дочь-студентка. Вспомнил: летом встречал их с полными корзинками грибов...

Казалось бы, что мне они? А *запали* в душу. Взглядами: растворился в спокойных улыбках. И ощутил – обе, безотносительно к принадлежности реальной, – **мои**. Вне конкурса, в моём воображении, со мной умиротворённое небо их душ: **моя природа!**

Встретились глазами. Они улыбнулись. Обрадовались, как если бы нашли **свой** гриб (радость в глазах: находка!), – и потянулись...

Не знаю, что со мной, – я от их улыбок расцвёл. И – осознал: *больше, чем встреча...*

Как всё-таки недостаёт нам неподдельной радости!

Дальше? Назавтра чуть свет – заспанный – иду сквозь лес... через дорогу в другой магазин: за подарком для «новорождённой».

Захожу, а среди цветов, роз пахучих – заспанная, как и я, девушка. Робкая. Сама – цветок.

Просвет-улыбка: у цветочницы я – первый за утро.

Покупаю три – белую, бордовую и розовую – свежайшие (так радующие глаз!) розы. Мне – скидка и... безотказный свет... Что за чудное начало дня!

Назад – лесом, под благоуханье роз... (Запахам, признаюсь, отвожу едва ли не ведущую роль: в пору жужжать.)

Чепелёво, 28 апреля – 2 мая 2018

Однако не пора ли мне рассказать о предшествующем турне с друзьями по Турции? Для чего вернусь на две с половиной недели назад, к 14 апреля, когда самолётом из Москвы перенеслись мы, на ночь глядя, в Стамбул. Откуда уже автобусом нам предстояло пересечь с севера на юг Малую Азию...

ТУРЦИЯ С СЕВЕРА НА ЮГ

На свидание с вечностью

– Здравствуй, Константинополь, древний Царь-град!..

– Здравствуй и ты, Босфор, врата Чёрного моря... пролив на перекрестье Европы и Азии, омывающий берега турецкой столицы, которыми кто только не владел – и «волею истории» доставшиеся исламскому миру, о чём пять раз в сутки напоминают с минаретов муэдзины!..

Хотя, если оглядеться, и в этой, сильно отличающейся от нашей, жизни есть *своя сказка*. Благо – ныне не одна из религий не претендует (явно) на господство.

Наутро 15-го у нашей компании (а нас тут набралось двадцать человек) – экскурсия по Стамбулу, на азиатской части которого в VII веке до н.э. дорийцами был основан город Халкидон... напротив же, на мысе европейского берега, чуть позже возник Византий-град, предтеча Истанбула (ещё с X века так трактуемого турками имени собственного – «города») – **Константинополь**, с 11 мая 330 года – *столица Восточной Римской*... а с 29 мая 1453 года (когда под натиском ислама христианство здесь сдало позиции)

– Османской империи... После чего вплоть до XX века редкий европеец-христианин удаивался чести ступить на землю, где располагался дворец султана...

А нам – за какие-то тридцать турецких лир – пожалуйста! Это – чтоб попасть и на святую (с тысячелетней историей) *резиденцию императоров Византии*, и в *былые покои султанов*, четыре века обживающих здесь **Топкапы** – ансамбль, возведённый на месте развалин Большого императорского дворца, или сераль...

Воображение тут же рисует *гарем*, охраняемый чернокожими евнухами, а в нём – вереницу *предназначенных для одного* красивейших женщин (такая уж прерогатива на Востоке у власть имущих)... Среди них – славянку Роксолану, сорок лет услаждавшую Сулеймана Великолепного и зачавшую ему, помимо шести законных детей, сына, впоследствии известного как Селим-пьяница... захороненного здесь же в одном из склепов, наряду с прочими султанами и высокородными принцами...

Миная фонтаны и «пропускные пункты», включая *врата Приветствия* и *ворота Счастья* (за которым и расположен гарем), переходим из одного двора в другой... пока не оказываемся в *церкви Святой Ирины*... храме, посвящённом Святому миру (то есть Ангелу мира)... построенном ещё в VI века на месте *главной при Константине Великом церкви Византии*, в свою очередь, возведённой на месте руин капища Афродиты...

Радость в душе, тихо (счастье ведь любит тишину). Мы – в гулкой намоленной базилике, невзирая на всё (иконоборчество в VIII – IX веках... господствующую власть иноверцев), сохранившей мозаику времён императора Юстиниана...

Но каким образом? Не благодаря ли стараниям таких, как Роксолана, обитательниц гарема славянского происхождения?..

Вспомнились слова из студенческой песни: «...хотел бы я султаном быть» – не только под впечатлением от сераля, но и при виде «панорамы султанов»: на севере – открывшейся перед нами **бухты Золотой Рог**... на востоке – **пролива Босфор** (с ракурсом на другую часть света) и **Мраморного моря** на юге...

Однако ныне, благодаря указу Ататюрка, первого президента Турции, привилегированная эта точка обзора общедоступна: хоромы Топкапы в 1923-м превращены в народный музей...

*

Лавируя меж двух частей света, *совершаем трёхчасовой круиз на теплоходе* – и радуемся кругозору (голова – кругом), ветру, дующему из Азии, и волнам, приглашающим – вплавь... А миная Принцевы острова (известные располагающимися на них полтора века назад православными обителями) и плотно застроенные берега «коровьего брода» – Босфора, взираем на шпиль минаретов, бесщётные мечети (которых, по моим скромным прикидкам, не меньше дюжины) и осколки старины – крепости... поражаемся «тесному» судоходству, ажурным мостам...

Помню, в конце 1960-х, занимаясь на каноэ, ходил я на своей лодчонке по блестячей воде Водоотводного канала – и, раз за разом «ныряя» там под очередной мост, мечтал дойти до Босфора...

2

*Если у человека появляется возможность
вести необычную жизнь,
он не имеет права от неё отказываться.*

Жак-Ив Кусто

Несмотря на пронизывающий задиристый ветер, с рассветом кунаюсь в море. Однако при облачении вихрь и игривые собаки вырывают из рук рубаху. Приходится отнимать.

После обильного завтрака – в кресло автобуса – *достигать*: столько всего!

И вот, чтоб впитать всё-всё, ничего не пропустив, «распахиваю глаза» (весь обращаюсь в зрение)... в попытке *представить себе минувшее*, взглянуть на окружающее глазами предков («вспомнить» приметы Прошлого – будь то силуэты гор, запечатлевших на себе взоры живших *до...* или очертания «знакомых» морских побережий) – переносюсь в прежние времена...

Признаюсь, турне это изначально привлекло меня возможностью обозреть Босфор, Дарданеллы... увидеть Илион, Трои гомеровскую... но, прежде всего, – Святую Софию – Собор Премудрости Божией...

И вот она – после стольких ожиданий – сокровищница христиан – **Айя-София**, при входе поражающая величавой лёгкостью: гигантский купол отстоит на полсотни метров от пола, опираясь лишь на четыре столба, если не считать подпирающих по бокам нефы колонн – порфировых малахитовых, яшмовых... на заре христианства вывезенных из святых мест Малой Азии и Египта...

По значимости для православных храм сей сравним разве что с *Иерусалимским* (разрушенным в 70 году н.э.) – *для иудеев* или *Святого Петра в Риме* (построенным в 1506-м) – *для католиков*... Однако, ни тот, ни другой, вместе взятые, так долго не служили верующим: воздвигнутый в 537 году на месте сгоревшего (второго из предшествующих деревянных храмов, первый из которых был построен в 360 году), Собор был средоточением христианской веры *почти девять веков!*

Именно здесь в 1054-м легат папы римского вручил грамоту «на отлучение» константинопольскому патриарху, после чего произошёл раздел Церкви на православную и католическую...

Головы задираем: в апсиде и на сводах, на галерее храма иконопись **как у нас!** **Изначально** творимая в одном стиле!.. Чудом сохранившиеся (благо, были замазаны штукатуркой) золотые мозаичные фрески IX-XII веков (большой частью выполненные иконописцем Лазарем, пережившим гонение иконоборцев)! На них – *одухотворённые* лики – Богородицы, на коленях держащей рослого младенца Иисуса... Его же, с трона смотрящего из Вечности (Деисуса)... женственный – архангела Гавриила...

...Собор издавна славился роскошью (даже большей, чем Собор Святого Марка в Венеции), но его в 1204 году разграбили... крестоносцы: одни христиане не пощадили других!

Не довольствуясь грабежом при захвате Константинополя, католики ещё 57 лет хозяйничали на Босфоре, пытаясь насадить власть Папы! До сих пор имя вдохновителя на разорение византийской столицы – венецианского дожа Энрико Дандоло, в преклонном возрасте захороненного здесь, под сводами храма, – «красуется» на могильной плите...

А четверть тысячелетия спустя после того крестового похода – **весной 1453-го** турки-османы овладели столицей Византии (увы, ромеям не удалось отстоять Царь-град) – и Собор превратили в мечеть. После чего на правах победителей султаны стали присваивать себе титул «Цезарей Рима» и... одну за другой – воздвигать грандиозные, наподобие царственной Айя-Софии, свои святыни – мечети...

Историческая веха: тогда на смену Средним векам пришло Возрождение...

Не все знают, что у Софии есть аналог, мало чем отличающийся (ну разве – чуть меньшими размерами) от оригинала. Это – возведённый в начале XX века у нас на родине, в Кронштадте, *Морской Никольский собор*, с приходом большевиков, увы, пришедший в запустение... в советское время именуемый в народе «Максимкой»... и лишь в 2010-е годы восстановленный...

А Мать-церковь в Царьграде? В XV веке она *переподилась*: дополненная четырьмя минаретами, Айя-София ещё почти полтысячелетия славилась Аллаху... пока в 1934-м Ататюрк (за четыре года до кончины) не велел превратить храм двух религий в музей...

...Теперь всё там дышит историей: дубовые (ещё те!) ворота... посередь храма – *амфал* («гуп земли»), где короновались императоры. Вход на второй этаж вымощен глыбами, отполированными миллионами ног паломников... Помимо султанов, возможно, покоятся здесь и византийские василевсы. В том числе – коронованные основатели Собора Премудрости Божией: **Юстиниан Великий** (482-566) и его жена **Феодора** (500-548), о которой скажу особо.

Хотя вместе с мужем отнесена она к лику благоверных, не обошлось без небылиц о крайне развратном её образе жизни... Что сомнительно, ибо едва ли будущий император стал брать в жёны законченную блудницу, при встрече с которой, якобы, все «удалялись поспешно, дабы не замарать себя, коснувшись её одежды»...

Но следовало бы признать: даже если не блистала Феодора благочестием до замужества, была она женщиной незаурядной. Как вспоминали её современники, в юности, работая цирковой актрисой, «не теряла она чувство юмора – даже когда её били по голове»... отличалась изяществом, смелыми речами и... обладала исключительно страстным темпераментом... что не помешало ей на протяжении двух десятилетий мудро и деятельно править совместно с Юстинианом империей.

И пусть такие, как Феодора, особы с неумным либидо, обычно осуждаемы обществом, иные из них именно благодаря ненасытной страсти, случается, *творят историю*.

Как это было и в Новое время. Так, на заре XX века на фоне революционных событий в России блеснули две яркие звёздочки – две обаятельные женщины, дамы, бурная деятельность которых не может

не вызывать восторга: поборница за подлинность чувств – «посол номер один» *Александра Коллонтай* и успевшая дожить лишь до тридцати муза многих своих современников – комиссар *Африса Рейснер*, известная ещё как «Валькирия революции»...

Но не только возведением царь-Собора прославились Юстиниан и его спутница. Не без участия Феодоры вдвое расширившаяся империя при их правлении достигла расцвета и цивилизованного могущества, а Константинополь поистине стал *золотым мостом* между Европой и Азией... Так, благодаря их трудам, в столице (как раз напротив Аия-Софии) было завершено строительство Базилики-водохранилища... а далеко на юге, под горой Синай – там, где растёт упомянутая в Библии неопалимая купина, – возведёно мощное здание православной обители – *монастырь Святой Екатерины*...

3

– Видишь ли... это очень далеко.
 Моё тело слишком тяжёлое. Мне его не унести.

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Однако нам – дальше, меряя (согревая) по ходу взглядом то священную колонну Константина, то древнеегипетский обелиск... – кружить вокруг Голубой мечети по «городу контрастов»...

Увы, наш «штурм» исторического центра Стамбула был омрачён падением у нас на глазах китайки в платье-ципао, когда та ступала с тротуара на мостовую по направлению к Вратам Правосудия. В экзотическом своём наряде бедняжка рухнула плашмя – и к огорчению группы соотечественниц, с воробьиным гомоном окруживших её, осталась с лицом, скрытым под кашошоном, лежать неподвижно...

Взволнованные случившимся, отправились мы, как в преисподнюю, в упомянутую уже **Цистерну Базилику** – бродить там по мосткам вдоль 336 мраморных колонн (в незапамятные времена изъятых из античных храмов), по сумеречному подземному дворцу (полтора тысячелетия затопленному)... в сырых закутках которого ворожили – не в силах отомстить за разорённые капища – запечатлённые в камне опрокинутые головы Горгоны-медузы...

После чего, выйдя на свет божий, окунулись, как в омут, в людской поток. А вскоре и вовсе растворились в столпотворении **базара**, где Восток доверчиво приоткрыл нам, туристам, своё лицо...

Впрочем, иные из нас, равнодушные к «тряпкам», наскоро пробежавшись по торговым рядам, встали в ожидании у ворот, пустив время на самотёк.

Лично я, поскольку спешить было некуда, «ушёл в себя»...

А когда «вышел», оцепенел, обжёгшись о глаза – единственное, что не было скрыто у закутанного с ног до головы существа в нескольких шагах от меня – некоей... дамы, томящейся под *никабом* (чёрным одеянием с «амбразурой» для глаз)...

Мало того, что было любопытно: каково ей, «как в танке»... – *нечто необъяснимое* привлекло меня в облике мусульманки...

Рассуждая с приятелем о причудах шопинга, взирал я время от времени на ту, что была из другого мира, – кидал быстрые взгляды... полагая, что – незаметно... Пока исподволь (но так явно!) незнакомка и сама не помахала ладонью... один, другой раз...

И я ликовал, поскольку тайная эта связь длилась, как мне казалось, вечность... *на всю жизнь*, ибо в угольях-глазах (горящих из прорези никаба) было **столько!**

Свет, душа – из-под чёрного... И в какой-то момент её глаза спросили:

– Ты узнал меня?..

Случайности подстерегают нас: я был очарован. Возможно, так обвораживает, «намертво» увековечивая, взор медузы Горгоны...

Во всяком случае, время на сей раз застыло, как если бы я был обращён в камень...

Как много могут сказать глаза!.. Напоследок, когда наши дамы, довольные покупками, пришли с базара, сокрытая девушка-арабка **открыто** уж помахала мне:

– Помни!...

Как ни странно, удивительным образом это напомнило мне врезавшуюся в память картину из юности: вернувшись в Москву из экспедиции на Мангышлак, августовским вечером 1967-го явился я под окна той, по которой тосковал с весны.

И что же предстало мне? В прогале меж гардин театр... Та, с которой я переписывался всё лето, одета на восточный лад и кружится в танце. А перед ней, скрестив ноги на диване, – незнакомец: юноша изображает султана...

Тогда, ошалев, кинулся я к двери.

Открыла мне смущённая, в том странном наряде, Вера («Морковью» я называл её в походе на Московское море) – и, не говоря ни слова, показала кольцо на правой руке...

Назавтра, 17 апреля, нас ждала переправа. На пароме мы пересекли **Дарданеллы** – пролив, за которым уже маячила **Троя**, царь городов... берег, куда женолюбивый Парис прямо с пира увёз Елену Прекрасную, «виновницу» эпопеи, описанной златоустым Гомером...

4

*...И море, и Гомер – всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.*

Осип Мандельштам

О, время! Да мог ли я думать, что увижу Троию... вдохну её воздух!

...Но всё, всё быстротечно: нас, как и героев Илиады, там уже нет! И не кружат уж на переправе чайки (само аэродинамическое совершенство) наперегонки с ветром... Без нас и город Чанаккале (что – на подступах к Илиону), где все, кому не лень, «щёлкаются» на фоне наскоро сколоченного коня...

Стало быть, без нас и страна, раскопанная Шлиманом, и троянцы, и все те «народы моря», которых я пытался представить, допытываясь у ветра...

...И вот – след ли в воздухе или тайный знак, – помню миг: пока по откосу скатывался камешек, дождавшийся своего часа, у меня **открылись глаза**.

И – из-под земли (одного из девяти исторических слоёв), забрызганной маками, предстала ожившая панорама трёхтысячелетней давности: конь злокозненный и... бой за Елену...

И **ожили** «декорации» – обнажённые дотошными археологами крепостные стены... И – оставалось **вжиться**, переместившись во времени...

– Но чудес не бывает, – возразит какой-нибудь умник (из тех, у кого «рационально всё», без всяких там «шестых»), без интуитивной интерполяции)... И будет неправ.

Как нет чудес?! А как же залетевший в комнату шмель... солнцем зацелованный одуванчик... соловей, поющий над головой?.. кроха у материнской груди?..

А что, если силою воображенья *переместившись во времени*, попробовать-таки увидеть эпизоды Прошлого?..

И вот я, пусть мне и потребовалось *включить большое воображение*, «оживил» Одиссея, не придумавшего ничего лучше, чем, выйдя с плугом в поле, делать вид, что он... «сеет соль», когда за ним на Итаку пришли звать на войну (дабы отвоевать Елену, в которую он был влюблён)...

Позже, по пути в отель, уже когда, сидя в автобусе, я мирно грыз яблоко, мне удалось «вспомнить» себя Парисом, которому (**ещё до всего**) требовалось решить, какой из богинь вручить «яблоко раздора»... (растягивая **миг выбора**, не только сулящий благоволение одной из... но и – благодаря искусству – блаженный сам по себе!.. Как и в ситуации, когда не менее роковое яблоко принимала из рук Искусителя ничего не подозревающая на тот момент Ева...)

– На Красоту иногда лучше не смотреть, – уверял мой приятель. И пояснял:

– Случается, *завораживает*... Вплоть до «окаменения» в вечности, как это, по-видимому, удавалось Горгоне...

– А может обернуться и затяжной войной, – подхватил я.

Казалось бы. Но для *коснувшегося Красоты беды оправданы*...

И откуда она взялась? Там, на раскопках Илиона, объявилась невзначай **красота в длинной юбке**...

Столь привлекательная, что некоторые из нас были оболщены.

А мой приятель, обворожённый походкой дивы, догнал её на одной из аллей...

– Вы, наверное, занимались танцами? – спросил.

На что та лишь молча кивнула... Когда же гид водил нас по *следам былого*, друг, похоже, не знал, чем ему больше восхищаться – красою ли *вечной*, скрытой... или – украдкой – этой, *живой*, – современницы, не обращающей, увы, на него внимания...

И вот я всё живо себе представил: не укрылся и от меня шарм попутчицы, чьё имя, как оказалось, – **Елена**... Открылось: *красота её, усугубившая впечатление от увиденного, – не от мира сего*...

И всегда бы так!.. Не зря Осип Эмильевич, в своё время вникнувший в тайны Вселенной, обобщил: «всё движется любовью»...

Тут, правда, ещё дело в том, *какими* глазами смотреть. Не растрёпанными – чистыми...

...«Глазами души смотрите», – учил я ребят из группы эстетического развития, которую вёл в далёких 1980-х. И – порой, выходя на природу, видел восторженные их глаза...

5

*Всё тлен: победы, поражения,
туманных истин кружева...
И лишь игра воображенья
всегда жива.*

Игорь Касьяненко «Счастливым случаем»

Впрочем, я отвлекся... В тот день по приезду в отель в курортном городке **Айвалык**, что против греческого острова Лесбос (славного тем, что 26 веков назад, ещё во время эллинизации Таврии, здесь жила «фиалкокудрая» поэтесса Сапфо), успели мы до заката поплавать в ласковом Эгейском море...

Назавтра же за **Денизли** нас уже встречали похожие на снежные склоны травертиновые террасы **Памуккале** и «нестареющие», сплошь в ярких маках, **развалины** процветающего во II-III столетиях **священного города Иерополиса**, ходить по которым – всё равно, что по сцене: на покато́й «хлопковой» возвышенности ощущаешь себя «действующем лицом» не только своего времени...

Тем более, здесь же – и **термы Клеопатры**... объединившие нас, снявших на время купания юбки, бриюки... что иным добавило привлекательности...

Вода так **раскрывает** людей! Но это – уж сокровенное... Как и «походь» мои по ходу автобуса: вдоль трассы я успевал «пройти» (*блуждая взглядом по склонам и – благодаря одному из преимуществ нашего века – тому, что «был на колёсах», – в каждом из мест оставляя, как овца – клочок шерсти, частицу себя*) по древним ликийским тропам...

И что удивительно: *каждое из мест*, согретое – пусть и мимоходом – брошенным на него взглядом (а не только *обжитый отель*, изо дня в день новый), становилось в некотором роде **моим домом**...

Вглядываясь в пространство, которое прорывал наш автобус, мысленно я переносился на каменные склоны, взбирался по ним – и переживал: ещё миг – и уедем... покинем навек Турцию, оставив себя разве что на... притягивающих взор камнях...

Сказать? Порой на окружающее я смотрел «глазами предков», и тогда казалось – меня тут уже сто (а то и тысячу) лет не было...

Не было – и вот... Иначе откуда бы на пути – **не те** «каменные джунгли»? Откуда – нагромождения солнечных батарей, антенн на крышах?.. Удивляла пришедшая в самые укромные уголки броская цивилизация... все эти – смотреть, не пересмотреть – мечети, караван-сарай...

Взирал я и глазами человека с Севера: у нас – только почки на деревьях, а тут – цветущие бугенвиллии, тюльпаны, пиацинты, жёлтые рапсовые поля...

Зато почти нет настоящих лесов, рек... И не видно крестов...

Мы словно задались целью объехать все дороги... И яркий опрокинутый ковш-месяц под вечер гнался за нами, не в силах догнать.

Ехать порой приходилось по полдня, к отелю прикатывая уже ближе к ночи. Автобус наш лез, кажется, вон из кожи, чтобы всё успеть...

И мы успевали. В тот день, 18 апреля, успели на «представление». Но о том – особо, потому что – здорово.

6

На **танцующих дервишей** привезли нас уже поздним вечером. Зрителей набралось десятка три, когда на арену, как в цирке-шапито, вышло четверо...

Кроткие юноши были в белых широких юбках – *теннури*, с чёрными, как ночь, шальями и в высоких войлочных шляпах. А с ними – не менее скромный шейх-наставник в тёмном одеянии.

Мы были полны ожидания. Но вращение началось не сразу. Сев («в лотос», вполголоса они воздали молитву, после чего, скинув символизирующие мрак накидки (и этим движением, как понимаю, *поправ смерть*), неспешно, в то же время отдавая смиренные поклоны, пошли под флейту по кругу.

Но вот юноши-дервиши (*«бродяги»* – с персидского) медленно закружились (*посолонь*, то есть по ходу движения солнца), подражая, по-видимому, вращающейся вселенной, вокруг шейха, с правой рукой, обращённой к небу, левой – к земле. И каждый, синхронно с другими всё быстрее стал набирать обороты вокруг своей оси (так вращаются сами по себе планеты), простирая по сторонам обе руки и обратив лицо чуть вбок и вверх (а много ли мы смотрим в небо?) – тем самым, очевидно, абстрагируясь и освобождаясь от бремени плоти... в медитации за какие-нибудь двадцать минут достигая единения с Всевышним...

И в молитвенном их «сближении через вращение с богом» ощущались отрешённость, ликование... Юбки их живописно, почти горизонтально развевались, а сами они, похоже, находились в трансе... и не собирались терять равновесие (в то время как у многих из нас к концу «представления» слегка кружилась голова).

Накружившись, дервиши раскланялись, всем видом являя *светящуюся доброту*.

«Танец» (а на самом деле своеобразная молитва – *сама*) был их подарком Богу... ритуалом, к которому *не обременённых собственностью, кружащихся уже более семи веков «бродяг»* готовят с раннего детства.

Цель – далёкий от всех печалей взгляд в себя...

Ради чего? Интуиция и любовь – вот движущая сила эзотерического течения, в основе которого – *круговорот в природе...*

Мне эти «странствующие монахи» – подражанием Вселенной и протестующей (против обыденности) красотой – **взбередили душу...**

Закружили? И это. Нас, случается, *заводит* и кружение в вальсе... Даже, признаюсь, прибыв в отель, ненароком подсмотрел я, как **одна** из нас, что – в длинной юбке, – под впечатлением увиденного – тоже кружилась... как – пируэт за пируэтом – выполнила фуэте...

...Такой вот «балет»! Однако поздно. А нам рано вставать...

Назавтра мы – «как огурчики»... если б посреди ночи не мешали спать то петухи с собаками, то на всю округу стон муэдзинов, а то хохочущие где-то за стеной китайцы...

7

Путру, прежде чем «оседлать» автобус, любуемся *фонтаном* с кипящей, пенящейся, как в гейзере, природной водой. Посреди – в клубах пара – скульптура «*пирящегося*» петуха... Тут же, неподалёку, – куст мушмулы, диковинных плодов которой мы с удовольствием отведали... Турция – сказочная страна!

От Денизли до **Демре**, древней столицы Ликии, – добрых две сотни километров. Туда, вернее – в Нижние Миры, катим, чтобы посетить **церковь**, где с середины IV века на протяжении семи столетий пребывали в мраморном саркофаге останки **Святого Николая**.

И были они здесь предметом поклонения... Пока в 1087 году не были выкрадены итальянскими купцами (предположительно католиками), которые – дабы «спасти мощи от поругания» – тайно перевезли их к себе, на юг Апеннинского полуострова, в город Бари...

Начиналось же всё в более глубокой древности, когда и боги были другие. В Малой Азии на полуострове Теке (в процветающем уже в XIV веке до н.э. государстве Ликии) был город Миры, куда на заре

нашей эры пришёл и обратился к его жителям с вестью о Мессии идущий в Рим апостол Павел... своей проповедью положив начало христианской общине.

Прошло ещё четверть тысячелетия – и в конце III века в церковь, построенную в Мирах на месте храма Артемиды, пришёл проповедовать 55-летний священник.

Звали его Николай. Был он из знатного рода, сыном состоятельного судовладельца, но богатство не стяжал, а прославился благотворительностью, свершением чудес исцеления и усмирения морской стихии.

...При жизни уже став известным далеко за пределами Ликии, Чудотворец скончался в 343 году в возрасте 98 лет.

Известно, что похоронили его с почестями в храме, где он был епископом.

Однако чуть более полутора столетия спустя церковь с останками святого Николая рухнула от землетрясения. В 529-м её восстановили, но в VIII веке она вновь пала... И лишь в IX-X столетиях базилику (*обитель царей* – с греческого) возвели заново.

Только вот напасть (не богини ли Артемиды проделки?): в XIII веке церковь вместе с фресками X-XI веков залило селевым потоком, который её окончательно «законсервировал» – «спрятал» на семь метров под землю, тем самым сохранив (частично) до наших дней...

...Невероятно! Спускаемся в её атриум – и видим православные фрески (*ещё те* – тысячелетней давности... точь-в-точь как у нас в церквях!)... Под куполом – изображения апостолов, а ниже по периметру – в три этажа сводчатые окна, через которые врываются солнечные лучи. Впереди – трансепт с колоннами, престол и горнее место, откуда через окна тоже льёт свет... Под ногами – мозаичный (возможно, оставшийся от капища Артемиды) пол, которого касаюсь ладонью: ступала нога Угодника!..

Во внутреннем дворе – фрагменты декора, колонн... К расколотому, спрятанному под стекло саркофагу, где почти тысячу лет назад покоились мощи Чудотворца, с трепетом подходят один за другим паломники. В музее (а по сути – в *святой святых* для русского человека: Храм – *наиболее почитаемого у нас святого*) – благоговейная тишина...

На Западе, правда, Николай-святитель более известен как Санта-Клаус, волшебник с мешком подарков для ребят... Каковым он и предстал перед нами – изваянным на центральной площади в Демре, «столице помидоров» на сегодняшний день...

Кстати, это место паломничества у турок зовётся «Ноэль Баба».

8

Однако, всё, что тут изложено, почерпнуто, увы, не от гйда...

Нури, разговорчивый наш сопровождающий по Турции, вещал из рук плохо. Из всего, о чём рассказывал колоритный турок, было понятно... на считанные проценты. И, хотя было ясно, что Нури – эрудит, лучше бы он мочал, чем нёс невразумительную тарбарщину.

Иногда он, наш гид, замокал и спрашивал: «Вопросы есть?». После чего можно было услышать: «А где здесь туалет?».

Подвохи начались в начале турне, когда «в нагрузку» к экскурсиям Нури стал навязывать нам непредусмотренные дорогостоящие ужины, что стало «сюрпризом» для тех, кого заведомо завлекла дешёвизна тура. В результате многие от «услуг» вынуждены были отказаться, и тогда Нури «в отместку» показал себя несговорчивым в плане экскурсионных предпочтений...

Известно, к примеру, – Демре интересен не только «Ноэль Баба», но и находящимися вблизи «турецким Колизеем» – *амфитеатром*, с чистыми акустическими звуками, и *ликийскими гробницами*... Однако мы всё это не посетили: вместо древностей – «шопинг»...

Но я-то там был (три года назад). Посему и поделился вкратце.

Посетить «место *ристаллиц*» стоило – хотя бы ради того, чтоб ощутить дыханье истории и восторг (от воображаемых представлений) – не меньший, чем выражают тут лица-маски, высеченные на плитах. Ибо переживший за два тысячелетия не одно землетрясение амфитеатр на десять тысяч зрителей – едва ль не единственное, что сохранилось от Мир, достаточно демократичного города, если судить по тому, что на трибунах не было прохода, разделяющего зрительские места по сословиям...

Стоило увидеть и *город Мёртвых* – высеченные в скале захоронения, которым – более двух тысяч лет... иначе говоря, – «соты», состоящие из сотен «ячеек» с порталами в виде мини-фасадов древнегреческих

храмов, за которыми и помещались гробницы.

А почему не на земле – в скалах? Так было принято – хоронить *выше*, дабы крылатые сущности, души усопших, быстрее попали на небо...

О достопримечательностях, мимо которых нас везли (*прокатили!*), поведал я своим друзьям **заочно**.

Как мог... А если б ещё можно было рассказать об алтаре Зевса в **Пергаме** (Бергаме) и о помнящем царя Крёза **Эфесе** – городе, где находилось одно из чудес света – храм Артемиды... ещё о **Смирне** – ныне именуемом Измиром, взметнувшимся небоскрёбами мегаполисе, известном не только древними делами (примерно в 800 году до н.э. там предположительно родился автор «Илиады» Гомер), но и новейшей историей: в 1922-м часть жителей его – турки – отличились... резней христиан (**такой**, что если представить, напрашивается вывод: Вселенная не удалась)!

Однако мимо всего этого мы **проехали**... даже без упоминаний названных городов.

И что нам оставалось? Смириться...

На всех парах неслись мы в комфортных креслах – и отдельные панорамы на пути, казалось, врезаются в память...

Всплывали тени – теней Прошлого, лики Ликии... А мы радовались: здорово это – ехать!.. всё – не идти!..

Нас **везли!** А иначе как можно было – за неделю – столько увидеть, осилить дорогу?!

И повезло же нам, живущим на грани XX и XIX веков!

Турция, 14-19 апреля

9

Есть такое твёрдое правило...

Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок –

И сразу же приведи в порядок свою планету.

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Но как стремительна в этом году весна! На даче уже всё зелено, цветут одуванчики, тюльпаны!.. Хотя ещё неделю назад я бегал к пруду сквозь голый лес.

Распутица на тропе... у пруда – мусор. Раз от разу бегу назад с полными пакетами сора...

А что, прибираюсь. Хоть и не царское это дело...

Сегодня, правда, не захватила ключ от контейнерной площадки – и получил.

На моё «Здравствуйте!» – тётя с тележкой отходов, «застав» меня убегающим, – мне вдогонку:

– А нече тут мусор кидать!

– Простите, у меня – **пЛОКИНГ**... – начал было объяснять я...

Не ёрничал – именно так, между прочим, зовётся самодеятельная уборка... А она:

– Что-о-о?! – готовая содержимое пакета – мне *на* голову... будто я покусился на её девственность...

(В памяти – времена моего детства, пятидесятые, когда хватало таких вот «хозяек» на общей кухне, с пол-оборота «входивших в роль»!)

Вот и убирайся, наводи чистоту! Хотя, на мой взгляд, ещё хуже «мусор» в душах, словах...

Хватает и этого «добра»... Вчера мой сосед, щедро «удобряя» свою речь хитрыми словцами, понося собственную жену, подальше от которой отправился на рыбалку...

Однако на следующий день его мучили сомнения: «У меня, бя, глюки что ль! Я, бя, вчера рыбачил, шл... А сегодня там, слышь, ни х... И куда всё, е-ть твою, испарилось?..»

Чудак! Я его оставил в уверенности, что природа сама себя чистит. Обновляется же человек после сна...

Ещё по пути с пруда встретил направляющуюся в лес барышню. По виду – из сошедших с Олимпа богинь, в эпосах являющихся путникам с предсказаниями... этакую мадам в туфлях-лодочках.

Миновала было, но обернулась (видно, звёзды сошлись).

– Пройду? – взглядом указала на туфли.

– Едва ли, – я её разуверил, имея в виду, что после дождя – грязь несусветная. – Туфельки в пруду отмывать придётся...

Мы улынулись друг другу... После чего «небожительница» развернулась, царственно наградив взглядом, и пошла в обход... Или – к себе на Олимпе?..

Но сколько в один день совпадений! За изгородью контейнерной площадки (где скрепя сердце люди избавляются от ненужных вещей) кто-то за ненадобностью оставил *зрдуу книж*. Что немудрено в наше время.

Среди них обратили на себя моё внимание оказавшиеся там (по нелепой случайности, надо думать, – в компании с «временщиками») литературные классики...

Только мог ли я позволить пропадать тут своим кумирам?!

Набралась целая стопка, которую я подхватил домой...

А следом – дождь. Ливень! И слышу на террасе – спасённые мной Джек Лондон, Рэй Брэдбери, Владимир Набоков... радуются: благодарны за крышу...

И я рад: в такой компании!.. В то время как «неузнанные» авторы, увы, необратимо мокнут, горько сожалея о своей участи...

Ура! Только что смотрели салют: **победа!**

А в воздухе всё ещё висит первомайское многообещающее **пьянство природы...**

Челёво, Москва, 9 мая 2018

10

*Если бы один человек смотрел
на другого как на святыню,
жизнь была бы другою...*

Николай Гоголь

Однако продолжу о Турции... в частности – о территории Малой Азии, куда на заре нашей эры распространилось господство гордых римлян... и куда теперь занесло нас...

Оставалось ещё два дня недельного тура: после Демере наш путь лежал к знакомой по прошлому году Кимере, затем в город Анталья... и – на крыло...

Если не считать «обзорки» в Анталье, где с высокого откоса – вместе с порхающими свадебными парами – любовались мы *водопадам Македонского*, с сорокаметровой кручи падающим в море... и *приятном для кошек*, каждая из которых могла похвастать собственным «бунгалом»... оставшиеся два дня прошли, можно сказать, бездарно – на шопинг (с элементами маркетингового развода).

Перед нами угодливо раскатывали ковры, завлекали сказочными украшениями, самим предлагали дефилировать на подиуме, в пух и прах наряжали... Наконец, дабы «подкупить», на дегустациях сыпали цитатами из Омара Хайяма...

В общем, трясли... ну, как буратин... В результате чего и самые стойкие из нас (у кого оставались хоть какие-то резервы) не могли удержаться...

Зато останавливались мы в отелях, один краше другого... И первое, что я делал (по приезду ввечеру и продрав утром глаза), – это бежал к морю, помня, *как* оно **манило**, когда до головокруженья выражировали мы над ним по серпантинам.

И – день ото дня разное, море **принимало**... Ненадолго: время...

Разве что ненадолго до отъезда нам с женой удалось «непозволительно» далеко уйти в сторону солнца по пляжу...

Была ещё самочинная прогулка по исторической части Анталы.

Но мы с женой, как назло, «разошлись во взглядах»: смазала всё, как обычно, ревность. Близкий мне человек, открывающийся раз от разу по-новому, повёл себя как дитя, у которого отбирают игрушку.

А мне – под силу разве уследить за всеми своими взглядами на сполохи Красоты, на все запахи её и круженья?!

Невозможно: мы так многогранны в чувствах!.. В то же время **недооценивая** то, что имеем...

С возрастом к тому ж у нас **меняется взгляд** по формуле: «вчера *ещё* в глаза глядел...». И бесполезно спрашивать, *где раньше были глаза*...

Неужели так уж хочется быть **самим по себе**? (А сколько таких – пропащих!..)

Вот если б следовать завету: **любовь и согласие!** Ибо начинается-то (разлад) как раз *с несогласия*. Дух противоречия раздрают людей, мешая им найти общий язык... Вместо того, чтобы радоваться слиянию...

...И вот *праздник в душе и вокруг*... а она, по-царски привлекательная, деревенеет... всем видом своим его (пламя праздника) гасит... отчуждая, толкает – идти **куда глаза глядят**, с риском (для него) заблудиться в чужом городе...

И – уж чуть было... Но гортанный голос – вдогон: догнала у обрыва набережной, дальше – некуда...

Как сейчас: идёт наперерез через площадь. И у обоих – шанс улыбнуться...

Примирила на этот раз площадь (с клумбой нас-турций): не разминуться...

Турецкие лица. Среди них столько красивых! Хотя следом иди...

Хотя зря, наверное, мы разделяем людей на... Зря эмоционально отдаляем, **припоминая всё**: и геноцид армян, и Арарат, и резню в Смирне, и Кипр, и притеснения христиан, и отуречивание, и противостояние в войнах... **Будто все повинны**...

Между тем, турки мало чем отличаются от нас. Уверяю! Ну разве что порой – восточным лукавством... Хотя большей частью с нами, русскими, приветливы... Так что – чем умничать – не лучше ли **открыть глаза** и включить либидо?..

Но вот и всё. На какую-то недельку выпорхнули мы из своего гнезда, где, конечно, уютней...

Но столько ещё мест, которые ждт!..

На этот раз **укатали** нас. Загнанные, завершаем мы путешествие в две тысячи кмэ. И хотя для некоторых это оказалось не таким уж лёгким испытанием, в целом мы выдержали его достойно...

...Самолёт вот только на обратном пути трясло: из-за урагана попали в «болтанку»...

Но **пронесло**, и даже не оторвало крылья... И, слава Богу, **сорвалась война**, которая вроде бы намечалась (а то, улетая из Москвы, был в транс)... А на даче, невзирая на грозы, живы мои дрозды...

В общем, испытания так или иначе пройдены. И уж не стоит вопрос, «нужен ли нам берег турецкий»... Куда важнее – что ждт...

Лично меня ожидала измайловская полынья, за неделю успевшая освободиться от льда.

Турция, 19-21 апреля 2018

11

На даче вживаюсь в природу и «не вылезая» из пруда... Однако дух бродяжий вновь зовёт... Куда? На Кавказ...

Хотя это ещё когда! Пока же природа Подмосковья торопит надышаться маем...

Лето! Не только **вот-вот** – в разгаре! Птичий гомон, особый дух... Едва ступишь в лес, Храм вселенский, – оказываешься посреди чуда: запахи, звуки, светотени, лучи заката на стволах в просветах, обнимающая листва... И твоё **присутствие** в Сказке – не на автопилоте... пожалуйста, – по любой из троп!..

Можешь – и по полотну реки: с веслом в руках **постичь тайну**...

(Помнится, в 1967-м, прикатив с Мангышлака, первым делом приобрёл байдарку – и уж не засиживался: чуть что, **убегал от всех** – вниз по одной из рек...)

Иду... Как дороги мне манящие эти **дороги лета**, которые так и просят запечатлеть!.. А уж если – **на пару** (хотя бы – в душе) с любимым!..

Повезло же нам – родиться на российских просторах: ставь, где хочешь, палатку, пали (но аккуратно) костёр! Не то, что в чванливой Европе: едва ли – без риска быть оштрафованным – «расположишься» где-нибудь с костерком на берегу!

Да европейцам, наверное, это уж и не особенно надо: дым им, видишь ли, «портит воздух», глаза – «не приспособлены» для костра... Чинно всё, переболели романтикой...

Зато и они, и мы – повально заболели **экранной болезнью**: не оторвать от гаджетов... Приходят ли

внуки ко мне, я – к внукам, внимание – экрану...

И, конечно, можно махнуть рукой. Но ведь жизнь – мимо!..

А меж тем весной – столько соблазнов!

Всеобщее обнажение! Женщины, которые и без того – **раскрытые книги**, – с таким подтекстом! Вон, постукивая по тротуару каблучками, кажется, спешат в **библиотеку**: читай – не хочу...

Вчера с внуками (трое) ходил в зоопарк (**мой!**). И – как всегда по весне, глаза (у деда) разбегались при виде оголённых плеч, ног...

Хотя для того, чтобы с кем-либо возникла **тайная связь** (во, дедуля!), вовсе не обязательна ведь обнажённость...

На сей раз достаточно было и мимолётного взгляда обладательницы длинной юбки (у вольеры с журавлями)... И – подспудно – **на одной волне**...

Кстати, внуки мои легко осилили тот поход. Я же – минуя столько соблазнов!.. Тем более – столько солнц, глаз сияющих, всех этих ярко выраженных «претенденток на костёр»!..

Тепло! И даже если вдруг – дождь, – *на радость*... Беззонтным – и тем – не страшен. Пройдёт – и, как в парной, пар от асфальта. И – с ароматом сирени – странное, как в юности, ожидание Встречи... которая меня, конечно, минует: ощущение – на днях – в экспедицию...

Разве что в зрачке дыхнувшего на меня моря (Каспийского) **узнаю глаза**... И – обуюет тоска...

Тогда, в 1967-м, в Мангышлакской степи, помимо возвышающей стихийной тоски, видел я тоску иного рода – в глазных впадинах эков, затылок в затылок (рядами) сидящих в пылящих мимо грузовиках.

Один за другим. Тысячами... Подневольные, строили они у меня на глазах Будущее – город-сказку Шевченко – и поневоле вызывали смешанные чувства...

– Люди как люди, – охарактеризовал их как-то мой шеф. – Я видел патристическое выражение устремлённых на меня глаз...

Накануне его попросили выступить перед ними – и он, начальник геологического отряда, в котором я значился лаборантом, рассказывая заключённым о перспективах нефтеразведки, растолковывал работягам, как цилиндрики керна, описываемые нами на скважинах, позволяют обнаружить и оконтурить залежи нефти...

Трудяги, с его слов, внимали, как зачарованные, – и проникались: не зря...

Отряд же наш состоял из трёх человек: шеф-геолог, ещё водитель нашего ГАЗика, на котором добирались мы от самой Москвы, и я, ежедневно путешествующий под тентом в кузове, а посему глотающий пыль наряду с эками...

Сегодня воспоминания о бесконечно пылящих, набитых невольниками грузовиках – выглядят, думаю, более чем несуразно: в кузовах на лавках сидящие непристёгнутые «пассажиры»... А тогда такие перевозки были в порядке вещей...

Однако, в подтверждение моих слов, на днях девяностолетний сосед мой по даче рассказал: в мае 1956-го их, трудящихся авиазавода (от которого – наши дачные участки), везли в точно таком же грузовике из Москвы – осваивать **под дачи** «целину» – подмосковные грибные леса...

Как и те эки, дачники-новосёлы тоже не могли *надыхаться свободой* – при одном-то выходном дне...

Однако пора мне на пруд... туда, где зимой – в прорубь... плавать!

И так – не пропуская ни дня – **круглый год!**

А здорово это – несмотря ни на что – в водоёме (а не в каком-нибудь там бассейне)!.. гоня по два раза в день... заодно и прибираться в округе!..

Жаль – народ у нас несознательный (избалован просторами?): мусорит где попало...

Хотя, если кому-то и приятно «любоваться» загаженными берегами... мне – остаётся **протестовать красотой**...

Кому что. Весна, я знаю, скажет «спасибо»...

Не случайно же только что промелькнула **та**... из юности... Опахнула, облила глазами... крутанулась передо мной в длинной своей юбке – и, в весне же оставшись, скрылась, оставив **те** – вдохновенные – ощущения...

И это – как поцелуй солнца, выглянувшего из-за тучки... за заплывы наградой...

ХОРОТОПЫ ТАВРИДЫ

эссе

Целью данного исследования является анализ своеобразия хоротопов Тавриды, выявленных в творчестве современных крымских фазтов. Для этого нами рассмотрен концепт фаззии: трансдискурс фазта и фазтическая трансметафора, как способы реализации в крымской поэзии XXI века хоротопного принципа крымского мифа. Феномен города-хоротопа как сосуществования древнего античного города, сакральное пространство которого посредством мифов – и хоротопного мифотворчества – тесно переплетается с жизнью современного города в единой культурной, литературной, философской парадигме.

Рассмотрим понятие хоротоп как таковое.

Известный британский учёный Питер Браун в 2006 году создал понятие хоротоп по аналогии с хоротопом Бахтина, выделяя в отдельную категорию пространственную продлённость.

Он рассматривает хоротоп в контексте иеротопического метода конструирования «сакрального ландшафта», введенного в научный оборот современным исследователем А.М. Лидовым.

А.М. Лидов вводит понятие иеротопии: «Иеротопия – это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества» [4, с. 13].

Итак, профессор Браун определяет хоротоп как метод моделирования сакрального ландшафта. В частности, он прослеживает органическую взаимосвязь «Жития св. Феодора из Сикеона (530–613)», написанного его последователем, ранневизантийским агиографом Георгием, с самим местом Сикеон, где и обитал св. Феодор.

Он проводит параллели между современным научным представлением о пространстве и пространственным видением ранневизантийского агиографа [2].

Мы видим, что хоротоп, или «сакральное пространство» построено по принципу мифологического пространства. Внутри него смещены не только представления о времени, но в данном ракурсе реорганизация внутреннего пространства хоротопа по принципу совмещающихся антитетических зон, не имеющих определённого реального места, а также не определяемых реальных расстояний между зонами, говорит нам о том, что хоротоп построен по принципу мифа.

Автор этих строк, независимо от предыдущих исследователей, изобрела термин «хоротоп» в 2016 году на Всероссийском научном семинаре, посвящённом 2400-летию со дня рождения Аристотеля «Corpus Aristotelicum в XXI веке». Нами была выявлена парадигма хоротопа на основании различий в представлениях о категориях пространства: «хорь» Платона и трёх видов категорий места Аристотеля: «топос» – местность, «платос» – плоская местность, «хорос» – нечто простирающееся. В 2017 году на межрегиональной философской конференции с международным участием «Тринадцатые Таврические чтения “Анахарсис”» нами были рассмотрены коды хоротопных зон и его матрица в контексте феномена балканского хоротопа на основании работ о балканском макроконтенте В.Н. Топорова.

Характеризуя хоротоп, мы можем сказать, что его ядро – сакральный ландшафт, или цепочка сакральных мест, объединённых проявлениями универсального мифа, его одиссеи, заданной оригинальным узором пространственной конфигурации. Одиссея мест структурирована по принципу мифа, это своеобразный трансформационный переход сквозь сакральные пространства мифологических древнегреческих островов, пограничных хоротопных зон пространства.

Воплощением такого хоротопного художественного видения становятся современные жанры искусства: изобразительного, литературного, кинематографического. Здесь текст пишется нелинейно, в него включаются фрагменты архетипического бессознательного сновидениями героев, видениями, переживаемыми

мыми ими как данность, как реальность. В античных текстах вторжение сверхъестественного обусловлено законами мифа, сверхъестественная трансформация героя задана условиями особого сакрального места в рамках античных мифов, как в «Одиссее» Гомера. В современных текстах архетипы старых мифов проявляются в особых сакральных местах хоротошно.

В крымской поэзии 21 века такой хоротошный принцип реализации крымского мифа ввели представители крымского философско-литературного направления фаззия (фантастическая поэзия).

Автор этих строк, основательница направления, определила основной концепт фаззии: трансдискурс фазта – или сказки внутреннего бога, и основной формальный приём выражения – фазтическую транс-метафору [3].

Хоротопы Тавриды

Крым – уникальный пример полифонии эндемичных явлений. На протяжении веков и тысячелетий в Крыму складывалось удивительно ёмкое сочетание автономных культур. Эта локальность и закрытость была обусловлена географией проживания различных народов на территории Крыма, их образом жизни: оседлым или кочевым, родом занятий, особенностями уклада жизни, своеобразием мировосприятия, философии, религии.

На заре расцвета Крыма задолго до начала нашей эры – 2500-3000 лет назад возникшие по всему побережью греческие города-полисы были закрытым средоточием греческой культуры, хотя торговый обмен различными предметами, в том числе и предметами культов, с народностями, населявшими горный и степной Крым, постепенно вели к преодолению закрытых автономностей.

В средневековом Крыму уже появляется такое явление, как город-полифонист.

Хоротоп листригонов

По дошедшим до нашего времени источникам поэтического эпоса, мы видим, что каждому городу древней Киммерии был присущ собственный миф. Так, Гомер в «Одиссее» наделяет жителей города, существовавшего на территории современной Балаклавы, мифическими свойствами. Само же описание территории остается практически неизменным и в наше время.

Этот миф сродни «псевдотаврским» сюжетам древних авторов, описывающих обычаи тавров, которые сбрасывали чужестранцев со скал, принося их в жертву богине Деве. Впервые тавры упомянуты в «Истории» Геродота, датированной серединой V века до нашей эры. По словам Геродота, территория, населяемая таврами, это гористая, выступающая в Понт страна, расположенная между Керкинитидой и Херсонесом Скалистым. Они приносят в жертву богине Деве потерпевших кораблекрушение или захваченных в открытом море эллинов. «Живут тавры грабежами и войной», – подытоживает Геродот.

К числу последних «псевдотаврских» сюжетов принадлежат такие знаменитые, как «Ифигения в Тавриде» Еврипида и некоторые эпизоды «Посланий с Понта» Овидия. По сведениям Страбона когда-то «скифское племя тавров» занимало большую часть Крыма, а наиболее опасными для мореходов были окрестности бухты Симболон Лимен, где тавры чаще всего устраивали засады.

Балаклавская бухта в этом отношении была исключительно удобна для таврских пиратов.

Итак, столь длительное существование балаклавского мифа объясняется особенностями ландшафта, существованием идеальной морской бухты-гавани в окружении скалистых гор.

В Балаклаве, как в городе-палимпсесте, история переписывала народы, но каждый раз на размытом папирусе проступали поэтическими строками очередного гения места неизменные свойства мифических листригонов.

Таковы координаты гомеровского мифа на карте Крыма, такова его вневременная составляющая. Такова мифическая характеристика города-лимитрофа Балаклавы, таково его дионисийское, устрашающе сумеречное начало.

Хоротопом листригонов предстает эта местность в творчестве современной поэтессы, фазта Евгении Барановой (Джен).

*Цареубийцей вырвался закат
(бежал по бухте, отражаясь в иле).
Вся Балаклава – стянутый канат,
который незаметно отпустили.*

«Рыбное место» [1, с.13]

Протяжённость его хронотопа: от листригонов гомеровского мифа, палимпсестом пиратской гавани тавров, к балаклавским грекам-листригонам Куприна. Так хора в пространстве мифов оформляет реальность местности пиратов-листригонов. Так миф-палимпсест от поэта к поэту передаёт листригонство как качество характера обитающих в этой местности.

Здесь мы и переходим к героям, к литературным кентаврам Рыбного места. Каковы они, обитатели, устроившие засаду в центре водоворота?

*...герои – плывут и плывут наружу,
как вексель, под жабрами скапливая века.*

«И летят голоса» [1, с.16]

И вот «чужих певцов блуждающие сны» не отпускают поэта ни на миг, и в этом странный симбиоз души, принимающей все формы как свои, не все, конечно, все формы носит в себе только хора, носит праформы вещей. Но в этом качество души поэта, его беременность, вынашивание и чувство материнства речи. Мандельштам был так близок к хорическому строю поэзии, к хорической речи – до обморока. Вот и Джен этот мандельштамовский обморок «взяла, отобрала сердце и просто пошла играть – как девочка мячиком».

*Короткий обморок сирени
был неглубок, но Мандельштам
вернул кустарник сизой лени,
лиловых сумерек рукам.
И обморок остался – щуплый
отросток лета на сносях.*

«Сирень» [1]

Точнее не скажешь. Это хорическая способность «отбирать сердце» у вещи, явления. Это возможность нарекать вещь именем скрытого смысла.

Город-хоротоп

Феномен города-хоротопа как сосуществования древнего античного города, сакральное пространство которого посредством мифов – и хоротопного мифотворчества – тесно переплетается с жизнью современного города в единой культурной, литературной, философской парадигме.

В первую очередь, это города-лимитрофы, окраинные города прежних империй, города пограничные, существующие в контексте переплетения различных культур.

Так, например, Керкинитида – греческий полис, появившийся на рубеже 6-5 вв. до н.э. на месте современной Евпатории, окраина древнего греческого государства. Вот город-лимитроф, город дионисийских сумерек, в нём сквозь канву веков, в пограничном вневременном пространстве само историческое время – за кадром.

Евпатория – город-палимпсест, здесь наиболее явно проявлялось переписывание культур в хронологии времён. Культура Керкинитиды сохранилась в предметах культа: жертвенники, терракотовые статуэтки богов, богинь и героев; в предметах быта, сосуды для вина: канфары, ойнахои, ликоны, расписанные сценами из бытия богов, отчасти в письменных источниках. Всё это сохранилось только в музеях.

Средневековый Гезлев предстал уже городом дробящихся автономий, городом, лишённым центра, все его автономные кварталы простирались извилистыми улочками возле культовых сооружений. Гезлев можно назвать городом культовых автономий. Культовые здания: синагога и кенасы, текие и мечеть обрастали жилыми кварталами узкими спиралевидно закрученными улочками возле культовых зданий.

Это внутреннее пространство связано вязью ассоциаций, метафор и фазических трансметафор с внешней географией.

Здесь городская площадь Евпатории как прообраз универсалий. Евпатория – город-день, мгновение межсезонья, когда город пустеет и летний шум исчезает, зависает разрежённым воздухом. И возникает

ощущение, что с летом из города ускользает жизнь, замирает в безвременье, и богу остается свернуть город в свиток и спрятать на одну из запыленных полок, до времени.

*Бог-драматург поставил диагноз городу:
 Вялотекущая жизнь. Свернул его в свиток
 И спрятал папирус в своих бесконечных архивах.
 Улыбка каменных львов растаяла в воздухе.
 Никто не успел заметить, что нет ничего.
 И только коты переняли улыбку каменных львов
 И улыбались детям воскресным утром,
 Встречая их у подъездов, в подворотнях;
 На чердаках улыбались кошкам,
 Но город не видел их, залегая папирусом
 В бесконечных архивах бога.
 Историк подал в отставку,
 Архивариус вдруг заснул.
 Во сне он увидел свиток, развернувшийся городом,
 Но, проснувшись, он всё забыл.*

[3, с.15]

Как и Гезлев – город-верблюд, как сад дервишей, это все восток, это жизнь средневекового города, в котором муэдзины на минаретах, горбатятся верблюдами, а дервиши в текие упоенно кружатся в танце и курят опиум под старым абрикосом.

*Сад дервишей, курильщицы в ханской беседке снов.
 Сладкий запах с прелой осенней листвой снова
 Уносит в мир, где в узкой улочке черепичный бой,
 Сбой матрицы, тонкое восточное лицо,
 Взгляд, забирающий душу в рай, где наложницам
 Платят опиумом, звоном струн, танцем странников
 Под абрикосом, чьи листья курятся дымком, оков
 Не снимавший с души, вдруг уснул, и пришли
 Вороном на старом абрикосе – перелетные сны...*

[3, с.26]

Фазт – летописец, но в свою поэтическую летопись он включает архетипические образы этого города, пространственные образы хронотопа средневековья, сохранившиеся видениями поэта в культовых местах в современности. Эти образы близки и узнаваемы, с одной стороны, они типичны для множества подобных городов. Это те же города-лимитрофы, окраинные города прежних империй, города пограничные, города-зоны.

Пояс, соединяющий цивилизации и культуры, «межцивилизационная зона» – и новый артефакт фазтики – универсальный город-хоротоп, каждая часть которого в нулевой точке города, на перекрестке, развёртывается городами-свитками, сворачиваясь вновь в нулевую точку.

Заключение

Таким образом, нами выявлена специфика сакральных ландшафтов лимитрофного пояса, имеющих особые пространственные конфигурации, раскрыты особенности их хоротопных составляющих. Таков феномен хоротопов Тавриды как уникального микрокосма городов-хоротопов, городов-полифонистов на перекрестке культур. На основании анализа творчества современных крымских фазтов рассмотрена структура таврического хоротопа как репрезентация архаических компонентов крымских мифов, как хоротопного принципа реализации крымского мифа представителями крымского философско-литературного направления фаззия (фантастическая поэзия).

Список литературы:

1. Баранова Е. Рыбное место. СПб: Алетейя, 2017. 136 с.
2. Браун П. Хоротоп: св. Федор Сикеот и его сакральная среда // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. – С. 124-125.
3. Коро Елена. Фазт-Крым: карта странствий. Сборник стихотворений и прозы // Севастополь: Шико-Севастополь, 2015, с. 56
4. Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. – С. 9-58.

«ЛИТМУЗЕЙ»

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

«МАЛЫЙ ЖАНР» АГАСИ АЙВАЗЯНА

В героях рассказов Агаси Айвазяна, в их доброте, сострадательности, благородной открытости слышится тихим отзвуком продолжение милосердной и светлой ноты, впервые зазвучавшей под пером Сервантеса.

Откровенность Григора, героя «Вывесок Тифлиса»; «мифотворчество» Хачика, героя «Нашей части реки»; вера в чудо фокусника, героя «Коронного номера»...

Есть в них нечто от Дон-Кихота, «рыцаря Печального Образа», который даже в провалах, в неудачах, в страдании оставался достоин избранной им духовной правды.

Почему трагикомичен Дон-Кихот? Потому что он и в малом исходил из великого. Феномен его в том, что он тем же велик, чем смешон.

Некоторые из героев Айвазяна трагикомичны, почти как Дон-Кихот. Это не мешает им стремиться к духовному полюсу сознания и примером своим пробуждать гуманное, светлое, лучшее в читателе.

Даже самое высокохудожественное произведение имеет сравнительно меньшее значение, чем его объективная цель – пробуждать духовную высоту в человеке...

Нельзя быть равнодушным к миру и писать такие рассказы, какие пишет Айвазян; сердцебиение его прозы – озабоченность моральной и духовной сторонами жизни.

В интервью, данном «Литературной газете», писатель сказал: «Знаете, в детстве для меня существовали одни лишь восклицательные знаки, затем они, как в мультипликации, неожиданно выгнулись и превратились в вопросы... А с годами всё это слилось в один огромный вопросительный знак, и я – лишь точка под ним».

Точка эта под вопросительным знаком – точка зрения, центр его мира. «Изогнутая вопросительность» над точкой – художественный поиск, поиск мысли, поиск гармонии.

«Меня часто называют выдумщиком, – признаётся в том же интервью А. Айвазян, – а я ничего не выдумываю и если, допустим, утверждаю: «он умел летать», значит это факт. Потому что для меня важно выразить состояние. Когда пишу рассказ или повесть, всегда иду от себя, от своего чувства».

Да, его рассказы, действительно, написаны чувством, ощущением и чувство, ощущение ведёт за собою волны размышлений. Течение сюжета не подчинено строго-определённой структуре или какой-нибудь литературной теории как, например, подчинены санскритской поэтике «Девять рассказов» Дж. Сэлинджера. Развитием действия правят память и воображение автора.

Прислушайтесь к прозе «малого жанра» – к прозе рассказов Агаси Айвазяна. Напрягите слух души. Сквозь шелест страниц вы услышите разноречивость хора действующих лиц. Голоса эти неоднозвучны. Но ясен среди них нарастающий, звучащий мотив единства всего сущего на Земле...

Рассказ «Коронный номер» – о чуде творчества, о чуде творения. Старый фокусник, выступая в цирке с известным «классическим» фокусом, внезапно ощутил возвышенную радость слитости с миром: «В нём вдруг возникло ощущение, что всё вокруг хорошо, что он любит всех. Любит не только людей и животных, небо и землю, но и что-то ещё большее. Это большее было трудно выразить словами. Оно было внутри него, и он сам входил в него, как часть в целое. Его охватило огромное воодушевление, возникло сознание своей силы, своей правоты»...

Духовное проникновение в суть единства зажгло в фокуснике вдохновение, дало высокую возможность удивиться простым и мудрым законам жизни. Ему открылось, что не фокус важен, важна сама жизнь во всех её проявлениях, и фокус, незаконное дитя чуда, исчез. Вместо него появилось чудо – фокусник понял, что «может сделать видимым для других и осязаемым любое своё чувство».

И вот перед нами уже не фокусник, а кудесник, подобный «универсальному человеку» – мифическому Адаму Кадмону, обладавшему способностью объективировать идеи, «думать существа», мыслью творить материю.

Фокусник стал создавать воображением и «осаживать» из воздуха пламенных коней. Кони здесь не просто кони, а символическое воплощение жизни насыщенной, единой, полной любви...

Крылом вымысла в «Коронном номере» задета также проблема, звучащая сегодня особенно современно. Айвазян показывает, как в жизни создаются стереотипы поведения, как возникает на месте первоначальной естественности поле условности, как жест, действие теряют первоначальный смысл, лишаются эмоционального подтекста – превращаются в поверхностную форму вежливости; «Номер шёл уже давно и успел изрядно надоесть публике. Однако, она хлопала, потому что так было принято, существовала некая взаимная договоренность. Люди построили цирк – место, где собираются и смотрят зрелища, аттракционы, разные манипуляции и хлопают. Если бы они вдруг вздумали нарушить эту условность, то номер оказался бы совершенно ненужным. Впрочем, зрителям было уже приятно оттого, что всё идёт своим чередом, всё на месте: освещение, манеж, фокусник, цилиндры, кролик униформисты, администратор, выходы...».

Взглянув глазами автора на жизнь «со стороны», мы услышали аккорд иронии в этой маленькой «канцонетте» о фокусе и о чуде... «Коронный номер» – среди лучших, характерных А. Айвазяну рассказов, в которых правдоподобие и психологизм слиты с фантастикой.

В каждом рассказе, в каждой повести армянского писателя зреет философское зерно которое, пламенея, прорастает в фавулу. В этом смысле «Сказка» представляет собою целое поле, засеянное всходами философской символики.

«Сказка» – притча о том, как далеко люди ушли по тропе цивилизации от родников, от истоков гармонии, этой вечной музыки единства духа и материи.

Фантастический конфликт в «Сказке» таков: когда с заснеженных гор, как из легенды, спустились странные обнажённые существа – образы чистоты и естественности, жители «города (или деревни)» уничтожили, убили их.

С появлением пришельцев жителей охватил страх. Инстинкт самосохранения толкнул их уничтожить белоснежных гостей, несущих естественность и цельность. Это им «необходимо», чтобы сохранить свою мораль, построенную на раздвоенности.

Да, жители, в противоположность пришельцам, глубоко раздвоены. В них живёт разрыв меж духовным и физическим, меж телом и душою. Следствие такой раздвоенности – разрыв меж моралью и жизнью, непрочность заповедей, законов, заветов.

Кроме того, жители видят – пришельцы совершеннее их. И неосознанная ревность к той же, что и у них, но более высокой природе, заставляет взяться за ружья, уничтожить красоту.

Пришельцы не сопротивляются насилию. Они не понимают ужаса смерти. Они белы на белом снегу. Эпиграф к одной из глав «Глиняной книги» Олжаса Сулейманова: «Будь на белом снегу беззащитен, о человек!». И в притче Айвазяна сыны и дочери вершин, действительно беззащитны, как снег, как капли дождя, как листья деревьев... А их уничтожают, будто они – зашедшие в город дикие звери. Только зверей жители бы боялись...

Женщину убивала толпа, снежную женщину, явившуюся из мечты понимания, родственности одного человека другому. Убийцы смотрели «на её тело, на её соразмерные формы, тугие груди, и в сердцах их зарождалось желание любить, но вместо того, чтобы целовать это тело, обожать и боготворить эту женщину, они пинали её ногами...».

Один только озябший от одиночества и слабости герой, от лица которого ведётся повествование в «Сказке», хотел защитить женщину – стремление, достойное Дон-Кихота – но его оттолкнули, ударили... Он – единственный из всех персонажей допустил невозможное – вошёл в общение с таинственной пришельцей. И это стало осуществимо, наверное, потому, что давно искал смысла жизни, гармонии. В этой женщине, ещё вчера явившейся ему, как во сне, он нашёл своё «Alter Ego», свое «второе я». Нашёл и отражённое, без слов – понимание. Обыденно-земные «мерки» спадали с неё, как пальто, которое он безуспешно пытался набросить на её обнаженные плечи. В ней – гармоничность и чувствительность, одновременно – доминанта добра, всепрятия, цельности.

Герой как будто встретил собственную лучшую часть души, своего двойника. «Я как будто увидел своё подсознание» – фраза ключевая для понимания рассказа-притчи, его символики. Значит, путь к естественности человека мыслится постижением глубин природы, тайн подсознания, и тайны эти ждут в подземельях души.

Жители – жестокие дети, избалованные собственной логикой, не ведающие, что творят. Герой-повествователь среди них – при всех несовершенствах своих, не агрессивен, не косен, не жесток. Он мучим духовной жаждой и тем подобен героям Германа Гессе, столь же «отделённым», как он, от человеческого «окружения» (Гарри Геллеру из «Степного волка» или Клейну-Вагнеру из «Клейна и Вагнера»).

На тонком психологическом регистре описано таинство углубления в подсознание, нисхождение героя в себя: «Так нередко случается ночью – жизнь превращается в сон, и на душе становится легко, и ты отдаёшься своему состоянию, своему сну. Это, видимо, и есть то ядро твоей жизни, ради которого живёшь, оно сильнее смерти, чувствуешь, что именно его всегда несёшь в себе».

Ядро это есть зачаток «органа» цельности в человеке, оно – связующее звено с планетой, со звёздами, с атомами, с единством малого и великого...

Встретив в пришельцах воплощённую естественность, красоту, герой, лишённый гармонии, цельности, потянулся к пришельцам в желании обрести слитость с природой. Но не хватило сил сбросить одежды и уйти в смерть за обнажёнными посланцами иного мира, чтобы «кусочек камня покончил бы и с этой моей сказкой». Здесь «сказка» – синоним жизни. Герой последовал за гибнущими лишь мыслью. Лишь мысленно сбросил одежды. Таков пример его двойственности – разрыв меж: благородством желаний и нереализованностью, неосуществлённостью их.

Убийцы – люди в чёрных длинных пальто, люди, выражаясь по-чеховски, в фулярах. Страшны эти пальто, как балахоны палачей, средневековых врагов жизни, красоты. Убивая обнажённых пришельцев, жители мёрзнут в плотных чёрных одеяниях. Их не разогрела «борьба». Они в плену глубокого душевного холода. И вспоминаются поэтические строки Сармена из сборника «Зима в цветах»:

*«Мой сын, ты мёрзнешь и при зное,
Наверно, это неспроста?
Ты, может, сделал дело злое
И, может, совесть не чиста?».*
(пер. с армянского С. Сорина)

Прозрение снизошло на героя. Он пожалел не убитых и поверженных голых пришельцев, но их убийц – тех, которые отныне, он чувствует, «будут ещё более жестокими, ещё более жалкими, и ещё более несчастными».

Единственное, что может в какой-то мере оправдать убийц – это то, что пришельцы явились столь совершенны, столь цельны, столь подобны античным богам, что вид их был жителям непереносим: «Они были красивы, но красота их вызывала странное чувство, какое-то противоположное чувство – хотелось кричать, причитать, вопить».

– Я больше не могу! Стреляйте! – ломящимся от ярости голосом взвизгнул буфетчик...».

Герой пытался выразить «слабый протест»: «– Зачем вы так? Что они нам сделают? – Что сделают? – спросил учитель тоном совершенно неожиданным для меня. И вдруг вскипел: – Ничего особенного! Просто покажут свои тела, и всё. А после они захотят, чтобы и мы оголились... Вот что они сделают!». Если взглянуть на последнюю реплику отстранённо, заметим, что местный учитель, фарисей, застегнутый на все пуговицы «школьной мудрости», приписывает пришельцам агрессивность. Он подозревает их в том, что те «захотят» – потребуют ото всех наготы. Понимает ли – до глубины – какой наготы? Может быть, понимает... Видит, что они «настоячивы» лишь своим примером. Это его не останавливает. Впрочем, учитель движим более чувством, чем мыслью и в словах его – самооправдание. Наверное, у каждого убийцы найдётся себе оправдание...

Взрыв совершенства, к которому жители были совершенно не подготовлены, вызвал столь же сильный встречный взрыв несовершенства. Полюсы скрестились, совмещение породило искру, террор – Трагедию.

И всё же избивение невинных, смотревших на мучителей «удивлёнными, умными глазами», равносильно духовному самоубийству убийц. Они в лице пришельцев убивают себя, лучшую свою часть, упрятанную глубоко в подсознание.

Рэй Брэдбери, американский фантаст, написал роман «451° по Фаренгейту», роман о том, как люди

в страхе перед знанием, перед силою искусства убивали книги – сжигали их. Книги стали опасны: они несут духовный свет. В романе Брэдли книгу, символ культуры, общество потребления приговорило к смерти. Брэдли предостерегает. По-своему предостерегает и Айвазян.

Завершая разговор о «Сказке», хочется ещё раз возвратиться к началу, к ещё одному символу, который не сразу попадает в поле зрения, потому что дан он слишком «рано» – ещё до того, как по ходу действия стали ясны идеи, заложенные в рассказе.

Гуляя по кладбищу, герой заметил виноградную лозу, растущую на одной из могил. Могила огорожена ржавыми спинками железных кроватей. Образ этот может быть прочтен как символ изначальной естественности и здоровья человеческого начала, посаженного на мёртвую почву, огороженную застарелыми ржавыми запретами и табу. Но живое неистребимо вырастает из мёртвого... В наши дни излишне говорить об актуальности подобного тезиса.

Символика заключения «Сказки» благородно-прозрачна и возвышена: возвратится естественность, её основу убить нельзя. Сколько ни стреляли жители, всех пришельцев уничтожить не удалось. Ушла старая женщина «со струившимися по спине седыми волосами», ушла, «слилась с чертой горизонта», как Праматерь рода, как тайна идеала Вечной женственности. Она осталась неуязвимой, «Убить её невозможно». Все почувствовали, что «она ещё вернётся на площадь».

Фантастическое в «Сказке», как и в «Коронном номере», обретает земное обличье. Оно правдоподобно, эмоционально. Это, несомненно, фантастический реализм, обогащённый аллегорическими элементами.

Темой единства всего сущего на Земле, как мы говорили, проникнуты основные произведения армянского прозаика.

«Киракос», пожалуй, одна из основных вех этой линии. «Киракос» – рассказ о жажде единения людей. Но меж людьми – дистанции, расстояния. Сократить расстояния, согреть души лучами открытости, теплом понимания – стремление, выраженное в рассказе. «Киракос» – это внутренний собеседник человека, это его обращение к собственной духовной сути, к своему истинному «я», очищенному от пристрастности (как ни назови его – богом, подсознанием, даже – Киракосом).

«Киракосом» обозначена изначальна данная людям нравственная первооснова человечества. Все мы, по мысли героя, по мысли автора, произошли из одной первоосновы: «Вначале был один человек. Потом он стал размножаться, людей стало много. А сам он поместился в каждом в отдельности. Вот это и есть Киракос... Внутри каждого сидит Киракос, чем больше становится людей, тем хуже приходится первому человеку...».

Потрудитесь только почувствовать эту всеобъемлющую первооснову, и вы перестанете творить зло, потому что перестанете считать людей вокруг себя чужими. Когда же почувствуешь, что ты – часть единого человечества, то поймёшь, что неестественно причинять зло людям, то есть самому себе... Только бы осознать эту благоую основу, «Киракоса» то есть.

«– Вот и получается так: сделаешь добро человеку, за это тебе добром воздастся... – какое ни сделаешь зло – такое же зло заработаешь... Закон...». Тут философия древняя, с эпическим призывом – любой твой поступок оценивается, исходя из самых высоких критериев, потому что совершается на фоне всего человечества. Ответственность за каждое деяние и равно, за каждую мысль человек несёт перед всем духовным целым Земли, перед каждой каплей великого людского моря и перед собою – перед своей совестью, перед истинным «я», перед Киракосом.

Классик немецкой философии Артур Шопенгауэр некогда сказал: «Проповедовать мораль легко, обосновать мораль трудно». Рассказом «Киракос» Агаси Айвазян философски обосновал единство рода человеческого, как он его понимает и по-своему – художественно – ответил на вечный вопрос – почему все люди – братья.

Да, во многих героях Айвазяна жив «Киракос». Разве не «Киракос» говорит устами Мартироса в повести «Приключения сеньора Мартироса»: «Вы думаете, вы других обижаете. Причиняя вред другим, вы в первую очередь наносите вред себе, ибо совершенное вами зло как бумеранг возвращается к вам...».

Только в рассказе «Грядущее оставив позади» (1984) тема эта ещё более углублена.

Благодаря Внутреннему Исповеднику, герой-рассказчик даже в самые трудные минуты оставался честен перед собою, а потому и перед людьми: «Когда меня несправедно мучили, я был спокоен – он-то уж знает правду, меня обкрадывали и называли вором, но я был спокоен – он-то ведь знает правду; меня обманывали и называли лжецом, но я был спокоен – он знает правду...».

Исповедник, этот незримый Дон-Кихот – рыцарь истины, «брат» Киракоса, становится нравственной опорой, на которой зиждится цельность личности: «Я поверял ему незаметные движения, выявляющие

подлинность всего, внутренние взаимосвязи, высшую логику их сокровенной справедливости. Дотошно разъясняя мотивы моих поступков, я отдавал ему всё без остатка, и он был хранителем моего естества».

Что нового даёт нам рассказ «Грядущее оставив позади»? В рассказе поднят важный вопрос, который не был поставлен в «Киракосе» – вопрос не только о существовании, но и о самом моменте зарождения в человеке его второго «я».

Некоторые одарённые личности (такие, например, как Жан Поль Рихтер и др.) помнят о миге обретения своего «я», когда индивидуум впервые ощущает себя как нечто самостоятельное, отделённое от окружающего мира, как «аз есмь».

У героя рассказа момент самоосознания трагичен: «Маленький мальчик, наш сосед по даче, предложил мне лечь под поезд, а за это пообещал свой ножик... Я лёг между рельсов и поезд пронёсся надо мной, обдав сажей и пламенем моё тело и белую рубашку».

Может быть, на переломном по потрясению моменте жизни он обрёл не только новую ступень самопостижения, но и второе «я» – взгляд «со стороны». Взгляд этот качественно духовен.

Коли всё действительно так, как нам представляется, герой претерпел в детстве второе... нет, нечто вроде «третьего рождения», если за рождение первое считать его физическое появление на свет из чрева матери, за второе – осознание себя отдельной личностью и за третье – расщепление этой личности надвое – на двух собеседников – на себя и свою способность абстрагироваться, на «я» и образ, контролирующей реализации сознания.

Под конец жизни герой рассказа вопрошает внутреннего помощника-исповедника: «– Ну скажи, ты же всё знал и понимал?». Оказалось, что нет, не всё знал Исповедник, оказалось, что и за его плечами – океан неисчерпаемости. Даже он, строгий жрец подсознания, не в силах пониманием охватить огромность хода жизни, необозримую сложность законов мира.

И следующей ступенью самопознания – психологическая ситуация в рассказе «Разговор двух сумасшедших на вершине горы». Один из действующих лиц, Игнатос, ощутил, постигнул свою истинную сущность и душою отдельно увидел собственное тело: «Был вечерний час, я сидел у окна... И внезапно, когда я поднялся со стула, одно лишь мгновение, мельчайшую долю секунды, я почувствовал, что вижу своё тело из окна... Я был самим собой... было ликование, было так много света и счастья, что я до сих пор ношу их в себе!». Этот миг познания осветил последние дни Игнатоса и подарил ему счастье. «Это мгновение равно всей моей жизни, – говорит он, – может быть, это высшая математика – наименьшее равно бесконечности, или наоборот – вечность бесконечно мала...».

Герои находят внутреннее равновесие и спокойствие пред лицом смерти. Это спокойствие рождается из понимания единства материи и духа, души и... микрочастицы.

В рассказе «Болеро» идея единства выражена по-иному, передана танцем. Балерина Софи танцует танец единства одна: «...И Софи одна танцевала болеро, этот гимн единения, изначальной нераздельности мужчины и женщины...». Движения её партнера идут не от души – они пусты, утомлены, отчуждены. Он, танцор, далёк от болеро, от того слияния, которое телом «поёт» балерина.

Так что же, не восторжествует гимн единства, замрёт к безразличию, в душевной усталости?...

Нет, гармония единения начал, апофеоз цельности зазвучит, когда среди балерин появится – неожиданно – жених одной из них. Имя ему – Адам. С ним вместе придёт тайна. И женщин возьмёт в плен «завораживающее», «путающее», «какое-то утраченное», «берущее за сердце» чувство.

Что же это за таинственное чувство? Это чувство первозданное. И принёс его – Адам – образ цельный, не разделённый на антиномии, лишённый трагической раздвоенности и сомнений – он берёт, несмотря ни на какие «но», в жены балерину Долли – свою «Еву». Он, как библейский Адам, символ первослияния.

Описан Адам через улыбку, как некогда любимый живописец Агаси Айвазяна, Леонардо да Винчи, через улыбку давал жизнь характеру героини или героя: «На лице его была улыбка – нет, скорее это было какое-то неизвестное им выражение лица: не успевал он улыбнуться, как ему уже становилось грустно, не успевал загрустить, как опять улыбался он, казалось, просто не имел ещё точного представления ни о радости, ни о грусти». В Адаме грусть и печаль едины, и эта цельность загадочна. Какая противоположность герою «Сказки», лишённому цельности!...

Как выразить стремление к единству жениха и невесты, тайну их рождающейся гармонии? Чувства напряжены, сердца в огне восхищения, и рождается из глубин эмоциональной полноты танец. Начинает его Софи, подхватывают все. Почти иллюзорна фантазмагория танца: «Смешались тела и свет, смешались друг с другом, свет обвивался, ласкал движения, движение входило в свет, словно стремилось разорвать плену света...».

Здесь, для передачи душевного состояния, применён излюбленный описательный приём А. Айвазяна – дан синтез одухотворенной стихии и материи. Этот приём знаком нам по рассказам «Ущелье», «Шёпот».

Образ Адама – образ человеческий и «первочеловеческий», окончательно превращается в символ импрессионистический, почти неосязаемый: «... черты лица стали зыбкими – вот-вот лицо исчезнет, растворится в свете», и одновременно он был «словно идиолом, огнём, воплощением божества». Адам – чистое воплощение цельного мужского начала, как «Киракос» из одноимённого рассказа – воплощение чистой первоосновы. Оба они образы символические, Адам и Киракос – родом из первозданности.

Тема единства, неисчерпаемая в творчестве Агаси Айвазяна, находит оригинальное раскрытие и в рассказе «Ущелье». В нём показана трагическая сторона единства, взаимосвязанности, дошедшей до критической точки: «И все так крепко держат друг друга, держат и добром и злом, и истиной и ложью... Они, я, земля, Фатима, автобус... – мы слиты воедино, прильнув друг к другу, вонзившись в плоть когтями, зубы – к зубам, телом – к телу, глаза к глазам... Обманываем, любим, ласкаем, убиваем?...». Единство накалилось, оно готово уплотниться до того состояния, чтобы стать невыносимым.

«И это всё? – спрашивает автор, имея в виду философский вопрос – «заканчивается» ли всё на земле одним единством?... И отвечает: «Опять же нет. Мы что-то делаем. И у этого пока нет имени»...

Осознание единства расширяется до осознания того, что во всём живом и едином живёт и «волит» действие. Эмоциональное действие движет человеческим единством. Действие в многосложности своей – в высоких и низких побуждениях – «творит» преданность, верность, оно же «создаёт отцеубийц...

Всё зависит, видимо, от направленности единства – единства, силы, энергии, души, мироздания.

Интересно, что к ощущению трагического, болезненного единства герой рассказа пришел через ощущение несамостоятельности, поднадзорности. Возникло это чувство оттого, что, наблюдая из окна автобуса древние храмы, сменявшие на дороге друг друга, он заметил – они как будто наблюдают за движением автобуса, берут его в поле зрения. Почувствовав себя неуютно под каменным «взглядом» храмов, герой подумал: «...на дорогах и в мире нет свободных мест... все мы у них под стражей»...

Он ощутил своеобразную духовную «слезку», как Тьюлер – персонаж Герберта Уэллса из романа «Необходима осторожность», отвергавший, не принимавший надпись на картине, которую мать повесила ему в комнату. Надпись гласила: «Око твоё на мне, Господи».

Однако, герой предчувствует, что «наблюдающие» храмы – не последние, не самая высокая иерархия бытия. И над ними довлеют ещё более высокие начала: «Может быть, нечто другое, в свою очередь, зажимало в кулак этот храм» – над более высоким – ещё более высокое – и так далее, и так – ввысь и ввысь...

Храмы сменяют друг друга, потом исчезают и им на смену приходят также «следающие» за автобусом горские башни. Автобус поднялся ещё выше, и герой охватил с высоты взглядом «все башни вместе». Став на точку выше башен, герой почувствовал, что порвалась устрашающая связь. Башни более психологически не доминировали, они стали равнодушны. Исчезло чувство собственной недостаточности, подверженности чьему-то оку. Но не пришло облегчение. Герою стало «ещё страшнее».

Та эмоциональная стихия, которая определяется словом равнодушие, наиболее непримлема для А. Айвазяна и его эстетики. Именно ощутив равнодушие, герой рассказа почувствовал трагичность единства слитости и отторженности: «Их надзор и их равнодушие – два конца, которые равны друг другу»; «Была устрашающая и крепкая истина в том, что все врозь незнакомы и враждебны друг другу, и одновременно все вместе – родственники и друзья. И есть большой смысл в этой разрозненности и слитости...».

Победило всё же ощущение всесвязанности. Дойдя до высшей точки, оно преобразовалось в молитву, ко всему живому обращенную: «Живите все и пусть всем будет хорошо...».

После башен, творений рук человеческих, горы «вручали» автобус друг другу. Потом они обступили, воцарились в окрестности, и герой уже их, как недавно храмы и башни, от полноты своего восприятия невольно абсолютизирует: «Трудно представить, что в мире, кроме гор, есть ещё другая сила».

Но над горами возникает ещё более высокая субстанция, доминанта земных начал – свет. Как будто в древней космогонии... Свет венчает собою все «иерархии» – храмы как символы веры, башни как символы воли, горы как символ природы...

«Свет был гениален, красив и, самое важное, добр...». Тут явлено художественное наслаждение природой света, чистотой его красоты, заключенной в «волнах и оттенках цветов».

Рассказ, утвердив духовное начало, дойдя до вершины, спускается к завершению, к подножию гор.

Отметим ещё одно проявившееся в рассказе «единство» – единство героя и Фатимы, женщины, его спутницы, в которой женское начало подчёркнуто. «Я взглянул на Фатиму – она подумала то же

самое» – она фоновый персонаж. В ней важен только отклик мыслям и ощущениям героя. Фатима – такой же обобщённый фоновый персонаж, как «Шераник, который принёс рыбу» из рассказа «Рыба в кувшине».

У современного французского писателя Жана Пелегри в повести «Лошадь в городе» есть такой эпизод: парижане в вагоне метро, забываясь, начинают шевелить губами, будто разговаривают сами с собою, мечтают, мыслят – каждый о своём.

И Егор Бумунц, герой рассказа Айвазяна «Шёпот», тоже поймал себя на том, что «среди бела дня на улице он разговаривал сам с собой». В отличие от парижан, описанных Пелегри, Егор жаждет слова, его переполняют слова. Он убеждён, что может втолковать другим: как жить. Но люди не слушают. У каждого – своя правда, своё понимание жизни.

«Благими намерениями выложена дорога в ад», – сказал Данте. Не этими ли «благими» намерениями, «благими» словами выложены диалоги, по сути же, монологи Егора с людьми?... Егор – рационалист, носитель «позитивного» подхода: должно быть так, а не иначе! Только, видно, бескрылым был его рационализм, не зажигал он людей верой. Егора не слушали, отворачивались и уходили в свою жизнь. Отсюда – вынужденное одиночество Егора, «вытолкнувшее» из него слова в пустоту. Он одинок, как и многие другие герои Айвазяна. Но именно из одиночества этих героев рождается их размышление, осмысленность. Это – плодотворное одиночество.

Егор, гуляя, забрёл в развалины пещерного города и там, наедине с собою и горами, стал размышлять всё о том же – о непонятности, о непонимании. И тут он услышал голоса – с детства знакомый ему, давно забытый звуковой эффект гор, феномен природы: едва видны вдали люди, а голоса их «как от сидящего рядом» – близки. И по-новому открылся мир Егору. Он подумал о том, что «воздух – это, ну, всё равно, что продолжение человека, которое потом снова становится человеком»; «Мир, он весь из одного вещества: и камни, и горы, и растения, и воздух... Всё на свете переходит одно в другое».

Разум героя разомкнулся в созерцание. Уже не он учил людей, а мир учил его, учил своему единству. «Кто знает, где он начинается, человек, и где кончается. Нет пустого пространства». Вспоминается строка из древней гностической рукописи, найденной в Наг-Хаммади: «Открыли ли вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, там будет конец». Человек в рассказах Айвазяна разомкнут чувством и мыслью в гармонию мира, в которой нет «найденного» раз и навсегда конца и начала, но есть изначальное единство начального и конечного...

Егор почувствовал, что и его – все его мысли – «слушают сейчас вот так же сразу и вместе земля и камни, кусты и колючки, его отец, сегодняшние туристы».

Вот Егор и услышан. Услышан в своём собственном слухе. «Познай самого себя!» – начертано было над входом в храм Аполлона в Дельфах и на изумрудных скрижалях Гермеса. Через природу герой отождествился с людьми. И он обращается уже не криком, как раньше, а шёпотом – к каждому знакомому ему человеку: в этом ненастойчивом со – скалы – шёпote – просьба, почти молитва о слитости, о понимании. В ответ из его глубин – чувство, что он услышан. Таков глубокий и новый поворот всё той же темы, знакомой нам по «Киракос», «Ущелью», «Болеро».

Стремлением высказаться, «доказать» себя, утвердиться в словах и быть услышанными полны также герои рассказов «Я – моя мать», «Музыкальный звонок в доме старого интеллигента» и др. Однако, главному герою «Музыкального звонка...», одержимому жаждою слова, не суждено высказаться, хотя в его слове «должен быть крик новорождённого, таинство смерти деда, мудрость сострадания, муки от сознания своих ошибок и тревоги за своё будущее и прошлое». Люди столько раз прерывали готовое обрести крылья слово, что вдохновение героя иссякло и слово осталось мёртвой исповедью, невысказанным, немым. Бывает в жизни такое. – Никто не сочтёт, сколько на земле людей, не нашедших понимания, отклика, сокровенности... Писатель заставляет? Нет, просит нас войти пониманием в их судьбы.

Рождённые воображением А. Айвазяна герои – какой бы из циклов рассказов, или какую бы повесть мы ни взяли – в вечном поиске основ, истин. В поиске до конца, до последнего часа. Таков и преследуемый, терзаемый поиском мысли художник Маргаре из рассказа «Рыба в кувшине». Это один из сильнейших реалистических философских рассказов Айвазяна.

Мысль художника холодом пронзает мозг. Маргаре – сам по себе, мысль – сама по себе. Но она, живущая, ищущая мучает его. Маргаре отрекается от мысли, просит Всевышнего убить мысль, не в силах отыскать ни конца её, ни края. Он пытается понять безбрежность мысли, создать свою философию мышления, но тщетно. Так дуалистически дана подспудная работа мысли человечества, которая, незримо свершая круг исканий, определяет эволюцию бытия.

«Есть ли у неё причина, – размышляет о мысли Маргаре, – пожалуй, что нет. Но ей нужна причина для

того, чтобы прийти в действие и начать мало-помалу играть с телом и душой». Мысль является Маргаре в необозримой пространственности и «тысячелетнем течении».

Маргаре ищет бога, но где он – в мысли? В её причине? И Маргаре пробует молиться причине, как богу, обожествив её, как некогда Леонардо да Винчи философски обожествлял первопричину – «перво-двигатель» Вселенной – «*primo motore*».

Надо сказать, что это очень армянское качество – мучительный поиск смысла жизни с молитвами, обращёнными в глубину себя, с желанием бросить этот непрерывный поиск и неспособностью остановиться, сойти с внутреннего круга.

Не успокаивалась мысль. Маргаре открывались все её переливы, весь её ход. «И он смотрел внутренним оком на своих предков, которые сотворили, снарядили в дорогу и снабдили оттенками мысль и причину». Маргаре осознает – не будет покоя, он осуждён до последнего вздоха быть рабом мысли.

Потом пришёл Шераник. Кто такой Шераник? Послушник? Слуга? Добрый помощник? Для нас он просто человек, который принёс живую рыбу, не более, не менее. Имя его – из эпитафии к рассказу, а сам эпитаф взят из надписи на работе средневекового армянского миниатюриста Маргаре.

Тот ли, «исторический», Маргаре некогда мучился поиском причины, которая движет мыслью, или другой человек, не столь уж важно. Важен сам поиск и его исход для личности, которую «играет» в рассказе образ Маргаре.

Основные категории, которыми оперирует герой – Мысль и Причина. Если заглянуть через голову настоящего (где мучительно живёт следствие от причины) в будущее, там видится летящая из нашего прошлого стрела мысли и наконечник её образует цель. Познавший цель процесса, познаёт и его причину, и первопричину. Но к такому выводу не приводит автор мучимого холодом и страданием героя. Автор заставляет задуматься над трагичностью мысли, над болью поиска единства.

Шераник принёс усталому от исканий Маргаре рыбу и положил её на камень. Положил живое на мёртвое и ушёл, удалился во тьму истории, из которой сквозь туман забвения тусклым лучом светит его одинокое имя. После этого мы убеждаемся, что Маргаре – действительно художник: «Маргаре мысленно нарисовал рыбу и увидел, что рыба хочет двигаться». Мысленно нарисовать это не просто изобразить, а создать эйдетический образ в сознании, оживить в душе образ рыбы, сделать настолько живым, чтобы почувствовать его желание – двигаться...

На таком эйдетическом, образном видении «настояно» творчество А. Айвазяна.

«Рыба раза два встрепенулась на камне, потом притихла». Маргаре бросил рыбу в кувшин – подарил ей день жизни. Рыба подарила Маргаре... созерцание – тихое, углублённо-духовное наблюдение природы единства.

Не отрываясь, смотрел на рыбу художник, осмысляя жизнь живого существа. Рыба умерла через час после полночи, когда умер Маргаре. Мысль оказалась сильнее его слабого сердца. Она убила художника. Но, быть может, созерцание подарило Маргаре перед смертью покой и миг познания, а потом и растворение в природе этого столь простого и столь сложного мира...

Творчество Агаси Айвазяна национально «означено». Писатель, воспевший в философских рассказах тонкое духовное единство мира, теме национального единства, национальной теме посвятил ряд произведений малого жанра. Среди них – «Пешеход», «Старая тахта», «Подушка Алехсана», «Физиология рода», «Цена обыкновенного человека», «Негронк», «После».

Оригинально, неординарно выражена национальная идея в миниатюрном рассказе «Пешеход». Пешеход – это некий крестьянин, который в наши дни решил «обойти пешком всю Армению» и действительно, забыв все заботы, обошёл республику. Потом он «остановился где-то около Бжни, не то Ошакана» и уверенно заявил: «Сюда не ступала нога чужеземца». Собралось вокруг него несколько человек, которые стали, конечно, смеяться над пришельцем, не веря ему, убеждали, что здесь были персы и пр. Но утверждение крестьянина-путешественника оказалось морально выше их отрицания: «– Да не будь такого клочка, на который бы не ступала нога чужеземца, как бы уцелела страна?... Такой кусок должен был остаться, чтобы стать Арменней...».

И люди, не веря, поверили. Они прониклись правдой, заключённой в словах крестьянина, почувствовали: на этом ли, на другом куске земли, но осталось нечто незапятнанное, не тронутое – первозданное, несмотря ни на какие набеги и уничтожения.

Пешеход ушёл, но люди разошлись не сразу, остались посмотреть на кусок земли, указанный ушедшим, «...молча постояли, как перед памятником».

Каждый памятник, каждый монумент – это условность, условная веха, обозначающая память, память

в этом рассказе, апеллирующую к чистоте и возвышенности ощущения родной земли. Моральность национальной идеи – вот чему посвящён этот маленький рассказ-притча. Единство нации, к которому призывали во все эпохи лучшие умы Армении, неосознаваемо без памяти о трагических страницах летописей армянского народа. В рассказе «Старая тахта» звучит мотив вещи-свидетельницы, которая становится символом этнической памяти о времени, о котором Паруйр Севак писал:

*«Разбой-грабёж
И ятаган,
И обезглавливали нас,
И рвали на клочки армяны»...*
(перевод Гаральда Регистана)

Рассказ «Старая тахта», собственно, не о старой тахте, а о том, что в ней лежало. В тахте герой рассказа нашёл одежду своего отца, беженца-армянина, спасшегося от турецких сабель. Герой почувствовал эту одежду, ему почудилось, что «лохмотья тяжело вздыхают, словно стонут». И тогда его обуревают на первый взгляд странное, а вообще-то глубоко естественное желание: войти телом и душою в душу народа, надеть на себя ветхую оболочку, на которой запечатлелась боль памяти о геноциде.

Герой вышел в одежде беженца на улицу современного Еревана. Вид его вызвал смех. Но стоило ему крикнуть насмешникам: «– Эта одежда... из Эрзерума!», как те замерли, «как в почетном карауле». А ведь герой решился пройти сквозь смех, как сквозь строй, во имя памяти. Рассказ этот – о незабвенности, о верности прошлому народу. О мотиве вещи-свидетельницы надо ещё сказать, что он определяет также сюжет рассказа «Подушка Алехсана». В рассказе описан через призму детского восприятия уютный армянский дом, где масса подушек, и все они, эти подушки, сделаны по образцу одной, вывезенной из захваченного турками Карса. Идея проста: пока жива традиция, жив и народ.

Национальное единство армян А. Айвазяном понимается не националистически – за счёт других национальностей, в ущерб им, а как одно из полноправных, суверенных, давних национальных единств, закалённых в огне истории.

Это единство мыслится на фоне единства рода человеческого, на фоне единства рас и национальностей планеты. Такой поворот национальная тема обретает особенно в рассказах «Цена обыкновенного человека», «Негронк».

Есть среди действующих лиц рассказов Айвазяна особая разновидность – чудачки.

«Чудаков» писатель помещает в нестандартную ситуацию, поведению их придаёт странность. И только потом становится ясно, что чудачество это имеет особый подтекст, что оно морально мотивировано, что оно – особое, порой отражающее национальный характер, Чудаками, в таком понимании слова, можно назвать главных героев рассказов «Пешеход», «Старая тахта», «Горе-кирпич», «Шёпот», «Разговор двух сумасшедших на вершине горы» и др.

Этой чертой творчество А. Айвазяна особенно смыкается с современной армянской литературой. Например, у Рубена Овсепяна в рассказе «Наши деды» дед Вардан «решил достать длинную-предлинную проволоку, привязать один её конец к Алагязу, а другой – к Масису, закрыть глаза и ходить по ней туда и обратно...». Упал с проволоки, натянутой меж деревьев и разбился незадачливый дед. Чудак был озадачен мечтою о высоком и неосуществимом и нашёл смерть в мечте. Родятся новые поколения, для того, чтобы мечтать и гибнуть за свои мечты. Не прервётся род деда-чудака: «...все невестки у нас продолжают рожать сыновей» – такими словами заканчивает рассказ Овсепян. (Р. Овсепян, «Апрель», «Советакан грох», Ер., 1985, стр. 13).

Или совсем другой чудак, на сей раз из рассказа Абига Авакяна «Когда в жару смеются». У этого чука, напротив, нет мечты; он лишён самого ему дорогого – лишён корней и порослей: он одинок. О чём бы не говорили ему, он смеялся и никто не понимал этого смеха, а это был смех отчаяния, смех одиночества. Внезапно Барегам, так звали чука, героя рассказа, съёл всё, что имел, даже деньги, и с «вывернутыми наизнанку карманами» ушёл пустынной дорогой в неизвестность.

«– Вы, армяне, удивительный народ, чёрт возьми! Чтобы вас понять, нужно, наверное, десять тысяч лет прожить», – говорит вслед уходящему Барегаму голландский инженер Ив и потом тихо прибавляет: «Быть может, за это я вас и люблю...» (А. Авакян, «Последнее пристанище», «Советакан грох», Ер., 1984, стр. 178).

Людам импонирует сложность натуры. Чудачество людей сложных, душевно богатых, таких как Дон-Кихот – обаятельно. Не лишены этого обаяния сложности ни герои рассказов Р. Овсепяна, ни А. Авакяна, ни А. Айвазяна, герои разнохарактерные, разноликие, но принадлежащие к одной общности, к единой национальности, рождённые одной литературой.

«СЕТЧАТКА»

ВАДИМ САЛЕЕВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Критика – особенная способность человека к оцениванию окружающего его мира и своего внутреннего духовного состояния. Ибо утверждение чего-либо (как и отрицание) происходит только в процессе оценивания и не существует вне его. Именно оценивание, говоря философским языком, является атрибутивным субстанциональным свойством критики.

Разумеется, это свойство основывается на возможностях человеческого разума, является функциональным инструментом работы ума. Французская философская традиция, со времён Р. Декарта настаивающая на суверенности разума, связывает критическое отношение человека к миру с кристаллизацией мысли, с непротиворечивой связью в суждении двух понятий (субъекта и предиката познания).

Впрочем, само понятие «критика», возникшее в Древней Греции, всегда понималось как искусство суждения. Однако ядром этого интеллектуального усилия выступает опять-таки способность к оцениванию, возможность охватить человеческим сознанием картину мира с одновременным мыслительным оцениванием её.

Искусство суждения, возведенное в методологический принцип, стало основой философской доктрины критицизма, основоположником которой справедливо считается ярчайший представитель немецкой классической философии Иммануил Кант.

Критицизм И. Канта (или система трансцендентальной философии) наиболее мощно выражен в трёх творениях великого мыслителя, каждое из которых носило название «Критика...»: «Критика чистого разума» – философская (с агностическим акцентом) доктрина Канта; «Критика практического разума» – этическое учение И. Канта; «Критика способности суждения» – эстетическая доктрина И. Канта, одновременно являющаяся общей теорией искусства).

«Для Канта, – замечает один из первых исследователей творчества великого мыслителя, – существенной предпосылкой критики являлось именно... дело различения и разделения понятий, потому что критический метод означает прежде всего разделение существенного и второстепенного, не предстанет перед мыслителем совершенно чистым и уединённым от всего постороннего» [1, с. 100].

Критицизм как методология играет важную роль в исследовании культуры (и особенно искусства), поскольку он позволяет обнаружить присутствие человеческого понимания сущности духовного через субъективную интерпретацию и «состояния мира».

В этом космическом пространстве, пронизанном комплексом ценностно-оценочных связей и притяжений, в котором находится место и представлениям о закономерностях человеческого бытия, о векторах социального развития общества, о нравственных идеалах и эстетических вкусах, которые превалируют в общественном бытии на данном историческом этапе его развития, и, наконец, о состоянии художественной жизни общества, о реалиях развития искусства и актуальных проблемах его связи с реципиентом.

Осмыслением и оцениванием всех этих сложных явлений и призвана заниматься художественная критика, разумеется, исходя из природы искусства и основываясь на закономерностях его развития и его разнообразных связях с социумом (включая особую связь с реципиентом искусства). Но история развития художественной культуры наглядно показывает, что поле функциональных задач художественной

критики зачастую пересекается с полями других форм человеческой деятельности; в силу этого природа критики интерпретируется в различающейся вариативности.

В истории культуры зафиксированы три основных варианта трактовки сущностной природы художественной критики; все эти варианты интересны тем, что художественная критика идентифицируется с той или иной частью человеческой творческой деятельности (таким образом, ставится вопрос о суверенности художественной критики как своеобразного феномена культуры).

В решении интерпретации природы художественной критики в истории культуры отмечены несколько основных типологически вероятностных варианта:

1) Художественная критика идентифицируется с наукой, предстаёт в качестве её структурной части. Особенно этот процесс усилился с начала XIX в. Первоначально художественная критика отождествлялась с эстетической (к взаимоотношениям эстетики и критики мы ещё вернёмся), однако по мере становления искусствоведческой науки идентификация начинает осуществляться в системе «искусствоведение – критика», причём художественная критика представляет собой заключительную часть триады: история искусства – теория искусства – художественная критика». Так, А.С. Пушкин давал следующее определение этому специфическому роду человеческой деятельности: «Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы. Она основана на современном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и на детальном наблюдении современных замечательных явлений» [2, с. 159].

Аналогичным образом осмысливал природу художественной критики классик белорусской литературы М. Богданович, который задумывался над стремлением «найти метод научной критики, который выполнил бы определённое дело – оценку литературного произведения с точки зрения тем художника... В наше время по всей литературе заметно течение, которое основывает такую научную критику по наблюдению над художественными фактами... обладающими той же степенью достоверности, как и суждения науки» [3, с. 459].

Таким образом, не только люди науки, но и выдающиеся художники наибольшее совершенствование художественной критики видят в её сближении с наукой, в опоре на неё.

2) Художественная критика идентифицируется непосредственно с художественным творчеством и в таком качестве противопоставляется подразделениям науки (эстетике, теории и истории искусствознания). Так, выдающийся композитор И. Стравинский полагал, что «критика – искусство судить о произведениях литературы и искусства» [4, с. 212-213].

3) Художественная критика есть практическая реализация постулатов науки, главным образом эстетики («предмет критики – есть приложение теории к практике», – по известному определению В. Белинского). Критика выступает практической деятельностью, subordinируемой эстетике (теории искусства) как науке; критика являет собой инструментарий по добыванию для вышеупомянутых подразделений науки эмпирического материала, живых актуальных артефактов, которые в многообразии предоставляют текущий художественный процесс. «Теория есть систематическое и гармоническое единство, – утверждал великий критик, – законов изящного; но она имеет ту невыгоду, что заключается в известном моменте времени, движется вперёд, собирает для науки новые материалы, новые данные. Это есть движущаяся эстетика» [5, с. 1].

4) Художественная критика есть своеобразный раздел публицистики. Этот инвариант трактовки сущностной природы художественной критики возникает, по нашим наблюдениям, в последней трети XX в. и связан с увеличивающейся значимостью (во властных структурах и в общественном мнении) журналистики. Эта значимость ещё более увеличивается с наступлением компьютерной эпохи, когда набранное любым субъектом слово оказалось способным заполнить мир. Однако задолго до этого у некоторых теоретиков сформировалось убеждение о «научно-публицистической природе» художественной критики. Так, Ю. Суровцев в статье, которая открывала научный сборник, посвящённый литературной критике, утверждал, что «... именно публицистичность составляет существо критической работы, которая в этом плане предстает – *cum grano salis*, без упрощений и абсолютизаций! – своеобразной научно-аналитической публицистикой на материале литературно-художественных произведений. Идеологичность критики, ориентирующая систему её ценностных представлений, существует *de facto* именно публицистически» [6, с. 30].

Примерно к такому же выводу приходит известный критик В. Кожин. Единственное отличие от Ю. Суровцева состоит в том, что В. Кожин трактует публицистику как структуру, безусловно входящую в литературу, поэтому считает правомерным «определить критику как вид публицистики, как литературную публицистику», входящую в один ряд с публицистикой морально-этической, научной,

философской, педагогической, экономической, политической, правовой и т.д.» [7, с. 164]. И несмотря на то, что автор несколькими строками ниже противоречит себе, заявляя, что «критика сочетает в себе элементы научности и художественности» (а ведь художественная литература, несомненно, является искусством и «вторжение» науки в ареал искусства принципиально малопримлемо), тенденция отчетливо просматривается. Но если в конце 70-х гг. XX в. эта тенденция выдвигать публицистическое начало в критике на первый план во многом была детерминирована особой важностью для советского времени идеологических постулатов, то в XXI в. появляются другие аргументы. С начала XXI в. жизнедеятельность человечества осуществляется в рамках глобального коммуникационного (информационного в своей основе) общества. Разумеется, преимущественная роль в осуществлении массовой коммуникации принадлежит тем, кто добывает информацию, обрабатывает её, распределяет и использует в собственных целях. Речь идёт о современных СМИ, которые активно и агрессивно (по большей части) воздействуют на человека, оказывают огромное влияние на формирование его мировоззрения, его внутреннего мира, его восприятия действительности. Роль СМИ в современном обществе столь велика, что некоторые социологи склонны считать их воздействие определяющим фактором в формировании личности.

В эпоху «информации без берегов» журнализм, претендуя на роль «владельца душ», занимает ключевую позицию, формируя и направляя общественное мнение, а иногда и определяя характер тех или иных событий (достаточно сослаться на непрекращающуюся «сагу», организованную современными СМИ по поводу жизни звёзд «шоу-бизнеса», так сильно воздействующую на неокрепшие юношеские умы).

Журналистика являет собой специфический род человеческой деятельности. Разумеется, она, начиная с XIX в., развивается в различных направлениях, а ныне, в XXI в., переживает известную трансформацию. Так, доктор филологических наук Т.Д. Орлова приводит классическую классификацию распределения журналистского материала по журналам: «информационные, аналитические, художественно-публицистические» [8, с. 133].

Легко заметить, что критика искусства отнесена к художественно-публицистической сфере (что совпадает с уже приводившейся позицией литературоведа В. Кожина). Правда, в наши дни жанровые особенности журналистики существенным образом видоизменяются. Наличие интернета, развитие «блогерского» движения в наши дни ставит под вопрос и проблему профессионализма в журналистике, расширяя и без того огромное пространство массовой культуры. Разумеется, это напрямую касается и художественной критики, поскольку высказывания блогеров о фактах художественной жизни имеют тенденцию превращаться в «девятый вал», способный смести всё на своём пути.

Впрочем, под влиянием «духа времени» меняются и внутрижанровые рамки журналистики. Так, Т.Д. Орлова, определяя возможности театральной журналистики (автор является известным театральным критиком), представляет новую, с её точки зрения, трансформацию жанров: «...рецензия, фельетон, репортаж, эссе, авторская колонка, аналитическая статья, аннотация и просто “хроника театральной жизни”» [8, с. 140].

Из этого перечня к театральной критике относится практически только рецензия (аналитическая статья является прерогативой эстетиков и театроведов, а в эссе содержится слишком много экспрессивности и эмоциональности и почти отсутствует оценочная структура – специфическая особенность художественной, в данном случае театральной, критики). Художественная критика – это, прежде всего, оценочная деятельность, хотя моменты литературного творчества, содержащиеся в ней, игнорировать нельзя. Как и непродуктивно, на наш взгляд, трактовать публицистику, в которой, конечно же, превалирует журналистский субстрат (некоторые теоретики напрямую связывают её с литературой и литературоведением), как сферу непосредственно включающую в себя художественную критику. Известный советский эстетик и искусствовед А.Я. Зись в связи с этим резонно замечал: «Форма бытования критики, взятая за основу определения природы критики, ведёт к тому, что уходит на второй план вопрос о социально-исторических предпосылках возникновения критики. Но если тезис “критика – род публицистики” рассматривать не с этой внешней точки зрения, а в более широком социальном аспекте... ограничение её одними этими рамками выстраивается на методологически недостаточно выверенных посылах. Разумеется, этими замечаниями отнюдь не снимается вопрос о публицистичности критики» [10, с. 15-16].

Исследователь очень верно заостряет проблему о верности верификации исходных методологических посылок в отношении природы художественной критики, потому что акцент на инструментальном понимании её сущности (а литературная «обработка» сущностного проявления художественной критики и является именно таким результатом в реальном «действовании» критики) снимает основополагающую проблему в самом подходе к исследованию природы художественной критики.

Речь идёт о функциях художественной критики, об их дихотомичной направленности. Функциональная природа художественной критики была великолепно осознана великим критиком В.Г. Белинским. Его идея – «предмет критики есть приложение теории к практике» – интенционально ориентирована на два потока (в идеале они должны соприкасаться и дополнять друг друга). Эта функциональная направленность, как уже приходилось отмечать, практически реализуется:

«– в развитии художественных вкусов публики (в современном изложении – массового реципиента искусства);

– в развитии самого искусства (в том числе отдельных его видов)» [10, с. 459].

По мнению белорусского театрального критика Т. Горобченко, второе направление в осуществлении функциональной предназначенности художественной критики всё-таки перевешивает: «Театральная критика входит в театроведение и одновременно является самостоятельной областью литературного творчества, цель которой – художественно-образно отражать современную театральную жизнь... Критика ... присущими ей методами не только осмысливает театральный процесс, а, по мысли оптимистов, и активно на него влияет. Состояние театральной критики напрямую связано с состоянием сценического искусства» [11, с. 70-71].

Иной акцент в понимании функций художественной критики делает известный московский искусствовед А.Н. Варганов: «Когда критика заняла важное место в духовной жизни общества, её задачами стали, прежде всего, вопросы формирования художественных вкусов, то теперь, более чем когда-либо прежде, критика кроме названных функций выполняет ещё одну – информационную, просветительскую» [12, с. 306]. Конечно, как признаёт сам автор, «художественная критика всегда несла в себе некую информацию», т.е. служила целям эстетического и художественного просвещения. С нашей точки зрения, речь идёт не об абстрактно представленной информации, последняя и должна служить непосредственным материалом для приобщения реципиента к искусству, постижению закономерностей его развития, воспитания, художественного вкуса и формирования высококачественной художественной оценки.

Проблема формирования высококачественной художественной оценки актуальна и для функционирования самой художественной критики. Художественная критика являет собой, прежде всего, литературно-оценочную деятельность особого рода. Анализ художественного произведения (здесь и сейчас!) и его оценка составляют атрибутивные признаки художественной критики как специфического феномена культуры.

Проблема оценивания (в том числе и собственно художественных творений) вовсе не так проста, как представляется на первый взгляд. «Большинство критических статей, – писал ещё в 1972 г. выдающийся эстетик России К.М. Долгов, – в журналах, газетах, отдельных изданиях сводится к пересказу содержания произведений искусства, к плоскому эмпиризму, субъективным оценкам. Оценки произведений часто не мотивируются теоретически, выражают лишь субъективное мнение критика» [13, с. 33]. С тех пор положение мало в чем изменилось; можно сказать, ухудшилось с возникновением интернета, поскольку массовая интервенция блогеров, жаждущих высказаться по проблемам искусства, отодвигает на второй план действия официальных (и неофициальных) СМИ. Таким образом, оценки тех или иных художественных явлений оказываются некачественными, предельно размытыми, неточными и неверными.

Разумеется, каждый человек имеет право высказать своё мнение об искусстве, но проблема «авторитарных носителей художественной оценки» (эстетическая терминология), которая обеспечивается теоретическим уровнем искусствоведения и высокой по своей методологической вооружённости и литературно-творческому исполнению художественной критикой, в последнее время становится архиактуальной.

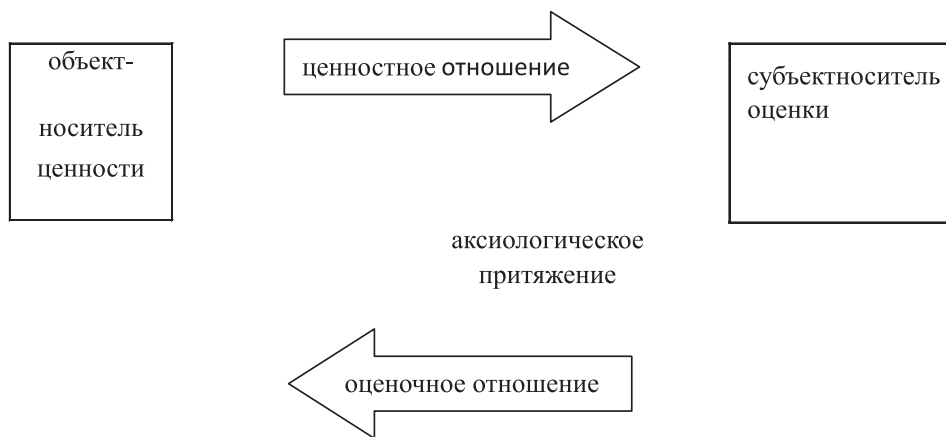
Между тем, если рассматривать эту проблему в её содержательном измерении, то на первый план выходит качество оценивания. Именно оно, а не субъективное самовыражение критика, определяет уровень художественно-критической деятельности. Именно таким образом художественная критика определяет и утверждает (иногда – отвергает) художественные ценности, которые несёт в себе произведение искусства, соизмеряет эти ценности с течением всего художественного процесса, формирует на их основе художественный вкус массового реципиента искусства.

В основе художественной критики, если иметь в виду её функциональное выражение, лежит анализ художественного произведения и на их основе – оценка его, выступающая в качестве конечного звена художественно-творческой деятельности.

Художественная критика, с философской точки зрения, актуализирует и функционально строится на оценочном отношении, специфику которого нам удалось показать в обосновании доктрины неоаксиологии (философское учение о соотношении ценностного и оценочного начал). В русле этой

новейшей философской доктрины ценностно-оценочные связи (которые пронизывают все стороны жизнедеятельности людей) рассматриваются внутри аксиологического поля. Полюса последнего обусловлены аксиологическим наполнением двух основополагающих структур – объектной структурой, которая выступает в качестве носителя ценности, и оценкой, вернее субъектом (человеком) – носителем оценки. В философском плане аксиологическое отношение представляет собой классическое измерение: объект-субъектные связи приобретают не только новую (объёмную) значимость, но и демонстрируют не всегда укладывающуюся в классическую схему трансформацию динамики этих связей, гибкость их проявления. Здесь многое зависит от конкретного доминирования одного из двух обозначенных начал в «схваченный» данный момент их взаимоотношений, в большинстве случаев определяемых «аксиологическим притяжением», которое обуславливает доминирование одного из полюсов аксиологического отношения. Именно в реалиях функционирования аксиологического поля не последнюю роль играет это самое «аксиологическое притяжение», которое в каждом конкретном случае определяет доминантную роль либо объектно-ценностного, либо субъектнооценивающего начал. Таким образом, при гипотетическом равенстве объектного и субъектного начал (вспомним постулат К. Маркса, который советовал не нарушать в процессе исследования «ни право объекта, ни право субъекта») в реальности за счёт упомянутого «притяжения» того или иного начал мы отмечаем превалирование ценностного или оценочного отношений.

Если представить описываемую неаксиологическую ситуацию схематично, схема будет выглядеть так:

[14, с. 268]

Полнота человеческого бытия и полнота человеческого самовыражения (и особенно в эстетико-художественной сфере), с нашей точки зрения, не может быть осуществима только на основе жёстко детерминированного ценностного отношения. Это положение особенно относится к художественной критике. Если она в философском ключе будет строить свои функциональные задачи и среди них основополагающей станет оценка творений искусства просто как фиксация отклика на имеющиеся в последних художественную ценность, то эффект от такого подхода окажется и минимальным, и малоэффективным. При таком подходе связь с реципиентом искусства оказывается тоже минимальной (поскольку его эстетические потребности и художественные интересы вовсе не учитываются), а собственное самовыражение художественной критики (роднящее её с непосредственным художественным творчеством) практически сводится к нулю. Между тем, именно такая позиция была характерна для советской эстетики конца 70-х – начала 80-х годов XX в.

Так, в достаточно содержательной книге Ю. Борева «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения “Медного всадника”» автор представляет оригинальную концепцию целостного анализа выдающегося творения А.С. Пушкина. Однако оценочная установка у него ориентирована на ценностные структуры, выявленные в художественном произведении. Показательно, что автор предлагает «4 шага ценностного анализа (1. ценностная установка; 2. рассмотрение ценности эстетических отношений к действительности; 3. выявление ценности внутренней организации произведения; 4. раскрытие ценности художественной концепции)», которые, по его мысли, «находятся в прямом соответствии с четырьмя шагами интерпретационного анализа произведения (1. мировоззренческая установка; 2. семантика внешних связей; 3. семантика внутренних связей; 4. смысл художественной концепции)» [15, с. 109].

Вся эта ёмкая система по установлению и интерпретации ценностей художественного произведения, естественно, заканчивается утверждением, что «ценностное суждение о произведении – “надстройка”

над этими процедурами, результат высших торговых интерпретационно-оценочных суждений» [там же, с. 109]. Однако, с нашей точки зрения, постулируемая методология присуща скорее литературоведению (искусствоведению). В пользу этого говорит и отмеченная ориентация на ценностное отношение и отведение критике роли интерпретатора и организатора отклика на ценностное суждение. К тому же игнорируется такая характерная черта художественной критики, как её непосредственная соотнесённость с искусством (как правило, с новым, возникающим здесь и сейчас и не получившим ещё общественной оценки, с неопределившимся местом в художественной культуре). К тому же интерпретация художественных произведений существенно различается в сферах искусствоведения и художественной критики.

«“Толковательная” функция критики развилась, – замечает Т. Щукина, – как отражение объективной необходимости помочь в первую очередь зрителю. Выявляя скрытые в произведении оценки действительности, критик способствует более глубокому постижению произведения и облегчает ориентацию зрителей в сфере социальных и художественных ценностей. Таким образом, оценочность критического суждения обусловлена не только природой критики, но и природой искусства» [16, с. 119].

Однако кроме тонкостей ценного и оценочного отношений, теоретики художественно-критической деятельности (эстетики и искусствоведы) в отечественной гуманитарной науке конца XX в. не слишком различали и специфику эстетического и художественного отношений.

В книге Ю.Б. Борева и в монографии Т.С. Щукиной речь в отношении произведений искусства речь идёт об эстетической ценности и эстетическом же процессе оценивания. Впрочем, различение эстетического и художественного и ныне представляет трудность для отечественных исследователей.

Так, один из ведущих российских эстетиков В. Бычков утверждает, что «художественное (художественность) – это то же самое эстетическое, только в ситуации, когда в качестве эстетического объекта фигурирует произведение искусства» [17, с. 83].

Это, разумеется, не так. Верно, что в интегральной художественной ценности ведущую и определяющую роль играет эстетическое, но кроме него эту самую ценность составляют и познавательные, и социальные, и нравственные структуры, воплощённые в системе художественных образов по законам искусства (включая видовые и жанровые).

Художественное отношение принципиально по-иному смотрится и с точки зрения неоаксиологии. С одной стороны, оно больше тяготеет к оценочному началу, поскольку творчество по созданию художественных образов (как и по их восприятию!) строится на основе эстетикохудожественного потенциала субъекта. В нём отчётливо проявляются чувственные компоненты, основными критериями здесь выступают потребности (прежде всего эстетические и художественные) субъекта, его мотивация и интересы, шкала отношения в его сознании ценностей и его личностного процесса оценивания.

С другой стороны, всё «аксиологическое поле художественного выстраивается (на основе полифункциональной структуры художественной ценности), на доминантной основе оценочного отношения» [18, с. 55]. К этому следует добавить, что художественное находится в круге постоянного общественного интереса, многообразных общественных отношений; сфера художественных предпочтений, пристрастий и интенций разнообразна и многообъёмна, и она, как правило, оформляется, в конечном итоге, в виде оценочных суждений.

Всё сказанное представляет собой основополагающую научную основу, обуславливающую деятельность художественной критики, поскольку оценочные суждения являются её атрибутивным признаком, они же являются завершающим этапом, конечным актом творчества человека в сфере художественной культуры.

Из этой общей методологии вытекают и конкретные критерии, которыми руководствуются люди в оценке художественных явлений. Ещё в конце XX в. выдающаяся польская исследовательница М. Голашевская отмечала, что знатоки искусства (она их определяет как «любителей») проводят сходную с критиками работу, их понимание искусства сходно с аналогичным в сфере художественной критики. Так, знаток искусства, который получает в типологии польского эстетика наименование «потребитель критический», характеризуется тем, что его контакты с искусством часты, доминирует критическое отношение к нему. Он склонен к формулам при оценке. Знания глубоки, почти как у критика. Любитель же искусства (высокий уровень в типологии) характеризуется высшим уровнем художественных потребностей, «...большая впечатлительность, сформирована она большими художественными контактами, искусство занимает большое место в жизни этого потребителя, который обладает независимостью суждений об искусстве» [19, с. 70-72].

Здесь речь идёт о сопоставимости субъективных возможностей реципиента искусства и критика (они и в самом деле в отдельных случаях могут равняться); объективные же – уровень знания о художественном, методологической подготовки, системности подхода – как правило, различаются. Особенно наглядно это видно на примере критериальности, из которой исходят носители суждений и художественной оценки.

В более ранней работе нам уже приходилось останавливаться на анализе классических моделей критериальности в искусстве и художественной критике. Были постулированы 4 основополагающих критерия: «1. социальный критерий и его модификации; 2. критерий духовно-нравственный; 3. критерий философско-универсальный, опирающийся на органичное соотношение содержания и формы; 4. критерий эстетический» [20, с.19].

Перечень этих объективных критериев искусства заканчивался необходимостью введения интегрального художественного критерия, в котором нашли бы воплощение все указанные выше критерии (с акцентом на эстетический) и с учётом трансформационных изменений в современном искусстве (включая приемлемые для восприятия и оценки художественнообразные артефакты, поставляемые современным постмодернистским искусством).

Все вышеупомянутые постулаты относятся к объектной стороне деятельности художественной критики, стороне, поддерживаемой всем могучим потенциалом, который накоплен современной гуманитарной наукой. Но субъектная сторона действия художественной критики не разработана до сих пор. Кроме вскользь брошенных замечаний (обычно высоких художников) о необходимости наличия у критика художественнокритического дара, поскольку критика, как утверждал О. Уайльд, тоже «является творчеством в самом высоком значении слова». Да и на самом деле критик обязан, кроме знаний, обладать такими весьма важными качествами, как высокая степень эстетического переживания (сопереживания) и тонким художественным вкусом. Именно эти качества, на наш взгляд, включая и широту художественного видения, равно как и конструктивное отношение к созданному художником (противоположность ангажированности, нередко бытующей в критической сфере) составляют дар критика, обозначают его как творца в системе художественной культуры. Только в сочетании объектных и субъектных компонентов выступает во всём своём величии художественная критика как особый и особенный феномен социокультурного бытия человечества. Эта специфическая область человеческого творчества может пониматься в качестве автономной интегральной системы предметнодуховной деятельности, в которой сливается в единое целое восприятие, переживание, интерпретация и оценка образов и ценностей художественных творений и «сверхзадачей» которой остаётся совершенствование человека и искусства. Это деятельность по концентрации духовности и передачи её людям в океане культуры. И замены ей – нет...

Литература:

1. Кроненберг, М. Философия Канта и её значение в истории развития мысли / М. Кроненберг. – Калининград, 2005.
2. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т.7. / А.С. Пушкин. – М., 1958.
3. Багдановіч, М. Збор твораў у 2-х тамах. Т. 2. / М. Багдановіч. – Мн.: «Навука і тэхніка», 1968.
4. Цит. по: Боров, Ю. О роли критики в литературном процессе / Ю Боров // Современная литературная критика. Вопросы теории и методологии. – М.: «Наука», 1977.
5. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Т. 2. – В.Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.
6. Суровцев, Ю. О научно-публицистической природе критики / Ю. Суровцев // Современная литературная критика. Вопросы теории и методологии. – М.: «Наука», 1977.
7. Кожин, В. Критика как компонент литературы // Современная литературная критика. Вопросы теории и методологии. – М.: «Наука», 1977.
8. Орлова, Т. Театральная критика нового времени / Т. Орлова. – Мн.: «Літаратура і мастацтва», 2010.
9. Зис, А. Художественная критика и искусствознание / А. Зис // Методологические проблемы художественной критики. – М.: «Искусство», 1987.
10. Салеев, В. Художественная критика в эпоху XXI в. // СМИ и современная культура: сб. научных трудов. – Мн.: Изд. БГУ, 2012.
11. Гаробчанка, Т. Беларуская тэатральная крытыка: пошукі ісціны / Т. Гаробчанка, // Беларускае сучаснае мастацтвазнаўства і крытыка: праблемы адаптацыі да новых рэальнасцей. – Мн., 1998.
12. Варганов, А.Н. Критика и средства массовой коммуникации: к вопросу об информационно-познавательном аспекте художественной критики / А. Варганов. – М.: «Искусство», 1987.
13. Долгов, К.М. Эстетика и художественная критика / К.М. Долгов. – М.: «Знание», 1972.
14. Салеев, В.А. Становление философской доктрины / В.А. Салеев // *Inveniens quaero, Ieskoti, rasti, nenurimti – Vilnae.* – Vilnius, MMXI, 2011.

15. Боров, Ю.Б. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника» / Ю. Б. Боров. – М.: «Сов. писатель», 1981.
16. Щукина, Т.С. Теоретические проблемы художественной критики / Т.С. Щукина. – М.: Мысль, 1979.
17. Бычков В.В. Эстетика : учебник / В.В. Бычков. – М.: КНОРУС, 2012.
18. Салеев, В.А. Эстетика и теория искусства в неоксипологическом измерении / В.А. Салеев // Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства: IV Овсянниковская Междунар. эстет. конф.: сб. науч. докладов. – М.: МГУ, 2010.
19. Golaszewska, M. Odbiorca sztuki jako krytyk / M. Golaszewska. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1967.
20. Салеев, В.А. Критериальность в художественной критике / В.А. Салеев // На шляху да сталасці: стан і перспектывы развіцця беларускай мастацкай крытыкі / пад рэд. Р.Б. Смольскага. – Мн., 2001.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

ЯБЛОНЯ В ЦВЕТУ

(Юлия Белохвостова, Яблоко от яблони. С-Пб, Алетейя, 2018)

У Юлии Белохвостовой есть особенная чувствительность и чуткость души. Когда «даже сны, и те – на цыпочках приходят в темноте...». Её зрение выхватывает из окружающего мира самое ценное и притягательное. А метафорическое мышление переплавляет всё в поэтические строки. Например, «по дну подлодкой идёт судак». Или так: «Память – распатанный мост». Поэзия Юлии Белохвостовой – позитивна по своей сути. Поэт черпает вдохновение из хорошего, солнечного и сбывшегося.

*Согнулись ветки под плодами,
Не в силах с ношей совладать,
А в доме пахло пирогами,
А в сердце – стала благодать.*

Счастливая, «природная» душа! Она не обременена тем, о чем впоследствии можно пожалеть. «Душа восходит сама к себе, белых ступеней каменных не касаясь». Герония Белохвостовой видит женское и человеческое счастье в «парности», амбивалентности, удвоенности бытия:

*В этом море-окияне
что ни лодка, то ковчег.
Кто тут будет окаянной,
чем непарный человек?*

*...Птица к птице, рыба к рыбе,
на двоих одна блесна,
что с того, что вместе – гибель,
на миру и смерть красна!*

Иногда у Юлии возникают удивительно смелые образы – неожиданные, парадоксальные, даже порой – сюрреалистические:

*...а из головы выпадают семечки,
чёрные и гладкие, как слова.*

*...никуда не денется ковш,
из которого снег на землю сылет медведица.*

Со стихами Юлии Белохвостовой читателю хорошо. Они не затащат тебя в тёмную подворотню страхов, ужасов подсознания, войны полов. Солнечный свет проникает везде и всюду в лирике Юлии. Даже ночь у неё – «жасминового цвета». Стихи у Юлии – «авторские», узнаваемые по почерку. Но где-то

в глубине, вторым пластом, возникает напевная народность, хороводы – одним словом, традиция, купающаяся в поэзии. Голос города в поэзии Белохвостовой почти не слышен. Река, плодоносящие деревья, языческие обряды, рыбы, проплывающие в глубине реки, птицы, поющие в райских куцах – всё это, скорее, деревенский пейзаж, в который вписаны герои стихотворений и даже мифологические персонажи.

Книга «Яблоко от яблони» тем и хороша, что нет-нет, да и возникнет в ней новая для этого автора тема. Неожиданная, «внеконтекстная». Например, тема войны в стихотворении «Не пускай», которая переживается по-женски пацифистично, исходя из того, что на ней гибнут родные мужчины:

*Вдоль забора чахнет дикий виноград,
стало поле синим от цветов люпина.
Сгинул где-то в поле и отец, и брат,
не пускай за ними, мать, меньшого сына.*

Или далее, в следующем стихотворении:

*Я охраняю сад от тех гостей,
активных и равнодушных граждан,
за чьи слова и лозунги однажды
отправят воевать моих детей.*

У меня сложилось впечатление, что стихи Юлиа пишут легко, стихийно, «в один присест»:

*У самого синего, у самого чёрного,
у серого, бурого, вскипячённого,
покрытого пенкой молочной, белой
(уже сбегало, пока китело,
уже остыло – не дуй, не бойся),
у моря просоленная насквозь я,
до контурных карт, проступивших на теле,
до запаха йода и солнца в постели,
у самого синего чёрного моря
слова вылавливая в разговоре,
вскрывая панцирь намёков с хрустом
(о чём угодно, но не о грустном,
и не о прошлом, и не о ближнем),
считать до трёх – и остаться лишним,
но продолжать, как ни в чём не бывало,
волны считать до девятого вала.*

Стихи написаны словно бы на одном выдохе. Это, в сущности, одно длежащее предложение. Синтаксис – выдерживает! А по поводу «одного присеста» – это, конечно, шутка. Поэту, нервно шагающему по комнате и пыгающемуся вслушаться в свои строки, конечно, не сидится на одном месте.

Есть в книге Юлии Белохвостовой и Москва: Павелецкий вокзал, Неглинная, Садовое кольцо... Но у меня складывается ощущение, что поэзия деревни автору ближе, чем поэзия города. Малые города у нас практически не отличаются от деревень. Вот, например, запоминающаяся картинка деревенской жизни:

*Темнеет рано, холодно, в посёлке
За неуплату отключают свет.*

Юлия – человек большого сердца. Читая книгу «Яблоко от яблони», я обнаружил эшиграфом к одному из стихотворений строки ушедшей от нас писательницы Екатерины Бушмариновой. Юлия помогла составить подборку Бушмариновой для журнала «Плавающий мост», очень содействовала этой публикации и потом – участию Кати в презентации свежего номера журнала. И это стало последним её выступлением – буквально через месяц она ушла, умерла, а стихи остались.

Русская поэзия замечательна своей разножанровостью. Стихотворец не привязан к холсту или киноплёнке. Даже сквозь гущу слов понимаешь: Юлия Белохвостова – пейзажист по своей сути. Лирический пейзажист. Очень значительным в творчестве Белохвостовой видится мне Угличский цикл. Драма убиенного царевича переживается поэтом как личная утрата. К «историческим» я бы отнёс и стихи о пушкинской дуэли. Стихи о «не своём» звучат у Белохвостовой как-то по-другому. Вроде бы всё, как обычно, в стилистике – но не покидает ощущение «другого голоса». Очень редкое для поэта умение. Вообще, в книге «Яблоко от яблони» много авторских удач. Прекрасны «Бумажные кораблики». Впечатляет «мраморное» стихотворение о великом поэте, воспевшем белые паруса. Пронзителен «Високосный год». Хорошего и разного у Белохвостовой так много, что и не уделаешь всему должного внимания. Пора закружиться. В заключение, хотелось бы сказать вот о чём. Жизнерадостной и позитивной Юлии Белохвостовой не следует, на мой взгляд, бояться трагических тем в своём творчестве. Она очень тонко чувствует трагиду. Как ажурный Шопен, написавший и «Траурный марш». Как весёлый, легкомысленный и беззаботный Моцарт, создавший под конец жизни ещё и «Реквием».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

(Эльдар Ахадов, *Добрые люди*. М., Издательские решения, 2018)

Своей новой книгой Эльдар Ахадов, как мне кажется, несколько расширяет семантику слова «добро». Это не «то, что противостоит злу» – с кулаками или без. Герои книги – не «добренькие» люди, вроде святого Франциска Ассизского. «Добрые люди» Ахадова – это, прежде всего, те, кто творит душевное, духовное и человеческое благо для других людей. И мне кажется уместным процитировать здесь вот эти строки:

Есть одна от смерти панацея.

Это – жизнь, что отдана другим.

Все герои книги Ахадова состоялись по-разному. И, на мой взгляд, именно вариативность понятия «добра», многополярность представляющих добро людей – одно из основных достоинств этой книги. Все герои словно бы составляют коллективный портрет России. Это та Россия, которую хотелось бы видеть не только автору книги, но и её читателям. «Русскими» по духу оказываются в книге и норвежцы, и азербайджанцы, и представители других национальностей. Культурный пласт настоящего в разных родах человеческой деятельности. Если у Даниила Андреева в «Розе Мира» это «Небесная Россия», то у Эльдара Ахадова – вполне земные люди, но каждый из них – со своим небом в сердце.

Рассказы и эссе, составившие книгу, были написаны в разное время. У Эльдара есть заразительная способность объединять в разное время написанные произведения новой идеей. То, как он размещает свои рассказы, как их преподносит – тоже своего рода «литературоведение». Выясняется, что каждый рассказ – часть чего-то большего. Это видно из концепции новой книги. Эльдар переосмысливает значимость людей для страны. К примеру, Толстосумы, Роман Абрамович или Владимир Потанин в список положительно прекрасных людей не попали. Они – не цвет нации!

«Люди добрые!» – так в России зовут на помощь. «Добрые люди» Эльдара Ахадова – это духовная помощь отечеству и подрастающему поколению. Книга современна и тем, что написана «блогерски» – небольшими новеллами. Можно читать и с середины, и с конца, по отдельности. Но все главы объединены общей идеей. Оставить свой след на земле – так бы я обозначил эту идею, этот путь человека. Это высокая мозаичность. Время словно бы исчезает, и прокладывается мостик из прошлого в будущее. Всё – является настоящим, всё существует и сосуществует одновременно. Это метафизика высокого полёта. Настоящее всегда поэтично; его не определишь просто как «служение». Эльдар Ахадов избегает лобовых решений. Вы попадаете в галерею личностей. Здесь и простые люди, и руководители, и люди художественного творчества. И возникает непреходящее ощущение, что это не просто «люди одной группы крови». Это что-то неизмеримо большее. В этом пантеоне личностей каждый чем-то дополняет другого, каждый хорош в своей нише. На своём особом месте – писатель Виктор Астафьев, врач-акушер Лапшин, бульдозерист Борцов и вездеходчик Денис, актриса Ирина Апексимова и художник Валерий Пилипчук, губернатор Кобылкин и этнограф Липатова... Что касается людей широко известных, поэтов, они тоже показаны с неожиданной стороны. Чаще всего это их пребывание в Азербайджане и Персии. Эльдар Ахадов родился и вырос в Баку. Поэтому он увлечённо ищет следы великих людей на своей

малой, но такой большой родине. Иногда даже самому человеку не ведомо, что он выполняет на земле важную миссию – он просто живёт, как умеет, так, как подсказывает ему сердце. И выясняется вот что. Перечень людей, с которых можно брать пример в жизни, автор начинает с мамы и бабушки. То есть уже в раннем возрасте будущему писателю были даны начальные нравственные ориентиры. И позже он искал и находил эти качества в других людях!

«Добрых людей» Ахадова отличает непафосность. Автор просто рассказывает нам о том, **как** должно быть, **кто** – истинные герои нашего времени. Когда таких людей много, возникает объём бытия. Героев Ахадова отличает «нестандартная» доброта. Вот, например, Крайний Север. И живут там добрые люди, особенные. Забудешь в гостях кошелёк, неделю будешь отсутствовать – никто к нему не притронется. Конечно, в рассказах Ахадова всегда много личного, автобиографичного. Например, однажды мы были вместе в писательской поездке по Азербайджану, и Эльдар рассказывал мне реальные случаи из своей жизни. А потом – открываю его новую книгу «Добрые люди». И глазам своим не верю – случай, который запомнился мне по устному рассказу писателя, фигурирует в рассказе «Борцов». Читая рассказы Ахадова, кажется, что это так же правдиво и эмоционально, как в «Повести о настоящем человеке». Помните такую повесть о лётчике Маресьеве? Но писатель добавляет ещё и ещё – своих особых, «ахадовских» эмоций. Творчество – особый вид благодарности людям. Доброта, согласно Эльдару Ахадову, присуща людям сильным и настоящим.

Что мне импонирует в этой книге – она не линейная. Существует много загадок, почему тот или иной персонаж попал в категорию «добрых людей». Очевидно, взгляд автора этой книги во многом приближается ко взгляду на людей булгаковского Иешуа. Вы помните, тот считал добрыми людьми абсолютно всех! Ахадов, безусловно, выделяет не каждого. В то же время, спектр его взгляда необычайно широк. Доброта – это какое-то особое качество, выделяющее человека из себе подобных. Конечно, важно ещё и то, что герои Ахадова в процессе общения поворачивались к нему солнечной стороной своей души. Поэтому, может быть, они и стали героями рассказов писателя. Добрые люди Ахадова – это люди высшей справедливости. Это люди-деятели.

Добрые люди – это сама жизнь, пришедшая к нам по велению души Эльдара Ахадова. Она является к нам, когда мы об этом читаем, и не исчезает, когда мы кладем книгу на стол. Пожалуй, главное свойство писателя Ахадова – непреходящий интерес к людям. «Людей неинтересных в мире нет», – так об этом сказал Евгений Евтушенко. Мир Ахадова объединяет людей знаменитых и малоизвестных. Они оказываются рядом по каким-то особым качествам. Вот так и надо жить – словно бы говорит нам писатель. Жизнь замечательных людей, согласно Ахадову – это жизнь добрых людей. И я поражаюсь широте этимологии этого слова. «Будь добр, сделай то-то и то-то», – говорим мы.

Добрые, по Ахадову, это ещё и надёжные. Потому что человек ненадёжный может легко сотворить зло, иногда даже не действием, а бездействием. Книга Эльдара создаёт некий вектор, «лакмусовую бумажку» настоящести. Писатель всё время находится в гуще жизни и черпает оттуда всё новые сюжеты. А главное богатство жизни – это, конечно же, люди.

ИНСАЙДАУТ СОФИСТА СОКРАТА

(Константин Кедров-Челищев, В середине радуги. М., Издательство РСП, 2017)

К юбилею Константина Кедрова было издано сразу несколько его книг. Наконец-то опубликована его драма «Посвящение Сократа» (книга «В середине радуги»). Константин Кедров – виртуоз языка, который умеет жертвовать мастерством во имя свободы творчества. И драматургия – естественное состояние (самостояние) поэта. Его вешалка начинается с театра, поскольку родители Кедрова были актёрами. Пьеса «Посвящение Сократа» замечательна тем, что носила... заказной характер. Театр на Таганке заказал мастеру пьесу к юбилею Сократа. А театр, в свою очередь, к этому начинанию подвигли греки (уже не древние), предложив гастроли и участие в театральном фестивале. История постановки Кедровского Сократа аукнется с «Театральным романом» Булгакова, а история жизни и смерти Сократа с житием Иисуса Христа. Не случайно Сократа называют языческим Христом. Без трагического финала жизни великий Сократ остался бы в метаистории обыкновенным Протагором. Гибель философа придаёт его жизни иное измерение.

Сократ жил в переломный момент истории, когда софистика не оправдала надежд древнегреческого народа. Был донос на Сократа, причём стукачом оказался поэт Мелет. Мы видим, что поэт в Греции меньше, чем поэт. Кедров в пьесе «Посвящение Сократа» даёт нам удивительный образец полистилистики.

Пьеса, с одной стороны, очень серьёзна. В то же время, она – насквозь пародийна. Например, откровенно пародийно посвящение Сократа в Дельфах. Пародийны все философы. Казалось бы, они говорят то, что и должны говорить. Но, наверное, не в таких обстоятельствах. «Досталось» от Кедрова даже самому Гомеру. Стихи, которые звучат в пьесе, написаны автором, в основном, в традиционной силлабо-тонике. И это достаточно неожиданно для метаметафориста Кедрова, которого мы знаем.

У великого Сократа, как и у Христа, тоже были ученики, которые за ним записывали. «Как же иного нагнал на меня этот юноша!» – возмущался философ диалогами Платона. Но это была, конечно, не ложь. Это было иное, алогичное, мистическое видение мира. «Лучше ли изгнание смерти в 70 лет?» – возникает вопрос у читателей пьесы Кедрова о Сократе. Я думаю, что великий философ решал для себя эту проблему в других категориях. «Забвение или смерть? Забвение хуже!».

Сократ, отражаясь в воде, видит не себя, а Платона или Аристотеля. Это метафора. От самого Сократа практически ничего не осталось. Так, две-три фразы. Всё, что мы о нём знаем, мы знаем со слов Платона, в большей степени, и Аристотеля. Пьеса Кедрова напоминает сюиту. Сократ переживает инсайдаут. Он видит себя в отражениях Платона и Аристотеля и решает, что уже умер. Потом выясняется, что это не так, и он начинает видеть в зеркале воды своё собственное лицо. Женщина-спутница Сократа всё время «фраздаивается». То это грубая Ксантиппа, то молодая и очаровательная Аспазия. Красота ускользает и неожиданно замещается безобразием. Та, обернувшись, превращается в эту, и наоборот. Красоту мира нужно ловить, словно бабочку, на лету! Это тоже своего рода инсайдаут, изнанка как лицевая сторона. Так и достигается философская глубина: бытие набирает больший объём. Пьеса Кедрова очень хороша. Спасибо грекам, что попросили его написать для них эту мистерию. Русский поэт продемонстрировал, что знает в этом толк! Когда совершается мистерия, даже смерть, побеждённая театром, уходит. Кедров соединяет посвящение Сократа в Дельфах и его смерть. Смерть ведь – это тоже своего рода посвящение – в новую жизнь. Сократ сократил свою жизнь по нравственному выбору, зато взамен обрёл бессмертие.

КЕДРОВ versus ЛЮБИМОВ

Ещё сильнее пьеса Кедрова звучит в диптихе с очерком «Мой театральный роман». Театр выдвигает имя автора на авансцену, но получает право редактировать текст пьесы по своему произволу. Это со-творчество на грани фола. Паскаль говорил: «Во мне, а не в писаниях Монтеня находится всё то, что я в них вычитываю». И, чем талантливее читатель, тем больше он «вычитывает» в произведениях искусства. Читатель Юрий Любимов, гениальный театральный режиссер, конечно же, видел пьесу по-своему. Театр «подправил» немного пьесу Кедрова, и не всегда, на мой взгляд – в лучшую сторону. Конечно, отношения между автором пьесы и режиссёром спектакля нельзя воспринимать как противостояние в буквальном смысле слова. Иначе у двух достойных художников ничего бы не получилось. Парадокс, но театр – это черновик, следующий после чистовика-пьесы. Всё наоборот. И в такой огнеопасной ситуации, когда автор, Константин Кедров, защищает свой текст, а режиссер всё время норовит его переименовать – под себя, и высекается театральная искра. Но театр – дело времени. Театр долго не живёт. А вот у текста пьесы появляется шанс жить вечно. В авторском варианте. Пьеса «Сократ/Оракул», поставленная по «Посвящению Сократа», тем не менее, оказалась чуть ли не единственной репертуарной пьесой Любимова, отснятой на видео. Это даёт нам уникальнейшую возможность сравнить спектакль с печатной версией пьесы. И ощутить объём бытия, сращивание тоник с доминантой.

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОГРАДСКОЙ

(Александра Петроградская. Великий Атала. Царь Атлантиды. Роман. М., Вест-Консалтинг, 2018)

Мой интерес к роману Александры Петроградской был подогрет нешуточным любопытством к личности фараона Эхнатона. Ведь это была первая попытка монотеизма в истории человечества! Если мы посмотрим на этот аспект шире, нельзя исключать, что великий Моисей просто «экспортировал» из Египта идею единобожия, предложенную Эхнатоном. Во всяком случае, именно такую гипотезу выдвинул в своём скандальном очерке Зигмунд Фрейд. Красота Нефертити, супруги Эхнатона, оставшаяся в веках, тоже немало способствует интересу публики к этой эпохе.

Александра Петроградская – кавалер медали имени Леонардо, которая вручается за разносторонность в творчестве. Именно это качество помогло ей справиться с колоссальной задачей – создать интегральный

роман-эпопею. «Великий Атала» – это роман-реинкарнация. Человек – возможно, лучший проект Бога. В романе автор выстраивает величественную космогонию происхождения мира и природы вещей. Бог-отец, бог-сын и бог-внук. Отец – это тот, кто создал этот космос. Как это ни покажется парадоксальным, в религии древних атлантов уже просвечивает христианство. Нет ничего нового на земле: всё было, было, было. На мой взгляд, настоящим открытием Александры Петроградской является идея «шарной» реинкарнации. Муж и жена, живущие, как одно целое, возрождаются к новой жизни в любви и снова находят друг друга для продолжения своей миссии. «Атала» – это факсимильные скрижали писательницы, позаимствованные у вечности. «Фениксовость» любви и вечное возвращение добра и не дают, на мой взгляд, мировому злу одержать победу в метаистории.

Атланты Александры Петроградской постоянно помнят о своём высоком предназначении. Они, по меткому выражению барда и океанолога Александра Городницкого, «держат небо». «Это как Сотворение мира заново. Интерпретация сакрального знания в новой среде требует колоссальной энергии», – признаётся автор этого удивительного романа. «Аталу» Петроградской можно поставить в один ряд с «Хрониками Нарнии» Клайва Льюиса, «Хрониками Амбера» Роджера Желязны и даже «Властелином Колец» Толкиена. Я никоим образом не сравниваю сами произведения. Однако все эти романы, на мой взгляд, объединяет жанр. Это фэнтези, мистический роман. Но, если в вышеупомянутых хрониках целью является победа добра над злом, то у Петроградской это – создание нового человека. «Главная цель плавания в лабиринте времени – сердце. Оно должно стать солнечным, золотым», – говорит Александра. Повествование ведётся попеременно, то от имени рассказчика, в третьем лице, то от имени Гааллы, то от имени Тийи и других персонажей романа, «из гущи событий». Автор почти идентифицирует себя с любимыми женскими персонажами. Слог Александры Петроградской плавен, величествен и прекрасен. У неё есть несомненный дар романиста. В «Атале» экранирует философия «лучистого человечества», рассказанная Циолковским физику Чижевскому. Александра поднимает в своём романе глубочайшие и вечные темы. Она успела подумать о многом. Роман «Великий Атала. Царь Атлантиды» способен стать событием в русской литературе.

Большой знаток человеческих душ поэт и философ Константин Кедров назвал Александру Петроградскую *посвящённой*. Несомненно, непосвящённым замыслы подобных книг не подвластны. Космические путешествия атлантов из далёких созвездий на Землю и гибель Атлантиды, стилизованная автором под уничтожение Содома и Гоморры, служат только увертюрой к увлекательному повествованию о Египте времён Эхнатона и Нефертити.

Книга Петроградской высоко духовна, она требует от читателя полного погружения. Огромный шестисотстраничный том прекрасно «выписан» изнутри. Пуантилистической плотности и насыщенности повествования, наверное, мог бы позавидовать сам Флобер. Вот, например, земляне встречают пришельцев-богов «торжественным испугом». Прекрасно сказано! Несомненно, читателя держит в тонусе не только сам сюжет, но и, в огромной степени, язык романа. Само чтение этого произведения требует от читателя внутренней чистоты. Нечто подобное я испытал, слушая музыку Палестрины. Пока ты отягощён суетой, ты словно бы не можешь «войти» в эту музыку. Конечно, важно ещё войти в дух той далёкой эпохи. «Легенды и мифы – достоверны», – убеждает нас Александра Петроградская, – а боги, которые в них фигурируют, – это великие люди золотого века, получившие со временем статус богов». Таковы Атала и Гаалла.

«Атала» Петроградской – очень умная книга. Автор ставит в ней глубокие вопросы, связанные с духовной практикой человека. Знания – дают ли они силу? Или, наоборот, лучше двигаться к своей цели вслепую, доверяясь энергии постижения? Которая из истин лучше руководит человеком – полученная по наследству в виде готового знания или добытая самостоятельно? Культура аккумулирует знания человечества, но при этом «балзамизирует» их, сковывает новых авторов славой великих предшественников. В романе Петроградской есть любопытный эпизод, когда наследнику престола приносят рукопись поэмы Аталы. Но пантера Баст выхватывает рукопись и разрывает её в клочья, а посвящённые – Амен и его мать Тийя спокойно и добродушно на это смотрят. Можно ли сегодня представить, чтобы мы спокойно взирали на уничтожение, скажем, неизвестной рукописи Пушкина?

В романе существует вариативность имён главного героя. То он Атала, то он Амен, то – Эхнатон. Но в этом есть и сокровенный замысел автора. Великий Сфинкс, Человеко-Лев, меняет свои имена, однако сохраняет сущность, характер своей энергии. Есть священная вертикаль духа: Ата – Атала – Атон. Есть двойной лик богочеловека «инь-ян», присутствующий в обложке романа Александры Петроградской.

Сердце Эхнатона становится, по меткому выражению Достоевского, «полем битвы». Дух – или золотой телец? Множество подробностей быта фараона и его окружения погружают нас в ту далёкую эпоху.

«Великий Атала», подобно «Саламбо» Флобера – ещё и роман исторический. Не забудем: Александра Петроградская – больше, чем писатель. Она ещё и профессиональный художник. И она, конечно же, на сто процентов использует свои сильные стороны в романе. И роман от этого только выигрывает. Великая жертвенность создаёт лучшие миры! Петроградская легко передвигает тектонические плиты истории. У главного героя романа – «сердце размером со Вселенную», ведь главное для атлантов – «качество собранного ими света». «Великий Атала» производит очищающее воздействие на читателей. Прикоснувшийся к эзотерике Александры неизбежно возвращается к самому себе, задавая вечные вопросы: «Кто я? Зачем я? Откуда и куда иду?» В заключение мне хотелось бы поблагодарить автора за то, что в наш меркантильный и мелочный век она не побоялась обратиться к вещам вечным и сакральным.

НЕСТАНДАРТНЫЙ ПУШКИН

(Юрий Нечипоренко. Плыви, силач! Молодые годы Александра Пушкина.

С-Пб, ООО Издательство «Август», 2018)

У известного писателя Юрия Нечипоренко вышла повесть о становлении Александра Сергеевича Пушкина, предназначенная, в основном, для детей и юношества. Но я убеждён, что книга будет любопытна и взрослому читателю. Например, мне удалось почерпнуть в ней массу интереснейших фактов из жизни Пушкина, о которых я раньше не знал. Это уже не первая работа плодovitого и талантливого автора о русских классиках: ранее у него выходили книги о Ломоносове, Гоголе, Лермонтове. Из более чем обширной биографии Пушкина автор точно выбрал, на его взгляд, наиболее интересные моменты. Книга получилась в высшей степени нетривиальной. Многие ли помнят, как звали маму Пушкина? Сколько было у него сестёр и братьев? То-то и оно. А ведь это очень важные вехи в жизни гения. Мало кто теперь представляет, что прославленный Царскосельский Лицей был, в сущности, «казармой». Юрий Нечипоренко акцентированно рассказывает о семье великого поэта, об особенностях его взросления. Юрий посмотрел на некоторые эпизоды из жизни Пушкина особым взглядом, что в многотомной пушкинистике сделать очень сложно. Оказывается, прямо с колыбели поэт много путешествовал, постепенно приобретая широту взгляда на окружающий мир. У его родственников было несколько имений, разбросанных по стране. Вот родители и возили по ним маленького Сашу. Дostatка в семье хватало и на то, чтобы снять большой дом в другом городе.

Судьба любого человека, а поэт – тем паче, зависит от генеалогического древа, на котором он вырос. Прадед поэта был арабом, привезённым из Турции. Не негром, как любят шутить наши острословы, а именно арабом. Но это только одна шестнадцатая по отношению к другим его предкам. А вот то, что родной дядя Александра Сергеевича Василий Львович Пушкин был известным поэтом, достаточно симптоматично. Возможно, маленький Саша начал сочинять стихи именно потому, что этим, и не без успеха, занимался его родной дядя.

На мой взгляд, в любой биографии интересно то, что ломает наши стереотипы. Мы считаем, что в дуэли с Дантесом Пушкину не повезло: он «попал» на прирождённого стрелка. Но вот я читаю книгу Нечипоренко – и понимаю, что Пушкин сам нередко вызывал своих современников на дуэль. По гораздо меньшим поводам! «Нужно жить ярко, иначе так и не выбьешься из толпы», – говорил он. Правда, было это, по большей части, ещё в юные годы. Например, он вызвал на дуэль Толстого – «Американца». Потом, правда, успокоился и отомстил Фёдору Толстому «профессионально» – едкой эпиграммой. Вот что особенно важно для понимания великого поэта и его судьбы: рождённый под воздушным знаком Блинецов, это был человек, состоявший из контрастов. Юрий Нечипоренко и не скрывает, что Пушкин часто не знал, как ему отвечать на нанесённую обиду, был склонен к необдуманным поступкам.

Царь Николай Первый был сверстником Пушкина по возрасту. Может быть, поэтому они и подружились. Книга Юрия Нечипоренко названа чудесным образом – малоизвестной строчкой из письма Жуковского. Казалось бы, образ силача мало ассоциируется у нас с образом маленького поэта, чей рост не превышал 150 см. Но Жуковский говорит именно о духовной силе поэта, и здесь он явно сильнее Поддубного или Жаботинского. Пушкина в переломный момент жизни предал собственный отец. Впрочем, «предал» здесь, возможно, не самое точное слово. Он взял на себя неблагоприятную миссию просматривать письма сына. Пушкин был в отчаянии. И тут поэта в буквальном смысле слова спас своим душевным письмом от саморазрушения Василий Андреевич Жуковский.

«На всё, что с тобою случилось, и что ты сам на себя навёл, у меня есть один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья и обратиться в добро заслуженное; ты более, нежели кто-нибудь, можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рождён быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, всё твоё возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедаю с спокойного берега утопающему. Нет! Я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывёт, если захочет сам. Плыви, силач». Жуковский, которому поручено было воспитывать царского наследника, явно имел склонности к педагогике. В Пушкине он видел своего царственного наследника в поэзии и очень помог другу этим письмом в трудную минуту.

И вот что ещё врезалось мне в память при чтении книги Юрия Нечипоренко. Пушкин при поступлении в Лицей котирировался на уровне 14-го ученика в классе из тридцати. За пять лет учёбы его «обогнали» по успеваемости ещё 12 человек. А теперь он у нас первый – через века – во многом благодаря своим удивительным стихам. И хочется резюмировать сказанное по-пушкински: «Ай да Нечипоренко, ай да молодец!».

ПОЭТ-ТРИБУН

(Я беру слово. Избранное 1988-2015. Симферополь, ООО «Форма», 2016)

Я был хорошо знаком со Львом Болдовым, наблюдал его молодую славу, полные залы библиотек и дворцов культуры. Конечно, уйти из жизни в 45 лет – слишком рано, по любым человеческим меркам. Остались – его стихи. Составляются новые книги, уже посмертные, исходя из какого-нибудь непривычного взгляда на творчество покинувшего нас поэта. «Я беру слово» – это избранная гражданская лирика Льва Болдова. Книга составлена и издана его вдовой Ириной Ганжой. Конечно, такой взгляд на творчество поэта имеет право на жизнь: Болдов начинал как поэт-трибун. Обложка книги решена в чёрно-белых тонах. Справа, почти в полный рост, молодой Лев, читающий стихи на Старом Арбате. На оборотной стороне книги вкладыш – машинописные тексты поэта конца восьмидесятых годов. Много говорят о «хрущёвской» оттепели. Но ведь была и «горбачёвская» оттепель – с теми же стадионами, слушающими поэзию. Мы об этом предпочитаем не говорить, поскольку горбачёвская либерализация привела к развалу страны. Вместе с тем, это было время, когда Арбат заговорил сотнями, а то и тысячами голосов поэтов. Я сам выступал в то время на Арбате. Вот, пожалуй, на Арбате и родился поэт Лев Болдов. Почему именно там? Для каждого поколения есть своё сакральное «место встречи». У шестидесятников, например, таким местом была площадь у памятника Маяковскому на Триумфальной площади.

«Я беру слово» – название во многом символическое. Поэт не ждёт прихода вдохновения, когда оно его посетит (пассивное начало). Он сам «берёт» слово (активное начало) – и делает с ним всё, что захочет, опираясь на свои знания и мастерское владение языком. Поэзия Льва Болдова завораживает магически. Я уже не смогу забыть афоризм поэта про улицу, которую не сможешь перейти, если внезапно «схлынет благодать, иссякнет манна». Но самое интересное, на мой взгляд, это Болдов-рассказчик. Сила его любви к своим героям так велика, что я невольно заражаюсь этой силой. Почитайте его стихи о Галиче, о Николае Втором.

Когда я спросил у Кирилла Ковальджи, в чём особенность и своеобразие Льва Болдова (а Лев – воспитанник школы Кирилла Владимировича), Ковальджи сказал: «Лев, в отличие от многих других поэтов, не боится взять на себя ответственность за своё слово. Там, где другие промолчат, он готов взять на себя тяжесть мира. Этим и отличается он от других». В 90-е годы началась контртрибунация против громкой поэзии. Громкое искусство обвинили в пафосности; говорили, что это – вообще не поэзия. Но Лев Болдов не испугался. Он остался верным избранному стилю. По большому счёту, разделение поэзии на «громкую» и «тихую» – весьма условно. Когда читаешь стихи на бумаге или экране ноутбука, совсем не ощущаешь, что некоторые из них гремели прежде на стадионах. У бумаги нет «звука». Есть только авторская интонация.

Болдов использует лучшие образцы поэтики шестидесятников, их подачу стихотворений. Льва можно легко представить читающим стихи в огромных переполненных залах. Это органично вписывается в его поэтику. И пусть современные залы уже не так масштабны, как ранее, творческая манера Болдова осталась столь же активной и насыщенной. Он всегда читал стихи в полный голос. Поэт откровенно

говорит о себе – «горлан, мечтатель, стихоплёт / Уже ступивший безоглядно / На хрупкий, безоглядный лёд». Здесь интересны противоположности, которые идут у него через запятую, «горлан» и «мечтатель». Пожалуй, только Маяковский сочетал в себе в такой степени лиризм и трибунность. Поэт-трибун выходит один против всего мира. И, что бы мир о нём ни думал, он выходит – и начинает читать. В каждом из стихотворных сборников Лев Болдов «брал слово». «Я беру слово» – это стихи гражданского содержания, собранные под одной «шапкой» уже после безвременного ухода из жизни поэта. Многие были найдены в рукописях и опубликовано в книге впервые. В русской литературе не так много писателей с ярко выраженной гражданской позицией. И, конечно, такая книга очень актуальна. Книга – это всегда новая жизнь для творческой личности. В ней, как в живом человеке, сочетаются материальное начало (бумага, шрифт) и духовное (лирика). Гражданские стихи сильнее тогда, когда они лиричны.

*Запущен в небеса, как дротик,
Не сбитый снайпером пока,
Летит бумажный самолетик –
И прошивает облака!*

*Он снизу – крохотная точка
В потоке турбулентных лет,
И облачная оболочка
Его окутывает след.*

*Но рвётся яростный разведчик
Упрямо – выше облаков –
К соцветиям небесных свечек,
К мигалкам звёздных маяков!*

*В бездумной, фанатичной тяге,
Запущен детской рукой,
Тот сложенный листок бумаги –
С моей дымящейся строкой.*

Эти строки, которыми завершается книга «Я беру слово», долгое время считались последним стихотворением поэта. Но потом обнаружилось ещё одно, самое-самое последнее.

После того, как книга уже прочитана...

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЬВА БОЛДОВА (Двойной портрет Льва Болдова и Александра Смогула)

Существует поверье, будто бы большой поэт «не может» написать плохое последнее стихотворение. И это часто подтверждается жизненной конкретикой. Как-то, разгребая свои архивы, я наткнулся на листок, исписанный от руки моим собственным почерком. Но стихи были не мои. Несмотря на то, что гул, к которому я, во избежание недоразумений, обратился, ни на кого из пишущих не сослался, я был убеждён в этом на сто процентов. Чисто стилистически я такие стихи написать не мог. Я глубоко задумался. Не хватало ещё присвоить себе чужое! И тут – откуда-то сверху – пришёл ответ. Первая ассоциация у меня была – «Смогул». И потом, чуть погодя, «Болдов». Это были стихи Льва Болдова об Александре Смогуле. Когда в канун нового 2015 года умер Александр Смогул, через месяц, в начале февраля, Лев написал посвящение другу – московскому поэту, барду, импровизатору Александру Смогулу. И листок этот был найден уже после смерти Льва. А надиктовала эти строки мне по телефону его вдова Ирина – с тем, чтобы я прочёл их на вечере памяти поэта. Лев написал стихи, где он использует лексику своего друга, в частности, «не дрейфь, старик». Так любил говорить, обращаясь к своим собеседникам, Александр Смогул. И это стихотворение – в сущности, двойной портрет Болдова и Смогула.

ЛЕВ БОЛДОВ

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СМОГУЛА

Новогодний бал. Балаган. Финал.
 Утопают в дыму «сфрущобы».
 Я прекрасно знал его. II не знал –
 Как не смог его знать никто бы!

Тишина – как застрявший в гортани крик,
 Вечный «бой» на запойной лире.
 Он однажды сказал мне: «Не дрейфь, старик! –
 Ты уже состоялся в мире».

Волхователь, кудесник, шатун, шайтан,
 Вечный жид прокопчённых кухонь...
 Гриф гитарный, стакан и гетеры стан –
 II земля – тополиным духом!

Невесомость летящих на ветер лет

.....
 Он однажды сказал: «Ты уже поэт», –
 Положив на плечо мне руку.

Он прожил – как у Вечности взял отгул.
 Кончен бой. В дымоход – пехота.
 Всё он смог. II остался набатный гул –
 Пустоты – от его ухода.

«Они ушли. Они остались», – вспоминается крылатая фраза поэта и издателя Евгения Степанова. Каждый из ушедших – со своими неповторимыми чертами. Есть, конечно, много общего между Львом Болдовым и Александром Смогулом. Помимо отменного качества стихов, это – неизбывное пристрастие к алкоголю и не иссякающий интерес к прекрасному полу. Мне кажется, Лев Болдов остро чувствовал это «химическое» сродство душ, потому и отзывался стихами на уход близкого по духу человека, старшего товарища по перу. Оба были людьми стихийными, особенно под допингом, и поэзия являлась для них единственным смыслом жизни. Когда я познакомился со Львом, это было в девяностых годах, в салоне «всех муз» Анны Коротковой, я ничего о нём не знал. Бывают неуместные вопросы, которые мы порой задаём другим людям. Задаёшь потом тот же самый вопрос десяткам других людей – и никто не обижается, все с радостью отвечают. И ты не ждёшь подвоха, задавая его в очередной раз. Я спросил у Льва, когда нас познакомили, за общим столом: «А чём Вы ещё занимаетесь, помимо Вашей поэзии?». Я хотел узнать поподробнее круг интересов заинтересовавшего меня человека. Надо было видеть реакцию Льва. Когда до него, бывшего навеселе, дошёл смысл вопроса, он ударил кулаком по столу. И громко, нервно крикнул: «Я – поэт!». Заниматься чем-нибудь «помимо» было для него оскорблением. Грешным делом, я сейчас вот думаю: «А напрасно они со Смогулом больше ничем, кроме словотворчества, не занимались!». Человеку, который всего себя поставил на кон вечности, нечем защититься от козней времени, от обид и т.п. Другие увлечения и обязанности могли бы, как минимум, увести поэтов от рюмки. И, конечно, Лев Болдов хорошо понимал жизнь и творчество Александра Смогула, поскольку сам жил практически по тем же канонам. «Гриф гитарный, стакан и гетеры стан». При этом оба были людьми умными и высокообразованными. Всё время общались с коллегами, всегда были в гуще событий, на острие пера.

Лев был человеком очень компанейским. Ему постоянно нужен был круг друзей, готовых слушать его стихи. Он мог читать стихи наизусть часами! Ни разу не видел его читающим по бумажке, даже когда выступление длилось несколько часов подряд, без перерыва. Подобно Высоцкому, Болдов не делал разницы между выступлением на сцене и читкой в кругу друзей. Сцена была для него везде. Встал у столика – вот тебе и сцена. Он читал каждое стихотворение наизусть невероятное количество раз, всегда – в полный

голос, так, чтобы слушателей пробирали мурашки. Стоит ли удивляться, что память практически никогда его не подводила, даже в состоянии критической усталости?

Саша Смогул любил придумывать себе биографию. То он был боевой офицер, афганец, то бывший детдомовец, то советский разведчик... И вся эта информация приправлялась такой дозой секретной доверительности, что практически все ему верили. Верили и удивлялись. Поэты всегда остро чувствуют «нехватку» биографии. Жизнь, правду написал Болдов, протекала в основном на прокопченных и прокуранных кухнях хрущоб. Саша Смогул был, без сомнения, мифотворец. Однажды нас с ним вёз на машине выходец из постсоветской страны. И Смогул на протяжении получаса дотошно, «научно» и вдохновенно рассказывал водителю о том, что страны, откуда тот прибыл, на самом деле не существует. Я вообще удивляюсь, как этот человек довёз-таки нас в тот раз домой. Сашин «перфоманс» был, на мой взгляд, уже «за гранью фола». Но такие импровизации были для Александра Смогула сродни новому стихотворению. Он жил вдохновением. И умел ловить бабочку вдохновения в свой сачок в самых разных ситуациях.

В концовке последнего стихотворения Льва Болдова зашифровано имя Смогула; стихи эти, в сущности, можно давать без названия. «Всё он смог. И остался набатный гул...». Недописанная вторая строка предпоследнего катрена напомнила мне незавершённую строфу стихотворения Осипа Манделштама, обращённого к Марине Цветаевой: «Где обрывается Россия над морем чёрным и глухим». Наверное, и Манделштам, и Болдов могли запросто дописать эти стихи. Чисто технически это не представляет большой сложности. Но что-то помешало. И, когда я читаю эти стихи, у меня появляется чисто мистическое ощущение... энергетики пропущенных строк. В случае с последним стихотворением Льва Болдова, не исключено, что поэт оставил эту лакуну нарочно. Это словно бы чёрная дыра, засасывающая в себя жизни известных поэтов. Это – предчувствие своего скорого ухода. Это – пунктир вечности.

«ШШКАФ»

ВЕРОНИКА КОВАЛЬ

НОЧЬЮ МИР – НАВЫВОРОТ

(Галина Соколова, Элла Мазько. *Страшная ночь, или Визит зелёной феи.* – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2018. – 202 стр.)

Вышел в свет новый роман Галины Соколовой и Эллы Мазько «Визит Зелёной Феи». Авторы считают его продолжением предыдущего – «Хождение по Золотой Горшок или Сказки Гофкина». Действительно, книги объединены важным персонажем: в первом случае это кот Муркевич, якобы настоящий автор произведения, во втором за него выдаёт себя наглый самозванец. Важнее, однако, похожесть жанра и стилистики обоих романов. И тот, и другой – это хорошая, серьёзная современная литература. Современная – со всеми её признаками. А именно, отказом от линейного повествования и письмом в формах постмодернизма, но не стесняя себя его уже затвердевшими приёмами. Один из них – смешение жанров. Обе книги – авантюрные приключенческие романы с вкраплениями детектива, love-story, комикса, рассказа в рассказе, триллера и – в новом произведении – изрядной доли романтических сцен. Далее – брехтовский принцип «остранения» в отношении к персонажам. Далее – включение в текст, казалось бы, не имеющих отношения к нему фрагментов – как-то: рецепт пирога «Двойная улитка» и эссе о ненависти к морю графомана Ардальона. Далее – абсолютно свободное и даже, можно сказать, бесперомонное обращение с пространством-временем. Пласты эпох авторы сталкивают лбами – так, что искры летят. Из пещеры в нынешней одесской глубинке героиня шагает напрямиком в 1917 год. Через старую чугунную ванну в подвале дома на Молдаванке герои просачиваются на тропический остров. И таких «приколов» видимо-невидимо. Вдумчивый читатель (на такового и рассчитаны романы) пой-

мёт, что этот микс не ради приплясывания перед публикой, а замаскированные смысловые загадки. Например, зачем одна из авторов дала героине собственное имя? Почему все краски текста замешаны на зелёном? Для чего раздвоение (даже расслоение) личности главного персонажа? Отгадывать их – интеллектуальное напряжение, но и удовольствие!

Сюжет укладывается в одну фразу. За ночь героиня отыскивает исчезнувшего гражданского мужа, спасает двоих детей от родителей-самодуров и возвращает на время свою первую любовь. Возможны ли такие кунштюки? Вполне – после кружки отвратительно горького, схожего с мутно-зелёной болотной жижей гаитянского чая, на котором вышеупомянутый муж хотел сделать бизнес в Одессе. Именно им баловалась врач «свердловки» (известное одесситам заведение!) в ночь дежурства 31 марта.

Глоток за глотком – и в её мире всё выворачивалось наизнанку. Сплетались и сливались миражи и явь, зло и добро, человеческое и звериное, копошились в своих семейных норах бесчисленные персонажи, вдруг наплаывали космические туманности...

Из этого вороха воспоминаний и впечатлений героини, ответвлений от главного ствола текста, лабиринта ассоциаций явственней всего вырисовываются три персонажа: пропавший муж Бредо, первый муж Ян и Улитка, назвавшая себя Камелией Сазан – секретарём невидимого всемогущего Кота Муркевича.

Оставим пока в тени Камелию. Остов сюжета – противопоставление двух человеческих типов. Контраст натур. Подразумеваемая борьба их жиз-

ненных принципов. Висящий в воздухе вопрос – кто жизнеспособней: расчётливый хитрован или живущий чувствами романтик?

Авторы наводят на резкость до предела. Сшибка двух начал дана с беспощадной, слепящей яркостью. Но не с публицистической прямоотой. Плоть литературы – художественный образ, и авторы облакают в художественную форму житейские коллизии, персонажей (а роман – густонаселённый).

Суть первого типажа – неудачливого одесского барда (по нику – Бредо) – растворена в более мелких его двойниках на пространстве всего повествования, но они то и дело всплывают, выкрикивая своё кредо: «Меня за рупь за двадцать не взять!». Они узнаваемы даже по внешности. У них длинный нос (даже у кота!), хвост (у рыжего Бредо – перетянутый резинкой) и щель между резцами. Эти несимпатичные черты доводятся в романе до абсолюта: есть, утверждают авторы, такое, занесённое в Красную книгу, похожее на крота животное – щелезуб. Водится он на тропических островах, у него жёсткая рыжая шерсть и голый толстый хвост. Туда же через чугунную ванну попадает бездарный бард, многоженец, вымогатель, лжесвидетель, авантюрист мелкого пошиба Бредо. В Одессе его разыскивают кредиторы, жена (последняя из шести) и целое сыскное агентство, а он себе голышом бегаёт по острову, поёт для фанатов-аборигенов, охотится на щелезуба, не замечая, что сам стал таковым.

И Бредо счастлив!

История бредовских авантюр перемежается в романе с историей возвышенной юношеской любви. Эти исповедальные страницы написаны с пронзительным лиризмом. Они возвращают читателя в мир нормальных человеческих чувств – жертвенности во имя любви, трепетности, доверчивости, нежности.

Ян дарит любимой уникальную, чудом возвращённую Зелёную розу. Он готов принести к её ногам весь подлунный мир!

Казалось бы, напрашивается happy end.

Увы! Неловкое па в танце – и роза падает, рассыпается, исчезает.

Рассыпаются и отношения, хотя любовь жива, она не подвластна времени. Счастье, как видно, не может длиться дольше мгновения.

Так кто же из контрастных фигур жизнеспособней?

Авторы не дают ответа. Но объясняют, почему действен принцип единства и борьбы противоположностей. Вернее, излагает эти истины загадочная Улитка в ярко раскрашенном панцире, с рожками-антеннами в виде полумесяцев. Единственный моллюск, сумевший покорить сушу.

Как мне назвать тебя? Какая

В тебе загадка колдовская?

Праматерь всех существ иных,

Воздушных, водных и земных?

Д. Саклинг, поэт XVII века

Улитка – древний символ вечности и бесконечности. Её панцирь, закрученный в спираль, – иллюстрация закона развития природы и человека. Всё развивается по спирали. Привезённая Бредо с острова Гаити Улитка Камелия выползает из тазика и рассказывает Галине свою love story, и оказывается, что они зеркально похожи! Просто всё подчиняется законам Вселенной. Любимого Улиткой Сазана ловят удочкой. Другой превращается в человека типа Бредо. Улитка в отместку даёт ему в зубы – так получился щелезуб.

«Мы принесли на землю жизнь», – вещает Камелия, но Бредочеловеки опасны тем, что Вселенная может рассердиться и растворить земную жизнь в туманности Двойная Улитка.

Так что выбирай, человек: скатываться по спирали вниз и вырождаться в щелезуба или, ошибаясь, скорбя, теряя и обретая, неуклонно подниматься...

ЛАНА ЯСНОВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ, или РАЗМЫШЛЯЯ О КНИГЕ МАРИНЫ АНАШКЕВИЧ «ТАЙНОПИСЬ»

Передо мной – новая книга Марины Анашкевич, автора, которого хорошо знают как прозаика, и в новую книгу вошёл один из рассказов автора – «Лоскутное одеяло», рассказ очаровательный, глубоко личностный, а потому живой, проникновенный и растревоживающий читателя до слёз. И

всё же в этот раз страницы книги почти всецело отданы поэзии, причём поэзии особенной – для кого-то, может быть, непривычной, но, несомненно, интересной, более того – завораживающей (слова *ворожить*, *магия* непроизвольно приходят на ум в ходе прочтения книги):

*Мой философский камень – ключ,
хранящий ИМЯ...*

Пожалуй, в этих словах, с которых начинается стихотворение Марины Анашкевич «Тайнопись», давшее название всему сборнику, отражена не только ключевая мысль вошедших в него произведений, но и авторская творческая установка на разгадывание имени, на постижение его сути. И не беда, что это ИМЯ порой написано на песке:

*А ива золотую веткой
выводит ИМЯ на песке...*

– звучащее, оживающее в устах, оно движется во времени и пространстве, переливаясь смыслами-границами. И эти переливы стремится «ухватить», выхватить из потока, «подержать на языке» Марина Анашкевич, огромное внимание уделяющая звуковой реализации слова, например:

LA LOBA
звучит, как любовь...
<...>
Не жду никого в гости,
а собираю в горсти
по-звон-ки...

«LA LOBA»

Значимость звука подчеркивается автором и на уровне номинаций частей (глав) сборника («Женщина в бубенцах», «Переключаясь»), и путём противопоставления звучания и беззвучия, «запирания слов внутри» (стихотворение «Беззвучие»). Ассоциативно здесь вспыхивает в сознании тютчевская строка из стихотворения «Silentium!»: «Молчи, скрывайся и тай...».

Внутренняя интертекстуальность поэзии М. Анашкевич, помещение своего слова в контекст литературной традиции – свидетельства профессионально отмеченного отношения автора к поэзии и к литературе в целом, отсюда и высокая требовательность к слову, которая лежит в основании настоящего поэтического текста, живого, звучащего, поющего, животворящего струны человеческой души.

При этом хочется отметить авторское стремление проникнуть в глубину слова, вплоть до постижения прасмысла, приближения к пракорню, что определяет новаторство поэзии Марины Анашкевич.

В этой связи с одобрением замечу, что здесь нет

ухода в фоносемантику. Как языковед, я весьма скептически отношусь к этому околонуучному направлению, полагая, как и большинство моих коллег, что фонема, акустической реализацией которой является звук, – всего лишь строительный материал для значимых единиц языка – морфем, слов... Фонема не обладает ни лексическим, ни грамматическим значением, но в то же время нельзя не согласиться с фактом эмоционального воздействия звука, звуковых волн на сознание человека. Вспомним того же В.В. Маяковского с его громогласными строками, в которых повторяющееся стечение звуков *-рр-* (с вариантом *-лл-*) создаёт ощущение надвигающейся катастрофы:

Город *ррабил*,
ррб,
ррабастал,
ллббил
пуза касс...

Эмоциональное воздействие звука особенно ощутимо именно в поэзии, поскольку она уже в своём происхождении является звучащим, поющим текстом. А потому именно в поэзии мелодика, которая складывается из сочетания звуков, играет особую роль. Гармония или её отсутствие в поэзии – всегда маркеры текста.

Более того, стремление к звуковой гармонии лежит и в основе человеческого языка. Та самая тенденция к восходящей звучности, доставшаяся нам в наследство от закона открытого слога, действовавшего в праславянском языке, – подтверждение того, что сам язык стремится к гармонии, к музыкальности. Некогда и смысловое ударение было у славян музыкальным.

Эту музыку языка искали и находили в звуковых сочетаниях будетяне во главе с Велимиром Хлебниковым. Для них звукоряд был не менее, а порой и более значим, чем смысловое наполнение языковой единицы.

Но новаторство Марины Анашкевич в ином, звукоряд не становится для неё самоцелью. В ряду творческих задач автора – не просто установка на постижение языковых глубин, приближение к слову праязыка, к прасмыслу, но стремление через этот праязык обнаружить, «вскрыть» истоки *прапоэзии* как своеобразного архетипического инварианта поэтического существования слова.

Самые простые, обыденные слова становятся музыкой под её пером, переключаясь-переливаясь светом:

*Кликни: АУ!
всхлипу: УА!
как маленькая...*

«Лебязье»

*Я – МА! МАТРИ САМА!
А МАТЬ обидеть – что умереть,
поэтому ЯМА – смерть...
МАДОННЫ ВСЕЛЕННА бездонна...
МАТРЁНА-МАТРОНА на троне
калёном, ядрёном
в сонме своих детей:
дочерей, сыновей...
Ей-ей-ей-ей!!!*

*Я – ПРАМАТЕЇА,
огнь времён
прошлых и будущих
из-покон...
МАТЕР МАТУТА,
у МУТТЕР
звёзды там и тут
на Древе растут
без счёта, вольготно!
Я – МАРТА, Я – МАЙКА,
Я – МАЛА-НАНАЙКА,
АЛАЯ МА, АЛМА-АТА,
МАМАЕВЫ горы-высоты,
МАТКИ медовые соты...
Я – МАТА ХАРА, ТА-МАРА,
АЛАЯ ТАРА, АЛТАРЬ!
МАКОВ завет, МАКОШИ цвет!
МААТ с пёрышком...
Скрипка АМАТИ
стонущая...*

*Отрывок из стихотворения
«Песнь Вселенной»*

За кажущейся порой простотой слов скрываются (сокрыты) глубокие осмысления автором значений слов, стремление через синхронно постичь диахроническое, древнее.

При этом книга репрезентирует яркое гендерное – женское – начало, неслучайно здесь нередки уменьшительно-ласкательные суффиксы – особая примета женского языка:

*Черёмушки ветка,
наша соседка,
на ней столько солнышек...*

«Лебязье»

Магическим, неповторимым языком автор транслирует читателю/слушателю состояние женщины-матери, женщины-любовницы, женщины-волчицы, женщины-лебеди, женщины-кошки, женщины-травы, женщины-земли... Да разве можно перечислить все ипостаси, все воплощения женской души?.. И «женщина в бубенцах» проходит через эти воплощения, несёт их в себе и на раскрытых ладонях-страницах преподносит с любовью своему читателю.

Книга Марины Анашкевич похожа на эксперимент. И, на наш взгляд, этот эксперимент удался. Самопознание, познание мира и человека, открытие бесконечных смыслов бытия – всё это наполняет и насыщает жизнью книгу автора. Житейская мудрость женщины-матери и юношеская открытость переплетены в строках стихотворений поэта, которые утверждают власть истинной любви не только над жизнью, но и над смертью («Эвномя» и др.).

Любовь – одна из вечных тем поэзии, но именно сквозь призму таких – вечных – тем надёжнее всего проявляется индивидуальность настоящего поэта. При этом вывернется не только смысловая содержательность, глубина текста, но и техническое мастерство автора. Всё это характерно стихам, вошедшим в сборник Марины Анашкевич «Гайнопись».

Примечательно, что презентация книги состоялась в Овстуге, в родовой усадьбе Ф.И. Тютчева, в восстановленном доме поэта.

И не случайно стихотворение «Овстуг» вошло в заключительную часть книги:

*Лебязий остров.
Устюг велик, да и Овстуг не мал:
он миру Тютчева дал.
В Угличе колокол замолчал,
в Овстуге мальчик закричал...*

В авторском послесловии к книге читаем: «... Когда слагала стих о родовом гнезде Ф.И. Тютчева, сами собой написались строки: “В Угличе колокол замолчал, в Овстуге мальчик закричал...””. Подумала: при чём тут Углич? Где Углич и где Устюг с Овстугом... И что же выяснилось при внимательном прочтении биографии Тютчева?.. “Дед поэта, уроженец Угличского уезда, секунд-майор Николай Андревич Тютчев, женился на Пелагее Денисовне Панютиной, владевшей подмосковным селом Троицким”».

Вот такие открытия-угадывания... И так, наверное, бывает только тогда, когда автор не просто сочетает слова, но погружается в эту особую,

ирреальную, реальность, внутри которой происходит акт творения текста, чтобы затем читатель или слушатель смог погрузиться в это магическое состояние узнавания-открытия в привычном и обыденном слове чего-то нового, дотоле сокрытого и потому – волшебного.

Именно такое состояние происходящего на наших глазах волшебства охватило в вечер презентации вечернюю залу тютчевского дома, в которой звучали стихи Марины Анашкевич в исполнении автора. И, кажется, туда, в закатное небо, в тютчевскую «пылающую бездну», летел, минуя стены и крышу, человеческий голос: «Аууууу...»:

*И не было звука роднее,
Чем этот борейский
шёпот,
клёкот,
рёкот...*

«Борейское»

А потом на чёрный бархат августовского неба высыпали звёзды... И вокруг стало тихо и торжественно. И будто исчезли различия между веками... И вот мы стоим под этим беззвучным небом... И засыпают лебеди на усадебном пруду... И всё бежит за небесной Медведицей большая тютчевская белая борзая:

Псины язык горяч...

«Псглавец»

Поэту, несомненно, удалось «поймать» и зафиксировать в слове сопряжение ограниченного во времени пространства человеческого существования и вечности. И именно это создаёт неповторимую магию строк Марины Анашкевич, позволяющих нам ощутить сопричастность глубоко индивидуальному процессу творения поэтического слова, заглянуть в творческую мастерскую поэтессы и удивиться её открытиям.

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 20.11.2018 р.
Формат 60х70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 21,27.
Зам. 1439. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17